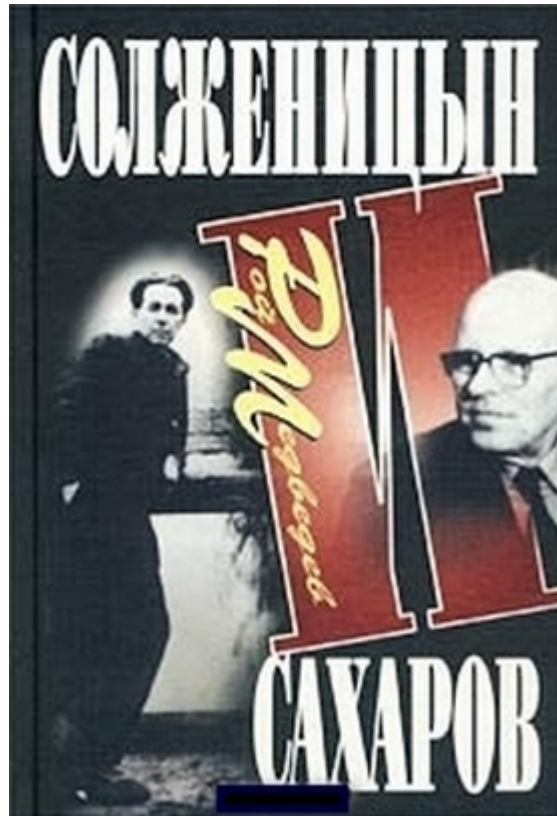

Рой Медведев Солженицын и Сахаров

Аннотация

Александр Исаевич Солженицын и Андрей Дмитриевич Сахаров. Великий русский писатель и великий русский ученый. Два нобелевских лауреата. Два великих социальных утописта XX века.

В своем новом исследовании известный российский историк Р.А.Медведев анализирует деятельность и идеи Солженицына и Сахарова, оставивших заметный след в развитии общественного сознания в нашей стране и оказавших, возможно, решающее влияние на судьбы Советского Союза и современной России.

Медведев Рой Солженицын и Сахаров

РОЙ МЕДВЕДЕВ

Солженицын и Сахаров

Александр Исаевич Солженицын и Андрей Дмитриевич Сахаров. Великий русский писатель и великий русский ученый. Два нобелевских лауреата. Два великих социальных утописта XX века.

В своем новом исследовании известный российский историк Р. А. Медведев анализирует деятельность и идеи Солженицына и Сахарова, оставивших заметный след в развитии обществен-ного сознания в нашей стране и оказавших, возможно, решающее влияние на судьбы Советского Союза и современной России.

Андрей Сахаров и Александр Солженицын

Первые встречи

Андрей Дмитриевич Сахаров и Александр Исаевич Солженицын встретились в первый раз 26 августа 1968 года - через несколько дней после оккупации Чехословакии войсками Варшавского пакта. Это событие стало большим потрясением для всех диссидентов, и многие искали какие-то формы, чтобы выразить на этот счет свой протест. Академик и трижды Герой Социалистического Труда А. Д. Сахаров только недавно - в мае 1968 года выступил как диссидент, обнародовав свой первый большой меморандум "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", - с призывом к развитию демократии и плюрализма. Это выступление быстро принесло Сахарову известность - и в Советском Союзе, и в западных странах. Но у него еще не было почти никаких связей не только с диссидентскими группами, но и с писателями и учеными за пределами большой, но замкнутой группы ученых-атомщиков. Солженицын получил мировую известность еще в конце 1962 года - после публикации в "Новом мире" повести "Один день Ивана Денисовича" - первой небольшой книги о сталинских лагерях, опубликованной в СССР. Но тогда это было частью "десталинизации", проводимой Н. С. Хрущевым после XXII съезда КПСС, и на встречах руководителей партии с деятелями культуры не только Н. Хрущев, но и Михаил Суслнов жали Солженицыну руку и горячо приветствовали публикацию "Ивана Денисовича". На путь открытой оппозиции режиму Солженицын вступил лишь в мае 1967 года, обнародовав свое "Открытое письмо IV съезду Союза советских писателей", - с протестом против цензуры и политических преследований советских писателей. В это же время был отправлен на Запад для перевода и публикации большой роман Солженицына "В круге первом". У Солженицына было много друзей и знакомых среди писателей, но он держался в стороне от всех диссидентских кружков. Однако теперь, в конце августа, ни Солженицын, ни Сахаров не хотели молчать и решили как-то объединить свои усилия. В эти дни в самых разных группах возникла

3

мысль о содержательном протесте, который могли бы поддержать несколько десятков наиболее известных тогда деятелей из интеллигенции. Неожиданно очень эмоциональный и глубокий по содержанию текст предложил кинорежиссер Михаил Ильич Ромм. Сахаров был готов подписать этот текст, но не хотел, чтобы его подпись стояла первой. Поздно вечером 23 августа подпись под этим документом поставил академик Игорь Тамм, его примеру последовало еще несколько ученых. Сахаров хотел ехать к Твардовскому, но Александр Трифонович в эти дни не появлялся даже в редакции "Нового мира" и ни с кем не встречался. Тогда Сахаров и спросил своих друзей о Солженицыне, который, как оказалось, и сам искал этой встречи.

Солженицын приехал в Москву из Рязани вечером 24 августа - для знакомства с ситуацией и поддержки общего протеста. 25 августа он встречался с разными людьми, а на следующий день с соблюдением всех правил конспирации Солженицын встретился и долго беседовал с Сахаровым. Эта встреча состоялась на квартире физика Евгения Файнберга, которого Андрей Дмитриевич хорошо знал. Но Файнберг был знаком и с Солженицыным. Александр Исаевич еще раньше искал связей с академическими физиками, у которых была репутация как влиятельных, так и независимых людей. В этой среде Солженицын встречал и восхищение, и поддержку. Придя в гости к Е. Файнбергу на Зоологическую улицу, Солженицын отказался от угощения и, внимательно осмотревшись, тщательно закрыл все окна занавесками. Он хотел строго доверительной беседы один на один. Вряд ли, однако, можно было полностью скрыть сам факт такой встречи от органов КГБ, так как Сахаров в то время был не только секретным, но и охраняемым ученым. Еще в начале 60-х годов он решительно отказался от открытой охраны, но не мог воспрепятствовать скрытому сопровождению. Впрочем, Сахаров и не пытался этого делать. Он и в 1968 году, и позже старался не прибегать вообще к какой-либо конспирации - ни при встречах и беседах, ни в телефонных разговорах. Это была его принципиальная позиция, и он заранее предупреждал о ней своих новых знакомых. "Мне нечего скрывать", говорил он в таких случаях. У него

просто не было никаких навыков на этот счет, и он не собирался ими овладевать. Солженицын, напротив, был склонен к самой тщательной конспирации, и у него были для этого веские основания. В любом случае о характере и содержании весьма продолжительной беседы Сахарова и Солженицына в органах КГБ, вероятнее всего, не

4

знали, для этого надо было заранее оборудовать квартиру Е. Файнберга подслушивающими устройствами. Однако много позднее и Сахаров, и Солженицын сами написали об этой важной для них встрече в своих воспоминаниях. Трудно удержаться поэтому от цитат. "Я встретился с Сахаровым в первый раз в конце августа 68-го года, - писал Солженицын, - вскоре после нашей оккупации Чехословакии и после выхода его меморандума. Сахаров еще не был выпущен тогда из положения особосекретной и особоохраняемой личности. С первого вида и с первых же слов он производит обаятельное впечатление: высокий рост, совершенная открытость, светлая, мягкая улыбка, светлый взгляд, теплогортанный голос. Несмотря на духоту, он был старомодно-заботливо в затянутом галстуке, тугом воротнике, в пиджаке, лишь в ходе беседы расстегнутом - от своей старомосковской интеллигентской семьи, очевидно, унаследованное. Мы просидели с ним четыре вечерних часа, для меня уже довольно поздних, так что я соображал неважно и говорил не лучшим образом. Еще и необычно было первое ощущение - вот, дотронься, в синеватом пиджачном рукаве - лежит рука, давшая миру водородную бомбу. Я был, наверное, недостаточно вежлив и излишне настойчив в критике, хотя сообразил это уже потом: не благодарил, не поздравлял, а все критиковал, опровергал, оспаривал его меморандум. И именно вот в этой моей дурной двухчасовой критике он меня и покори! - он ни в чем не обиделся, хотя поводы были, он не настойчиво возражал, объяснял, слаборастерянно улыбался - а не обиделся ни разу, нисколько - признак большой, щедрой души. Потом мы примерялись, нельзя ли как-то выступить насчет Чехословакии - но не находили, кого бы собрать для сильного выступления: все именитые отказывались"¹.

А вот что писал Сахаров: "Мы встретились на квартире одного из моих знакомых. Солженицын с живыми голубыми глазами и рыжеватой бородой, темпераментной речью необычайно высокого тембра голоса, контрастировавшей с рассчитанными, точными движениями, - он казался живым комком сконцентрированной и целеустремленной энергии. Я в основном внимательно слушал, а он говорил - страстно и без каких бы то ни было колебаний в оценках и выводах. Он остро сформулировал - в чем он со мной не согласен. Ни о какой конвергенции говорить нельзя. Запад не заинтересован в нашей демократизации, он запутался со своим чисто материальным прогрессом и вседозволенностью, но социализм может его окончательно погубить. На

5

ши вожди - это бездушные автоматы, они вцепились зубами в свою власть и блага, и без кулака зубов не разожмут. Я преуменьшаю преступления Сталина и напрасно отделяю от него Ленина. Неправильно мечтать о многопартийной системе, нужна беспартийная система, ибо всякая партия - это насилие над убеждениями ее членов ради интересов заправил. Ученые и инженеры - это огромная сила, но в основе должна быть духовная цель, без нее любая научная регулировка - самообман, путь к тому, чтобы задохнуться в дыме и гари городов. Я сказал, что в его замечаниях много истинного, но моя статья отражает мои убеждения. Главное - указать на опасности и возможный путь их устранения. Я рассчитываю на добрую волю людей. Я не жду ответа на мою статью сейчас, но я думаю, что она будет влиять на умы"².

Оставил свои воспоминания об этой встрече и хозяин квартиры Евгений Львович Файнберг. Он писал: "Мы с женой оставили Сахарова и Солженицына одних за накрытым столом. Я, конечно, понимал, что А. И. пришел сюда только ради встречи с Сахаровым и никто другой ему не нужен. И все же как прошлое общение, так и ощущение хозяина дома заставили меня раза два зайти к ним, один раз - принеся чай. Каждый раз, постояв минутку, я чувствовал по настроению А. И., что нужно уйти и уходил. Они беседовали, сидя рядом,

полуобернувшись друг к другу. Александр Исаевич, облокотившись одной рукой на стол, что-то наставительно вдалбливал Андрею Дмитриевичу. Тот произносил отдельные медлительные фразы и по своему обыкновению больше слушал, чем говорил. Не помню, сколько продолжалась эта беседа. Наконец они кончили и стали - по одному - уходить"³.

Какой-либо общий документ по поводу оккупации Чехословакии подготовить не удалось. На Игоря Тамма было оказано сильное давление, и он снял свою подпись. После этого все рассыпалось.

Немного позже Солженицын изложил свои замечания по меморандуму Сахарова в письменной форме и передал их лично Сахарову, но не пустил в Самиздат. Это было обширное письмо на 20 с лишним страниц, и Солженицын начинал свое письмо с самых высоких похвал Сахарову, бесстрашное и честное выступление которого является "крупным событием современной истории". Солженицыну не понравилось, однако, что Сахаров осуждает в своем трактате лишь сталинизм, а не всю коммунистическую идеологию, ибо "Сталин был хотя и очень бездарный, но очень последовательный и верный продолжатель духа ленинского учения".

6

Нет, по мнению Солженицына, и никакой "мировой прогрессивной общественности", к которой обращается Сахаров. Нет и не может быть "нравственного социализма", - "в превознесении социализма Сахаров даже и чрезмерен". Все это "гипноз целого поколения". Упускает Сахаров значение в нашей стране "живых национальных сил и живучесть национального духа", а все сводит к научному и техническому прогрессу. Нелепы и надежды Сахарова на конвергенцию, - эта перспектива конвергенции "довольно безотраднa: два страдающих пороками общества, постепенно сближаясь и превращаясь одно в другое, что могут дать? - общество, безнравственное вперекрест". Не спасет Россию и интеллектуальная свобода, как не спасла Запад, который "захлебнулся от всех видов свобод и предстает сегодня в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой". Критикуя Сахарова, Солженицын ничего, однако, не предлагал. "Упрекнут, - писал он в конце своего письма, - что критикуя полезную статью академика Сахарова, мы сами как будто не предложили ничего конструктивного. Если так - будем считать эти строки не легкомысленным концом, а лишь удобным началом разговора"⁴.

А. Д. Сахаров не стал отвечать Солженицыну, как и некоторым другим известным диссидентам и некоторым общественным деятелям Запада, которые решили письменно высказать свои замечания и пожелания автору меморандума. В 1969 году тяжелая болезнь, а затем и смерть первой жены Сахарова Клавдии Алексеевны надолго выбила его из колеи. Он почти ни с кем не встречался. Но уже в первые месяцы 1970 года Сахаров вернулся и к научной, и к диссидентской деятельности. Он активно участвовал во многих акциях правозащитного движения и познакомился со многими из его деятелей. В начале мая 1970 года состоялась и новая весьма продолжительная встреча Сахарова и Солженицына. Они обсуждали новый большой меморандум Сахарова - письмо руководителям Советского Союза Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину и Н. В. Подгоровому по проблемам демократизации советского общества. Солженицын, по свидетельству Сахарова, высказал свою оценку этого документа "гораздо более положительную и безоговорочную, чем "Размышлений". Он радовался, что я прочно встал на путь противостояния". Однако Солженицын решительно отказался от участия в разного рода кампаниях по защите людей, подвергшихся политическим репрессиям. "Я спросил его, - свидетельствовал Сахаров, - можно ли что-либо сделать, чтобы помочь Григоренко и Марченко. Солжени

7

цын отрезал: "Нет! Эти люди пошли на таран, они избрали свою судьбу сами, спасти их невозможно. Любая попытка может принести вред и им, и другим". Меня охватило холодом от этой позиции, так противоречащей непосредственному чувству"⁵.

Тем не менее в июне 1970 года и Сахаров и Солженицын независимо друг от друга публично и решительно выступили с протестом против принудительной психиатрической

госпитализации Жореса Медведева, с которым оба они были знакомы еще с осени 1964 года. Это была короткая, но весьма интенсивная и успешная общественная кампания.

Осенью 1970 года Солженицыну была присуждена Нобелевская премия по литературе - четвертая для русской литературы после Ивана Бунина, Бориса Пастернака и Михаила Шолохова.

Солженицын был воодушевлен, но также крайне обеспокоен масштабами поднятой против него газетной и политической кампании, крайне осложнявшей его жизнь и повседневные контакты. Он решил отказаться от поездки в Стокгольм на церемонию вручения Нобелевских премий и некоторое время не знал, как себя вести и что делать.

Для А. Д. Сахарова 1971 год был насыщен событиями как в его правозащитной деятельности, так и в личной жизни. Сахаров стал теперь главной фигурой в правозащитном движении, которое становилось более радикальным, чем в 60-е годы, но также подвергалось и более сильному давлению со стороны властей. А. И. Солженицын в основном завершил работу над "Архипелагом" и уже обсуждал с друзьями первую редакцию "Августа Четырнадцатого": это был первый роман из задуманной писателем гигантской эпопеи "Красное колесо". Эта работа требовала, однако, других условий, других методов, другой организации труда и сбора материалов. Нужна была и более продуманная и развернутая концепция по истории России и Русской революции 1917 года. Этот поворот к новым темам происходил не без трудностей, связанных и с творческой, и с личной жизнью, и с давлением властей. Известность Солженицына в мире росла, но сам он называл 1971 год "проходом полосы затмения, затмения решимости и действия"⁶. Солженицын отказался подписать составленное Сахаровым Обращение об отмене в СССР смертной казни. Писатель сказал, что такие акции будут мешать выполнению тех задач, за которые он чувствовал на себе ответственность. После этого Сахаров и Солженицын не встречались и не беседовали друг с другом более года.

8

Бой двумя колоннами

До весны 1972 года как Сахаров, так и Солженицын могли встречаться с иностранцами только случайно, и они отклоняли все предложения об интервью, с которыми к ним обращались западные корреспонденты. Этому было тогда много причин. Однако в 1972 году они оба стали искать контактов с работавшими в Москве иностранными корреспондентами: Солженицыну нужно было более активно защищаться, а Сахаров хотел расширить возможности своей правозащитной деятельности, что было трудно в то время сделать без западных СМИ. Это было время разрядки, и советские власти были вынуждены как-то реагировать на западное общественное мнение. Редкие встречи Солженицына и Сахарова с западными журналистами в 1972 году вскоре умножились и расширились, и стали в 1973 году почти регулярными. Многие из корреспондентов, работавших в Москве в 70-е годы, позднее написали по книге о своем пребывании в СССР. И в этих книгах можно прочесть немало страниц об их общении с диссидентами, в том числе с Сахаровым и Солженицыным. Наибольший успех выпал в этой серии корреспонденту "Нью-Йорк таймс" Хедрику Смит, чья книга "Русские" была переведена на многие языки и получила престижную Пулитцеровскую премию. Вторая книга Хедрика Смита на ту же тему была написана уже в 80-е годы, и ее заголовок "Новые русские" стал нарицательным, хотя сам автор имел в виду отнюдь не бизнесменов и мафиози 90-х годов. Вот как писал американский журналист о своей первой встрече с Солженицыным: "Солженицын вел себя в первые минуты встречи сердечно и непринужденно. Он выглядел точно так, как на тех фотографиях, которые я видел, но казался больше и выше. Он оказался более энергичным, чем я ожидал: он то и дело вскакивал со стула и со спортивной легкостью ходил по комнате. Его невероятная энергия казалась почти осязаемой. Для человека, так много выстрадавшего, он выглядел хорошо, но его лицо под внешним румянцем было отмечено неизгладимыми следами пережитого. Однако очарование длилось недолго. Как только мы перешли к цели визита, мы столкнулись с природной властью этого человека. Позднее, когда он приглашал меня к себе, он

говорил по телефону: "Это Солженицын. Мне нужно кое-что с вами обсудить", - это говорилось таким тоном, каким мог бы приказать император: "Немедленно явитесь во дворец". Но и теперь Солженицын вручил

9

каждому из нас толстую пачку исписанных листов с заголовком: "Интервью с "Нью-Йорк таймс" и "Вашингтон пост". И это действительно было готовое интервью - полностью, вопросы и ответы - все составленное Солженицыным. Я был ошеломлен. Я подумывал о том, чтобы уйти. Как я понял позже, суровые испытания, пронесенные им в лагерях, выработали в нем огромную нравственную отвагу, но и выковали также целеустремленность и ограниченность автократа"⁷. Иным был портрет Сахарова: "Глядя на Сахарова трудно представить себе, что этот человек вызвал международную бурю. Его не отличает ни представительная внешность, ни властная индивидуальность, ни воинственный темперамент Солженицына. Совершенно различен и внешний вид этих двух людей. Солженицын с его мощной грудью, морщинистым красноватым лицом, натруженными руками, бородой цвета красного дерева и пронизательными глазами оставлял впечатление физической и духовной силы. В отличие от него, Сахаров производил впечатление человека легко уязвимого. Высокого роста, слегка сутулый, с высоким лбом мыслителя и двумя прядями сидящих волос вокруг лысины, с большими руками, не знавшими физической работы, с печальными, сострадательными глазами, этот человек кажется обращенным в себя, в свой внутренний мир; это настоящий русский интеллигент, интеллект до мозга костей. В его сдержанности и манере вести беседу сразу чувствовался одинокий мыслитель. Его природная склонность к уединению усилилась за двадцать лет изоляции из-за секретной работы в области атомных исследований"⁸.

Все более жесткое противостояние Солженицына и Сахарова с властями сопровождалось массовой газетной кампанией, в которой имена этих двух людей, как правило, объединялись. При этом А. Д. Сахаров, который был не просто академиком, но и лауреатом всех премий и трижды Героем Социалистического Труда, изображался обычно оторванным от жизни и от политики "простаком", тогда как об А. И. Солженицыне, уже исключенном из Союза писателей, газеты писали как о "предателе". Постепенно имена Сахарова и Солженицына стали объединяться не только в советской, но и в западной печати, а также в передачах западных радиостанций на СССР. "В мрачной обстановке Советского Союза, - говорилось в одной из передач Би-Би-Си, Солженицын и Сахаров бросили свой вызов советским и западным руководителям. Если их заставят замолчать силой - это только докажет, что они говорят правду". В такой обстанов

10

ке Сахаров и Солженицын должны были как-то согласовать свои публичные заявления. В конце 1972 года они снова стали встречаться, как правило, в Жуковке, элитном поселке под Москвой. Александр Солженицын жил и работал здесь с осени в домике садовника при большой даче Мстислава Ростроповича. Но здесь же стоял и удобный загородный дом Сахарова, сложенный из белого кирпича. Два таких дома были подарены Советским правительством Игорю Тамму и Андрею Сахарову за заслуги в создании водородной бомбы. Раньше Сахаров почти не бывал в Жуковке, и его дом стоял закрытым, потом здесь стала жить старшая дочь с семьей, но иногда приезжал и сам Сахаров. Обычно он приходил к Солженицыну со своей второй женой Еленой Георгиевной Боннэр, что вызывало раздражение писателя. Он всегда предпочитал разговоры один на один и при встречах с Сахаровым старался увлечь его одного в лес недалеко от Жуковки. Беседы в лесу Солженицын предпочитал и при встречах с другими людьми, полагая, что здесь в лесу среди деревьев и кустов никакие прослушивающие устройства не будут эффективны. У Солженицына также была теперь новая семья. Его второй женой стала Наталья Дмитриевна Светлова, но она редко появлялась в Жуковке. В конце августа 1973 года Солженицын распространил свою программную статью "Мир и насилие", в которой выдвинул А. Д. Сахарова кандидатом на Нобелевскую премию мира. Нобелевские лауреаты имели право на

выдвижение, но должны были делать это в закрытом порядке - как эксперты. Поэтому предложение Солженицына не рассматривалось. Как известно, Сахаров получил Нобелевскую премию мира позже - в 1975 году, и общественная кампания в пользу такого решения, начатая Солженицыным и поддержанная позднее даже в Конгрессе США, вероятно, сыграла здесь немалую роль. Взаимная поддержка Солженицына и Сахарова не означала их полного согласия. Солженицын и Сахаров были слишком разными людьми по своим личным качествам, по убеждениям и мировоззрению. Детство и молодость Солженицына прошли без отца, в бедности и лишениях. Он прошел через войну, через многие годы тюрьмы, лагеря, ссылки, преодолел смертельную болезнь. Теперь он наверстывал упущенное и не хотел тратить время на лишние встречи и разговоры. Солженицын был предельно организованным и очень практичным человеком. О любой встрече с ним нужно было договариваться заранее. Он работал очень интенсивно утром и днем, предпочитая полное одиночество

11

ство. Даже завтрак и обед он готовил себе сам. Из Рязани в середине 60-х годов он уезжал на две-три недели в одну из небольших деревенок, и эти поездки дали ему сюжет для рассказа "Матренин двор". Потом он жил в доме Корнея Чуковского в Переделкино - по приглашению дочери умершего в 1969 году поэта Лидии Корнеевны. В летние месяцы Солженицын жил и работал в небольшом собственном летнем домике на садовом участке близ Нарофоминска и Обнинска. В начале 70-х годов он обосновался в домике садовника у Ростроповича. Постепенно Солженицын стал чувствовать себя человеком, которого избрал Господь, и все действия которого направляет или поправляет "Высшая Рука". "То-то и веселит меня, - писал он в своем литературном дневнике, то-то и утверждает, что не я все задумываю и провожу, что я -только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять. О, дай мне, Господи, не переломиться при ударе. Не выпасть из руки Твоей!"⁹. Это чувство избранности, даже Богоизбранности отражалось на отношениях писателя с другими людьми. Солженицын теперь уже не терпел возражений и окончательно утратил способность к полемике и диалогу. Сахаров был совсем другим человеком и по своей биографии, и по качествам личности. Детство и юность будущего академика прошли в условиях достатка и заботы, а при работе над атомными проектами Сахаров жил на всем готовом. У него были комфортабельные квартиры в Москве и на "объекте", большой загородный дом. Однако большую часть времени он должен был работать в полной изоляции от внешнего мира и, как секретный ученый, находился под постоянной охраной. В его большой квартире в Москве был постоянный беспорядок. Сахаров не умел сам себя обслужить и был в высшей степени непрактичным человеком. После смерти первой жены Сахаров должен был заботиться и о судьбе трех собственных детей, и двух детей Е. Боннэр, и это создавало множество проблем. Сахаров никогда не чувствовал себя человеком избранным, он был предельно скромным. Как ученый, он испытывал сомнения, в нем не было никакой авторитарности, он был подвержен и сторонним влияниям. Ему нравилось видеть вокруг себя множество людей, он не испытывал неудобств в маленькой квартире своей второй жены и был доступен для встреч и бесед почти со всеми, кто об этом просил. В начале 70-х годов заседания Комитета прав человека, который Сахаров основал вместе с Валерием Чалидзе и Андреем Твердохлебовым, затягивались далеко за полночь, и каждый мог

12

здесь говорить столько, сколько хотел. Здесь нередко бывал известный математик-алгебраист Игорь Ростиславович Шафаревич, который активно участвовал в 70-е годы и в национальном, и в правозащитном движении. Несколько раз приглашали на заседания Комитета прав человека и Солженицына, но он отказался даже от предложения стать корреспондентом этого Комитета. Идеология прав человека мало волновала Солженицына. Он предпочитал говорить об обязанностях. Главной идеей писателя становилась в 70-е годы "русская идея" и идея возврата к Богу. Это направление мысли и деятельности активно

поддерживал Шафаревич, но не Сахаров.

Атомный центр, в котором одним из научных руководителей был А. Д. Сахаров, был создан на месте знаменитой Саровской пустыни, где жил и умер причисленный позднее к лику святых иеромонах Серафим Саровский. Но в конце 40-х годов здесь появились лагеря заключенных и секретные лаборатории, часть из которых была размещена в монастырских строениях. Но Сахарову, который жил и работал на "объекте" с 1950 года, была чужда всякая религиозность, и он не мог не только принять, но и понять призывы Солженицына вернуться к Богу и покаяться перед ним. Сахаров был также достаточно равнодушен и к "русской идее". Коллектив ученых-атомщиков был интернационален, и проблемы национальности этих людей волновали очень мало. В 70-е годы проблема национальных прав интересовала Сахарова лишь в общем контексте прав человека, и положение литовцев, армян или евреев казалось ему много более трудным, чем положение русских. Поэтому Сахаров отклонил предложение Солженицына о создании какого-то совместного сборника статей и очерков. И. Шафаревич это предложение принял.

До начала 1974 года взаимные разногласия Сахарова и Солженицына проявлялись только в беседах писателя и академика. Сахаров не вел никаких повседневных записей. Но Солженицын многие из своих встреч и бесед описывал и комментировал в своем литературном дневнике. Такой дневник ведут обычно все писатели, чтобы использовать позднее свои впечатления и мысли в романах, рассказах или мемуарах. В мемуарах Солженицына, опубликованных позднее, было немало восторженных отзывов о Сахарове, само появление которого в верхах советской научной элиты писатель называл "чудом". "Его дивное явление в России, - писал Солженицын, можно ли было предвидеть? Я думаю: да. По исконному русскому расположению - должны пробираться

13

людей раскаяние и совесть. Да, это - по-нашему! И я, например, при своем оптимизме всегда так ожидал: появятся! Появятся такие люди (я думал их будет больше), кто презрит блага, вознесенность, богатство - и попутствует к народным страданиям. И какие возможности таились бы в таких переходах!"¹⁰. Солженицын сравнивал свои и Сахарова публичные выступления, которые широко освещались в западных СМИ и были направлены против советских лидеров и режима, с "встречным боем двумя колоннами". Но писатель сетовал, имея в виду Сахарова, что "с соседней союзной колонной не налажено было у нас путей совета и совместных действий". Солженицын называл Сахарова в своих заметках "наивным как ребенок", "слишком прозрачным от собственной чистоты". Сахаров, по мнению Солженицына, был слишком внимательным к "добросоветчикам". Весьма двусмысленно звучало и сравнение Сахарова со "странным шаром, без мотора и бензина летящего в высоту". Крайне оскорбительно отзывался Солженицын и о всем том круге ученых и инженеров, в котором жил и работал А. Д., называя их "сонмищем подкупной, продажной, беспринципной, технической интеллигенции". "Ясность его действий, - писал Солженицын о Сахарове, - сильно отемнена расщепленностью жизненных намерений: стоять ли на этой земле до конца или позволить себе покинуть ее". Особенно резко, порой даже грубо высказывался писатель о жене Сахарова Е. Боннэр. "Мы продолжали встречаться с Сахаровым в Жуковке, - писал Солженицын, но не возникали между нами совместные проекты или действия. Во многом это было из-за того, что теперь не оставлено было нам ни одной беседы наедине, и я опасался, что сведения будут растекаться в разлохмаченном клубке вокруг "демократического движения"... Сахаров все более уступал воле близких, чужим замыслам"¹¹. Между Сахаровым и Солженицыным росло отчуждение, и их последняя встреча состоялась 1 декабря 1973 года. Солженицыну казалось, что Сахаров сломлен и хочет добиваться отъезда из СССР за границу.

За границей оказался, однако, очень скоро не Сахаров, а Солженицын. Его выражение о "встречном бое двумя колоннами", как выяснилось позднее, вовсе не было преувеличением. В настоящее время опубликованы рабочие записи заседаний Политбюро ЦК КПСС не только за 30-е, но и за 70-е годы. Эти заседания не протоколировались и не стенографировались, и

никто посторонний на заседания Политбюро не приглашался. Но одним из участников заседания велась рабочая запись, которая

14

хранилась в одном экземпляре как совершенно секретный документ. Из этих записей мы видим, что в 1970-1973 гг. вопрос о Сахарове и Солженицыне обсуждался на Политбюро почти ежемесячно. О Солженицыне все выступавшие говорили с негодованием как о "враге народа", требуя привлечь его к самой суровой ответственности - отправить в самые далекие исправительные лагеря, посадить в тюрьму, в крайнем случае выслать за границу. Однако это были все же годы разрядки, и окончательное решение каждый раз откладывалось. Так, например, на заседании Политбюро ЦК от 30 марта 1972 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай В. Подгорный говорил: "Солженицын ведет враждебную деятельность. Он враг, который не может жить в Москве. Но я считаю, что и выселять его за границу не следует. Я думаю, что его не следует выдворять. Он лауреат Нобелевской премии, и это, конечно, буржуазная пропаганда использует против нас в полной мере. За границей Солженицын принесет нам большой вред. Но в Советском Союзе есть такие места, где он не сможет ни с кем общаться". На другом заседании советский премьер Алексей Н. Косыгин предложил сослать Солженицына в Верхоянск - в самый холодный район страны, куда ни один западный корреспондент не сможет и не захочет поехать. Об А. Д. Сахарове говорили все же по-другому. Тот же Н. В. Подгорный говорил: "Что касается Сахарова, то я считаю, что за этого человека нам нужно бороться. Он другого рода человек. Это не Солженицын. Об этом, кстати, просит и т. Келдыш. Все же Сахаров трижды Герой Социалистического труда. Он создатель водородной бомбы. Я считаю, что обсуждение, которое сегодня развернулось на заседании, является очень полезным"¹². Еще через полтора года - в августе 1973 года, отметив, что в поведении Солженицына и Сахарова не произошло никаких "улучшений", а Солженицын стал "развертывать активную политическую деятельность, объединяя вокруг себя всех бывших заключенных и недовольных", Политбюро рекомендовало начать против Солженицына уголовное дело и "предъявить ему обвинение в преступлении против Советской власти". Что касается Сахарова, то Политбюро рекомендовало начать публикацию разного рода писем "от имени ученых и интеллигенции" с осуждением его поведения. Ю. Андропов попросил А. Н. Косыгина пригласить к себе Сахарова и поговорить с ним, на что Косыгин ответил согласием¹³. Эта беседа не состоялась. Что касается Солженицына, то после издания за границей первого то

15

ма "Архипелага ГУЛАГа" он был арестован, лишен советского гражданства и выслан из Советского Союза в ФРГ.

А. Д. Сахаров узнал об аресте Солженицына вечером 12 февраля 1974 года, и тотчас, бросив все дела, поехал на квартиру его жены Н. Светловой. В эту зиму Солженицын жил в этой квартире большую часть времени, хотя московские власти и отказывались его здесь прописывать. Здесь уже находились Игорь Шафаревич, Лидия Чуковская, Юлий Даниэль, Вадим Борисов, Наталья Горбаневская и другие правозащитники или друзья Солженицына. Прямо по телефону Сахаров сделал заявление для канадского радио и телевидения, которое было распространено и другими СМИ: "Я говорю из квартиры Солженицына. Я потрясен его арестом. Здесь собрались друзья Солженицына. Я уверен, что арест Александра Исаевича - месть за книгу, разоблачающую зверства в тюрьмах и лагерях. Если бы власти отнеслись к этой книге как к описанию прошлых бед и тем самым отмежевались от этого позорного прошлого, можно было бы надеяться, что оно не возродится. Мы воспринимаем арест Солженицына не только как оскорбление русской литературы, но и как оскорбление памяти миллионов погибших, от имени которых он говорит. 12 февраля 1974 года. 22 часа"¹⁴.

Еще в течение нескольких дней А. Сахаров выступал с эмоциональными заявлениями по поводу высылки Солженицына. 24 февраля 1974 года на вопрос корреспондента одной из миланских газет: "Является ли изгнание Солженицына непоправимой потерей для демократического движения?", А. Сахаров ответил: "Солженицын - писатель, его подвиг и

дело жизни - литературное творчество, ослепительным светом освещающее нашу жизнь, наши язвы, исторические корни несчастий страны и пути ее возрождения, как он их понимает. Именно в писательском труде в основном заключается его роль в нашем демократическом движении, порожденным глубокими причинами исторического, социального и нравственного характера. Эта роль не зависит от того, где Солженицын живет и пишет. Отрыв от родной почвы, от родного языка - трагедия для любого человека, в особенности для писателя. Но я уверен, что Солженицын, человек исключительного мужества, найдет в себе силы не замолкнуть, а полностью использовать те возможности, которые предоставит ему жизнь на Западе, со свободным доступом ко всем источникам информации, для продолжения своего дела"¹⁵.

Протесты по поводу ареста и высылки Солженицына из Со

16

ветского Союза продолжались до конца февраля. Вскоре они сменились полемикой уже не с властями, а с самим Солженицыным, что было вызвано рядом его заявлений и публикаций.

Начало публичной полемики

В первые месяцы вынужденной эмиграции А. И. Солженицын обосновался в Швейцарии в г. Цюрихе. Писатель развил здесь чрезвычайно активную деятельность. Одно за другим появлялись в печати его заявления, письма, эссе и статьи, многие из которых были подготовлены еще в СССР. В кругах диссидентов стали известны такие его работы, как "Жить не по лжи", "Не сталинские времена", "Ответы журналу "Тайм". Была издана отдельной книгой серия глав о Ленине из "Красного колеса" - "Ленин в Цюрихе". Вышел в свет сборник статей "Из-под глыб", составителем и главным автором которого являлся сам Солженицын. Солженицын написал предисловие и помог быстрому изданию книги "Стремя Тихого Дона" - о проблеме авторства известного романа "Тихий Дон". Но наибольший отклик в Советском Союзе вызвал первый большой политический меморандум Солженицына - "Письмо вождям Советского Союза". Это письмо было написано и отправлено в Кремль еще в Москве, но тогда писатель решил не предавать его гласности. Лишь через 20 лет подлинник этого письма был обнаружен в архиве Политбюро с пометками членов Политбюро. Эти пометки свидетельствовали, что сам Л. И. Брежнев прочитал письмо Солженицына в октябре 1973 года и вновь просматривал его в декабре того же года. Конечно, никакого ответа на свое письмо Солженицын не получил, да и вряд ли он на это рассчитывал. Теперь он решил свое письмо опубликовать. Полный текст "Письма вождям" был опубликован на русском языке в форме небольшой брошюры в Париже в марте 1974 года. Очень скоро появились и переводы этого письма на другие языки. Среди диссидентов этот программный меморандум Солженицына вызвал оживленную и почти публичную полемику. Специальную статью с возражениями опубликовал в западной печати и в Самиздате в апреле 1974 года и А. Д. Сахаров. Западная печать уделяла возникшей полемике большое внимание. Самые крупные газеты США и Западной Европы помешали на эту тему обширные обзоры. Один из таких обзоров в "Нью-Йорк таймс" имел большой заголовок:

17

"Над башнями Кремля". Естественно, что наибольшее внимание и в диссидентских кругах, и в западной печати привлек спор Солженицына и Сахарова.

А. Д. Сахаров поддержал многие критические высказывания Солженицына по поводу советской действительности, а также многих событий советского прошлого. Но он решительно возражал против особого подчеркивания страданий и жертв именно русского народа. И ужасы гражданской войны и раскулачивания, голод и репрессии сталинского времени, - все это в равной мере коснулось и русских, и нерусских народов. "А такие акции, как насильственная депортация - геноцид и подавление национальной культуры, - это даже в основном привилегия именно нерусских". Солженицын, по мнению Сахарова, преувеличивает опасности советско-китайского конфликта, роль идеологии в системе власти, а также опасности урбанизации и технического прогресса. Сахаров считал порочными и

неприемлемыми предложения Солженицына о сохранении и в будущей России умеренного авторитарного строя, при котором Россия жила столетиями, "сохраняя свое национальное здоровье". "Эти высказывания Солженицына, - писал Сахаров, - мне чужды. Существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам и иноверцам, я считаю не здоровьем, а величайшей бедой". Сахаров считал невозможным интенсивное освоение северных и восточных земель России силами одной русской нации, предложенное Солженицыным. В условиях холода и бездорожья решить эту проблему можно только при международном экономическом сотрудничестве, изоляционизм здесь вдвойне ошибочен. Предложение Солженицына об отказе от больших городов, о жизни небольшими общинами, о замене крупных производств небольшими предприятиями Сахаров называл мифотворчеством, нереальными, даже опасным. "Особенно неточным, - замечал Сахаров, представляется мне изложение в письме Солженицына проблемы прогресса. Прогресс - общемировой процесс. Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции, без мировой торговли, в том числе и без торговли природными богатствами страны, в отрыве от мирового научно-технического прогресса, который представляет не только опасность, но одновременно и единственно реальный шанс спасения человечества"¹⁶. Необходима не изоляция, а сближение с Западом. Солженицын - это гигантская фигура в борьбе за человеческое достоинство, "но некото

18

рые черты его мирозерцания представляются мне ошибочными", - завершал свою статью Сахаров.

Солженицын внимательно прочел статью А. Д. Сахарова и ответил на нее отдельной статьей "Сахаров и критика "Письма вождям". Эта статья была включена в большой сборник теоретических и религиозно-философских работ "Из-под глыб", который был опубликован в ноябре 1974 года в Париже. Изданию этого сборника, значительную часть которого составляли статьи самого Солженицына, писатель придавал большое значение. По стилю, характеру и содержанию он продолжал традицию известного в истории российской общественной мысли сборника статей "Вехи", который был издан в 1909 году в Москве группой российских религиозных философов и публицистов. Тема "Вех" была продолжена в 1918 году изданием гораздо менее известного сборника "Из глубины".

Солженицын замечает в своей статье, что "Письмо вождям" встретило и в России, и на Западе немалую критику, на которую он не собирался реагировать. "И не пришлось бы мне вовсе отвечать, если бы среди первых же критиков не оказался А. Сахаров, чье особенное положение в нашей стране и мое к нему глубокое уважение не дают возможности игнорировать его высказывания". "Я счастлив отметить, - отмечал Солженицын, - что сегодня мы сходимся с ним несравненно по большему числу вопросов, чем это было 6 лет назад, когда мы познакомились в самые месяцы появления его меморандума. Я хочу надеяться, что еще через 6 лет область нашего совпадения удвоится"¹⁷. Переходя к разногласиям, Солженицын в первую очередь повторял свои обвинения в адрес марксистской идеологии, которая "выкручивает наши души как поломоиные тряпки, растлевает нас и наших детей, опускает нас ниже животного состояния - и она "не имеет значения"? Да есть ли что более отвратительное в Советском Союзе? Если все не верят и все подчиняются - это указывает не на слабость Идеологии, но на страшную злую силу ее"¹⁸. Ядом этой идеологии отравлены правители Советского Союза, они рабы Идеологии, они "безумно стремятся поджечь весь мир и захватить его, хотя это погубит и сокрушит их самих, - но так гонит их Идеология!". Ее мистическая сила ослепляет и восхищает даже Запад и весь просвещенный мир. Второе заметное расхождение, которое отмечает Солженицын, - это вопрос о темпах и масштабах демократизации в СССР. Быстрая демократизация в СССР, по мнению Солженицына, опасна, так как

19

межнациональные противоречия, "десятикратно накаленные, чем в прежней России", разорвут страну и "затопят кровью рождение у нас демократии, если оно произойдет в

отсутствие сильной власти"¹⁹. Остальные расхождения, в том числе по проблемам прогресса, об освоении Северо-Востока, о судьбе городов и крупных производств, даже о национальных проблемах Солженицын не стал разбирать, оценивая их как второстепенные и к тому же основанные на плохом понимании взглядов и предложений писателя. "Нельзя не удивиться, - писал Солженицын, - что А. Д. Сахаров, севши мне отвечать, допустил большую небрежность в истолковании моей точки зрения. Эта горячность и опрометчивость пера, не свойственная Сахарову, выразила горячность и поспешность того слоя, который без гнева не может слышать слов "русское национальное возрождение"²⁰. Было, однако, очевидно, что поспешность и горячность суждений имели место в этой дискуссии и с той, и с другой стороны.

Разногласия по общим проблемам развития СССР и России, которые возникли между Сахаровым и Солженицыным в начале 70-х годов, осложнились с осени 1974 года и некоторыми личными обидами. Дело в том, что через несколько месяцев после высылки из страны Солженицын опубликовал в Париже на русском языке свои мемуары "Бодался теленок с дубом" или "Очерки литературной жизни". Многие страницы этой книги были посвящены А. Сахарову. Новая книга Солженицына по разным каналам попадала в Москву, и диссиденты, а также писатели читали ее по очереди. Прочел эту книгу и Сахаров, - еще за несколько недель до того, как один из немецких корреспондентов передал ему экземпляр "Теленка" с очень лестной дарственной надписью автора. Но эта надпись не могла тронуть Сахарова, так как книгу он уже читал и был лично очень задет и обижен, о чем сказал и немецкому корреспонденту. Для тех, кто знал Сахарова, его раздражение было понятно. Он был всегда совершенно равнодушен к нападкам и обвинениям в свой адрес, но он крайне болезненно реагировал на все обвинения в адрес своей жены и своей новой семьи, сознавая, что он невольно является виновником всех этих неприятностей близких ему теперь людей. Его реакция была нередко неадекватной: в конце 70-х годов и в начале 80-х он несколько раз прибегал даже к голодовкам, и поводом к ним были не его собственные проблемы, а проблемы жены и ее родственников. Но Сахаров переживал их сильнее своих проблем. Обида Сахарова на Солженицына была на

20

столько сильной, что уже через много лет в книге своих воспоминаний, над созданием которой он начал работать во время ссылки в г. Горьком, он попытался ответить на многие упреки или даже намеки Солженицына. Этому была посвящена отдельная глава из воспоминаний Сахарова. Автор этих воспоминаний решительно отвергает слова Солженицына о принадлежности Елены Боннэр и самого себя к "разлохмаченным клубкам" диссидентских кружков. Саму оценку своей деятельности как "встречного боя" он называл неудачной. Сахаров защищает свое представление о праве на эмиграцию как о важнейшем из демократических прав, - эти утверждения А. Д. Сахарова вызывали возражения не только у Солженицына. Очень многое в этой заочной полемике и со стороны Солженицына, и со стороны Сахарова представляется все же весьма мелочным и субъективным. К тому же речь идет во многих случаях о разговорах наедине, даже о разговорах и спорах жен Солженицына и Сахарова, которые каждый из них излагает в своей версии. Комментировать все это не имеет смысла. "Мне обидно, - писал, подводя итоги своим разногласиям с Солженицыным А. Д. Сахаров, - что Александр Исаевич, гонимый своей целью, своей сверхзадачей, так много не понял или, вернее, не захотел понять во мне и моей позиции в целом, не только в вопросе об эмиграции, но и в проблеме прав человека, и в Люсе, в ее истинном образе и ее роли в моей жизни. Я совсем не ангел, не политический деятель, не пророк. Мои поступки и моя эволюция - это не результат чуда, а влияние жизни, в том числе влияние людей, бывших рядом со мной, называемых "сонмищем продажной интеллигенции", влияние идей, которые я находил в книгах"²¹. После чтения "Теленка" А. Д. Сахаров утратил интерес к полемике с Солженицыным, хотя его и пытались подтолкнуть к ней некоторые из диссидентов. Уже в начале 1975 года Солженицын в нескольких интервью попытался вернуться к своим спорам с Сахаровым. Но Андрей Дмитриевич не поддержал этой полемики. В своей работе "О

стране и мире", которая была закончена в июне 1975 года, он заметил, что "не видит поводов для продолжения начатой им с Солженицыным дискуссии". В течение 10 лет - с конца 1975 года и до конца 1985 года Сахаров в своих выступлениях практически ни разу не упоминал о Солженицыне.

Но и Солженицын почти перестал в своих публичных выступлениях упоминать имя А. Д. Сахарова. В октябре 1975 года он опубликовал приветственное заявление в связи с присужде

21

нием Сахарову Нобелевской премии мира. В 1977 году в своем кратком приветствии "Сахаровским слушаниям" в Риме Солженицын написал об "осаде и травле гоевского масштаба", которой подвергается человек, давший имя этим Слушаниям. В мае 1981 года Солженицын отправил из Вермонта в США телеграмму в г. Горький ссыльному Сахарову по случаю его 60-летия. "Желаю Вам, - писал Александр Исаевич, - чтобы вопреки насилию ссылка оказалась бы для Вас духовно плодотворна и открыла бы Вам новые глубины в служении своему народу. Обнимаю Вас. А. Солженицын"²². Не знаю, получил ли эту телеграмму Сахаров; он находился тогда в полной почтовой изоляции, и сотни телеграмм, которые приходили в Советский Союз из многих стран на имя Сахарова, читали только в здании на Лубянке в Москве.

Сахаров и Солженицын в 80-е годы

В январе 1980 года А. Д. Сахаров был арестован прямо на улице и препровожден в Генеральную прокуратуру СССР. Здесь ему зачитали Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении его всех государственных наград и почетных званий. Одновременно Сахарову сообщили, что руководство страны приняло решение о высылке Сахарова А. Д. из Москвы в место, "исключающее его контакты с иностранными гражданами". Уже через несколько часов под охраной группы работников КГБ, возглавляемой генерал-полковником С. Цвигуном, Сахаров был отправлен на самолете в г. Горький, где ему предстояло жить в полной изоляции более 6 лет. Посещать его здесь могли только жена - Е. Г. Боннэр, дети от первого брака, а также некоторые из сотрудников Физического института Академии наук, где А. Д. Сахаров продолжал числиться научным сотрудником. Сахаров не переставал работать и в ссылке. Сферой его профессиональных интересов была теперь космогония, и специалисты оценивали гипотезы Сахарова в этой области очень высоко. Начал Сахаров писать и свои воспоминания. Иногда Сахарову удавалось прорвать блокаду и высказать свое мнение по общественно-политическим и международным проблемам. Взгляды Сахарова в этот период сильно радикализировались. Он уже не находил ничего хорошего в советском социализме и призывал Запад усиливать давление на СССР - и не только в торговле, но и в военной об

22

ласти. Сахаров даже упрекал США в прекращении их войны во Вьетнаме, которую можно было бы выиграть, приложив для этого более решительные военные и дипломатические усилия. В 1983 году Сахарову удалось передать письмо американскому физикау Сиднею Дреллу, которое было опубликовано в летнем номере американского внешнеполитического журнала "Foreign Affairs". Возражая Дреллу, Сахаров писал, что США не должны замораживать даже свои ядерные вооружения, но, напротив, им надо расширять производство и установку новых крупных ракет "MX". По этому поводу не только газета "Известия", но и газета "Вашингтон пост" выразила недоумение, заметив, что позиции Сахарова "приближаются к позиции Солженицына", Солженицын прочел эту газетную и журнальную полемику и в своем литературном дневнике с некоторой долей злорадства записал: "Проявить такую смелость изнутри СССР, да из ссылки! - и получить оплеухи с обеих сторон"²³.

А. И. Солженицын, оказавшись в Соединенных Штатах, мог излагать свои взгляды открыто и громко, и он объехал с разного рода выступлениями почти все западные страны. Он критиковал в этих выступлениях всех - и Запад, и Советский Союз, и нейтральные или

неприсоединившиеся страны. Писатель крайне резко отзывался и о советских лидерах, и обо всех наиболее видных деятелях "третьей эмиграции", в том числе о своих недавних соратниках по лагерной жизни и по работе в Москве. Однако он воздерживался и от похвал, и от критики в адрес Сахарова. Только в Японии на "круглом столе" в редакции газеты "Йомури" Солженицын попытался объяснить своим собеседникам существо своих разногласий с Сахаровым. При этом взгляды Сахарова Солженицын изложил весьма неточно, назвав их при этом "бестолочью". Впрочем, и Организацию Объединенных Наций писатель назвал "балаганом". Один из родственников Елены Боннэр Ефим Янкелевич, которому А. Д. Сахаров поручил представлять его интересы в США, опубликовал по этому поводу в русской эмигрантской печати "Открытое письмо", указав не только на искажение взглядов Сахарова, но и на то обстоятельство, что Сахаров находится в ссылке и не может должным образом участвовать в этой полемике. Солженицын вынужден был ответить Е. Янкелевичу - без обычной своей резкости. "Вот ведь еще ж и хрупкость какая, - записал он в своем литературном дневнике: - Сахаров в ссылке, его и коснуться нельзя"24.

Литературный дневник Солженицына за 80-е годы под на

23

званием: "Угодило зернышко промеж двух жерновов" начал по частям публиковаться в журнале "Новый мир" в 1998 году, и эти публикации были продолжены в 2000 и в 2001 годах. Многие страницы этого дневника за 1981-1986 гг. полны откликов о Сахарове. Солженицын счел нужным изложить здесь даже свою версию биографии Сахарова и мотивов его поведения. Писателю, как мы видим, крайне не нравится атеизм Сахарова. "В атеизме же - он прочен, тут он - верный наследник дореволюционной интеллигенции". Не разделяет Солженицын и сахаровскую концепцию прав человека. Эту правозащитную идеологию Солженицын называет даже одной из форм анархизма: - "Надо же помнить и о целом, об обязанностях каждого, о правах государства". Но особенно возмущала Солженицына упорная защита Сахаровым права на эмиграцию, как главного из всех прав человека; это и многим из нас было непонятно. "Да, - писал Солженицын в своем литературном дневнике в 1982 году, сегодняшний Сахаров достаточно много видит в советской жизни, он не кабинетный удаленец. И - какую же вопиющую боль, какую страстную безотложную нужду он возносит правее и выше всех болей и нужд раздавленной, обескровленной, обеспамятенной и умирающей страны? Право дышать? Право есть? Право пить чистую воду, и не из колодцев прошлого века и не из отравленных рек? Право на здоровье? Рожать здоровых детей? Нет! Первейшим правом - он объявляет право на эмиграцию! Это - сотрясательно, поразительно, это можно было бы считать какой-то дурной оговоркой - если бы Сахаров не произнес и не написал бы этого многожды"25. Сахаров, по мнению Солженицына, идеализирует Запад и совершенно не понимает национальных проблем России. "Развиваясь душевно и выстраивая всечеловеческие проекты, Сахаров dokonечно выполняет свой долг перед демократическим движением, перед "правами человека", перед еврейской эмиграцией, перед Западом - но не перед смертельно больной Россией. Многих истинных проблем России он не поднимает, не защищает так самозабвенно и горячо. Он показывает на высоком взносе возможности русской совести - но будущее наше он рисует безнационально, в атрофии сыновнего чувства. От нашего тела рожден замечательный, светлый человек, но весь порыв своей жертвы и подвига он ставит на службу - не собственно родине. Как и для всех февралистов: Сахарову достаточно свободы - а Россия там где-то поблекла"26. "Казалось бы, - заключает свои рассуждения о Сахарове автор мемуаров, - сколь

24

ко объединяет нас с Сахаровым: ровесники, в одной стране; одновременно и бескомпромиссно встали против господствующей системы, вели одновременные бои и одновременно поносились улюлюкающей прессой; и оба звали не к революции, а к реформам. А разделила нас - Россия"27.

В годы перестройки

Во второй половине 1985 года и в 1986 году положение А. Д. Сахарова в ссылке ухудшилось, и 10-летие присуждения Нобелевской премии мира он встретил в больнице, куда был помещен в связи с очередной голодовкой. Врачи предупредили и руководство Академии наук, и органы КГБ, что состояние здоровья ссыльного академика вызывает у них серьезные опасения. Между тем в западных странах усиливалось общественное движение в защиту Сахарова. Михаил Горбачев поручил своим помощникам разобраться в "деле Сахарова", но затем решил и сам вмешаться в ход событий. 14 декабря 1986 года в горьковской квартире Сахарова неожиданно установили телефон. 15 декабря исчезла постоянно находившаяся возле квартиры охрана, а 16 декабря опальному академику позвонил М. Горбачев, который сообщил Сахарову о прекращении его ссылки и о помиловании его жены Е. Боннэр, которая еще в 1984 году была осуждена на пять лет ссылки. "Возвращайтесь к патриотической работе", сказал Сахарову М. Горбачев.

А. Д. Сахаров вернулся в Москву 23 декабря 1986 года, и на Ярославском вокзале его встречали многие из правозащитников, представители Академии наук и более 200 иностранных корреспондентов. В коротком выступлении перед собравшимися Сахаров сказал, что он будет продолжать свою правозащитную деятельность и бороться за прекращение войны в Афганистане. Но Сахаров возобновил и свою научную деятельность, и его первое появление на одном из академических научных семинаров было встречено аплодисментами присутствующих.

О событиях 1986 года и первых месяцев 1987 года Солженицын писал в своем литературном дневнике в июне-июле 1987 года. Освобождению Сахарова и других политических заключенных здесь был посвящен раздел "Теплый ветерок"²⁸. "С осени 1986, - записывал Солженицын, - прокалывали наших бостонских друзей самые возбужденные звонки из Москвы: по

25

верьте, что-то совсем новое! делается! Затаенная радость, ладонями удерживай как птенчика. И вдруг в декабре - снятие ссылки с Сахарова. И возвращение его в Москву без препятствования западным корреспондентам снимать и опрашивать о чем угодно, столько угодно! И он, молодчина, требует освобождения полит-зэков и ухода из Афганистана. Держит и дистанцию от Горбачева... По понятиям Запада - почти революция! Расчет Горбачева очень верен: Западу видится доказательно: если Сахарова освобождают из ссылки Советский Союз будет отныне с человеческим лицом!".

Нет необходимости рассказывать здесь о той большой научной, общественной и правозащитной деятельности, которую А. Д. Сахаров возобновил и активно вел в 1987 и в 1988 годах. Сахаров принял участие в создании Международного фонда за выживание и развитие человечества и был избран одним из директоров этой весьма благородной по замыслу, но громоздкой и неэффективной организации. Заседания Фонда должны были происходить, согласно Уставу, в СССР и в США поочередно, и в этой связи по решению Политбюро ЦК и Совета Министров СССР были сняты все прежние запреты на поездки Сахарова за границу. Сахаров сам не ожидал столь быстрого и положительного решения, которое было принято по просьбе академика Е. Велихова и под поручительство академика Ю. Харитона. Летом 1988 года после продолжительной и энергичной массовой кампании в Советском Союзе было учреждено Межреспубликанское добровольное историко-просветительское общество "Мемориал". Кроме Оргкомитета этого общества путем опроса жителей разных городов прямо на улице был сформирован Общественный совет "Мемориала", в который по большинству голосов вошли 15 наиболее популярных тогда среди демократической общественности деятелей, включая А. И. Солженицына и А. Д. Сахарова. Сахаров принял это известие как большую для себя честь, а Солженицын отказался от участия в работе "Мемориала", прислав на этот счет вежливую, но категорическую телеграмму. "Мемориал" был первой организацией, от имени которой Сахаров был выдвинут кандидатом в Народные депутаты СССР.

6 ноября 1988 года А. Д. Сахаров впервые в своей жизни выехал за границу - в США.

Он встречался здесь с уходящим на пенсию Президентом Рональдом Рейганом и с только что победившим новым Президентом США Джорджем Бушем, а также с

26

премьером Великобритании Маргарет Тэтчер. Весьма знаменательной и даже символичной была встреча Сахарова с создателем американской водородной бомбы Эдвардом Теллером. В декабре 1988 года из гостиницы в американском городе Ньютон А. Д. Сахаров позвонил Солженицыну в его дом в штате Вермонт, чтобы поздравить его с 70-летием. Жена Солженицына, подняв трубку, сказала сначала, что писатель никогда не подходит к телефону, но все же позвала мужа, и он взял трубку. Разговор коснулся и судьбы созданного в Союзе общества "Мемориал", почетным председателем которого был избран Сахаров, но в Совет которого отказался войти Солженицын. Однако доводы Солженицына не показались Сахарову убедительными. Сахаров напомнил Солженицыну, что тот глубоко обидел в "Теленке" как самого академика, так и его жену. "Она совсем не такой человек, каким вы ее изобразили", - сказал Сахаров. "Хотел бы верить, что это не так", - ответил после некоторого молчания Солженицын²⁹. Но Сахаров не счел эти слова достаточным извинением. Больше эти два человека друг с другом не общались, хотя Сахаров поддержал в 1989 году два обращения советской общественности - о возвращении Солженицыну советского гражданства и о необходимости опубликовать в Советском Союзе "Архипелаг ГУЛАГ".

Две утопии

Еще в начале 1974 года американский журнал "Сатердей ревью" попросил А. Д. Сахарова изложить свой прогноз на положение в мире, - каким оно может стать через 50 лет, т. е. в 2024 году. Свой очерк на эту тему "Мир через полвека" Сахаров написал в мае 1974 года, и он тогда же был опубликован в переводе на английский. В 1976 году этот же очерк был включен в сборник произведений Сахарова "О стране и мире", который Валерий Чалидзе издал в Нью-Йорке. В 1989-1990 гг. очерк Сахарова несколько раз публиковался и в СССР³⁰. Со времени написания очерка "Мир через полвека" прошло уже 28 лет, т. е. более половины срока. Весьма интересно поэтому снова прочесть этот текст и сравнить его с реальным положением в мире на сегодняшний день.

Одно из предсказаний академика Сахарова - создание не только всемирной телефонной и видеотелефонной, но также

27

всемирной информационной связи - осуществляется даже быстрее, чем он думал, благодаря персональным компьютерам и Интернету. Сахаров предполагал, что для создания всемирной информационной системы 50 лет недостаточно, но она начала создаваться уже в 80-е годы. Но другие предсказания Сахарова - разделение всей Земли на "Рабочую территорию" в 30 миллионов квадратных километров и "Заповедную территорию" в 80 миллионов квадратных километров, создание сверхгородов с многоэтажными домами-горами, с искусственным климатом и искусственным комфортом, с гигантскими автоматическими и полуавтоматическими заводами, с благополучными и чистыми пригородами со сверхинтенсивным сельским хозяйством, с "летающими городами" на искусственных спутниках, а также с подземными городами, предназначенными для сна, развлечений, для обслуживания подземного транспорта и добычи полезных ископаемых и т. п. все это, кажется, никто не готовится осуществлять. Не происходит пока и превращения ООН и ЮНЕСКО в какое-то мировое правительство, озабоченное лишь общечеловеческими целями, о создании которого мечтал Сахаров.

Прочитав эту статью, Солженицын отозвался о ней, как об "опасной утопии". "Кому нужна, - писал Солженицын, - эта призрачная сверх-страна без осязаемого прошлого, во всяком случае без нашего прошлого".

Но в том же 1974 году в "Письме вождям Советского Союза" Солженицын изложил и свое видение будущего, если не всего мира, то России. Он предлагал отказаться от военного и космического бюджета страны, а на сэкономленные деньги "растопить" и "растеплить"

российский Северо-Восток. Сюда в северные и восточные районы России писатель предлагал перенести "центр государственного внимания, национальной деятельности, центр расселения и поисков молодых - с юга нашей страны и из Европы". "Построение более чем половины государства на новом свежем месте, - заявлял Солженицын, позволяет нам не повторять губительных ошибок XX века - с промышленностью, с дорогами, с городами". Города были особенно ненавистны писателю. В стране нужно строить лишь небольшие предприятия, но "с дробной и высокой технологией". И даже сельское хозяйство можно создавать на Севере ("с большими затратами, конечно", - добавлял писатель). Любой экономист мог бы доказать крайне ограниченные возможности советского и российского Северо-Востока как центра расселения там российской молодежи

28

жи, да еще в небольших поселениях. Эффективно работать здесь могут лишь очень крупные предприятия, подобные "Норильскому никелю". Да и как можно жить здесь без дорог и городов? Солженицын не ссылается в своих предложениях ни на какой опыт, и здесь уже Сахаров мог оценивать его проекты как утопию и как "опасное мифотворчество".

Еще через 15 лет, осенью 1989 года, уже в качестве Народного депутата и одного из лидеров оппозиционной Межрегиональной депутатской группы (МДГ) А. Д. Сахаров разработал в форме Конституции свой проект переустройства Советского Союза в Союз Советских Республик Европы и Азии. Он передал этот проект М. С. Горбачеву, который возглавил созданную Съездом Народных депутатов СССР Конституционную комиссию. Это было 27 ноября, т. е. всего за 17 дней до неожиданной и скоростижной смерти А. Д. Сахарова. Мы узнали об этом документе как о "Конституции Сахарова" только в начале 1990 года, когда он был опубликован в московском журнале "Горизонт". Он вошел и в большой посмертный сборник общественно-политических выступлений и работ А. Д. Сахарова, который вышел в свет большим тиражом весной 1990 года³². Это был утопический проект, основанный на идеях конвергенции, интернационализма, демократизма, гуманизма, идеализма и популярной среди физиков идеи Мирового правительства, в защиту которой выступал еще Альберт Эйнштейн. Сахаров пояснял, что он выступает за объединение всех людей на Земле, независимо от их расы, национальности и религии, от их пола, возраста и социального происхождения, что он обращается не к нациям, а к людям. "Глобальные цели выживания человечества, - говорилось в статье 4 Конституции ССРЕА, - имеют приоритет перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными целями. Политическим выражением конвергенции в долгосрочной перспективе должно быть создание Мирового правительства". Гражданам нового Союза должны быть обеспечены все права и свободы, никакая дискриминация на территории Союза не допускается. Много места в "Конституции Сахарова" уделялось порядку вхождения и выхода Республик из Союза, формированию ее высших органов власти, проблемам использования ядерного оружия. Российская Федерация также должна войти в состав нового Союза под названием "Республика Россия", но некоторые из районов "бывшей РСФСР" могут образовать самостоятельные республики в

29

составе Союза. Ни Президент, ни Правительство ССРЕА не могут совмещать свою власть с руководством какой-либо партии. В новом Союзе допускаются все виды собственности, но земля, ее недра и водные ресурсы не могут быть предметом купли и продажи и должны оставаться в собственности республик. Однако земельные участки могут передаваться во владение частным лицам на неограниченный срок с выплатой земельного налога в бюджет республики. Этот проект нигде не обсуждался.

Всего через несколько месяцев после "Конституции Сахарова" в советской печати был опубликован и проект Конституционной реформы, который был разработан А. И. Солженицыным. Это был также утопический проект, но основанный на принципах русского национализма, патриотизма, умеренного авторитаризма и традиционного русского православия.

Солженицын предлагал как можно быстрее распустить Советский Союз и создать новое государство - Российский Союз, в составе одних лишь восточно-славянских народов - русских, украинцев и белорусов, включая и российское население Казахстана. Народы не славянские могут войти в Российский Союз лишь "по необходимости" и без государственной автономии. Солженицын решительно возражает против формирования властей нового государства путем всеобщего, равного и прямого голосования. "Избирательные кампании, - писал Солженицын, - при большой численности голосующих, бывают столь суетливы, визгливы, да при частом пристрастии массовых средств информации, что даже отвращают от себя значительную часть населения. Телевидение выявляет внешность кандидата, но не государственные способности. Во всякой такой кампании происходит вульгаризация государственной мысли. Для благоуспешной власти нужны талант и творчество - легко ли избрать их всеобщим голосованием на широких пространствах?". Ничему не может помочь и партийная система, так как соперничество партий искажает народную волю. "Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям". Партии могут существовать и выражать свое мнение через печать и на собраниях, но "власть - это заповеданное служение и не может быть предметом конкуренции партий". Поэтому выборы в высшие органы власти в Российском Союзе должны быть трех или четырехстепенные - от уездных и земских к областным земским собраниям - и далее к Всеземскому Собранию, которое должно заменить существовавший в

30

1990 году Верховный Совет. Президент нового Союза должен избираться все же на всеобщих выборах, но только после тщательного рассмотрения и обсуждения кандидатов на Всеземском Собрании. Таким образом, можно было бы избежать изнурительной избирательной кампании. На будущее же, в стране должна быть создана над всеми властями и некая "верховная моральная инстанция" - из "авторитетных людей, проявивших высокую нравственность, мудрость и обильный жизненный опыт". Впрочем, Солженицын признает, что ему пока не виден "несомненный метод отбора таких людей". "Давайте искать", - заключает свой проект писатель³³. Этот проект, однако, также нигде не обсуждался. Судьба Советского Союза и Российской Федерации складывались в последние 12 лет не по Сахарову и не по Солженицыну.

Две философии

Сахаров и Солженицын выдвигали и защищали не только очень различные политические, национальные и нравственные идеи, но и разную философию мироздания.

Завершая работу над текстом своей Нобелевской лекции "Мир, прогресс, права человека", А. Д. Сахаров написал: "Я защищаю космологическую гипотезу, согласно которой развитие Вселенной повторяется в основных чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более "удачные", должны существовать бесконечное число раз на "предыдущих" и "последующих" к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалить нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели". Эти слова были высечены на постаменте бюста А. Д. Сахарова, который установлен в Московском международном университете.

Для Солженицына главная философская установка Сахарова, конечно, слишком материалистична. В заключительной части своей Нобелевской лекции Солженицын выделил прописными буквами такие слова: "ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ". Но словом правды для него могло быть только слово Бога, которое он передает людям через своих пророков.

31

Солженицын верит не только в Разум, но в Высший Разум, даже в Высшего Судию, который наставляет и оберегает наиболее достойных. "Должны мы заново открыть, - говорил Солженицын при получении премии "Золотое клише" в Цюрихе 31 мая 1974 года, - что не

человек венец вселенной, но есть над ним - Высший Дух". И еще почти через 10 лет, 10 мая 1983 года в Букингемском дворце при получении Темплтоновской премии, обращаясь к жителям всех пяти континентов, Солженицын сказал: "Опрометчивым упованием двух последних веков, приведшим нас в ничтожество и на край ядерной и неядерной смерти, мы можем противопоставить только упорные поиски теплой Божьей руки, которую мы так беспечно и самонадеянно оттолкнули. Тогда могут открыться наши глаза на ошибки этого несчастного XX века и наши руки - направиться на их поправление. А больше нам нечем удержаться на оползне, ото всех мыслителей Просвещения не набралось".

Эти идеи великого русского ученого и великого русского писателя можно принимать или не принимать. Но нельзя отрицать, что их деятельность и их идеи оставили заметный след в истории развития общественного сознания в нашей стране. В самом конце XX века социологические службы и редакции газет проводили среди граждан России опросы на тему: "Кого вы могли бы назвать "человеком столетия" для России?" Из десяти наиболее часто называемых имен оказалось четыре политика: Ленин, Сталин, Горбачев и Брежнев. Из полководцев - только один: Жуков. Из людей, имевших отношение к космосу двое: Гагарин и Королев. Из общественных деятелей и диссидентов - также двое: Сахаров и Солженицын. Выше я сделал попытку рассказать о сложных взаимных отношениях, о сотрудничестве и полемике этих двух людей.

Литература и примечания

- 1 Солженицын А. И. "Бодался теленок с дубом". Париж, 1975. С. 379-398.
- 2 Сахаров А. Д. Воспоминания. Москва. 1996. Т. 1. С. 405-406.
- 3 "Он между нами жил". Воспоминания о Сахарове. М., 1996. С. 666.
- 4 Письмо А. Д. Сахарову под заголовком "На возврате дыхания и сознания" Солженицын впервые опубликовал в сборнике статей "Из под глыб", который собирался рядом авторов в 1973 году, но вышел в свет в ноябре 1974 года. / см. Солженицын А. И. Собрание сочинений, том девятый. Публицистика. Вермонт-Париж, 1981. С. 90-120.
- 5 Сахаров А. Д. Указ. соч. С. 423.
- 6 Солженицын А. "Бодался теленок". С. 335.
- 7 СмитХедрик. "Русские". Иерусалим. 1978. С. 770-775.
- 8 Там же. С. 806-807.
- 9 Солженицын А. "Бодался теленок". С. 407-408.
- 10 Солженицын А. И. "Угодило зернышко промеж двух жерновов". "Новый мир", 2000, № 9. С. 144.
- 11 Солженицын А. И. "Бодался теленок". С. 387, 401, 403.
- 12 Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 215.
- 13 Там же. С. 246.
- 14 "Слово пробивает дорогу". М., 1998. Сборник материалов". С. 456.
- 15 "Жить не по лжи". Сборник материалов. Париж, 1975. С. 191.
- 16 Сахаров А. Д. "О стране и мире". Нью-Йорк, 1976. С. 109-120.
- 17 "Из-под глыб". Париж, 1974. С. 216. 18 Там же. С. 217.
- 19 Там же. С. 218.
- 20 Там же. С. 219.
- 21 Сахаров А. Воспоминания. Т. I. С. 572-578.
- 22 "Русская мысль", 21 мая 1981 года.
- 23 "Новый мир", 2000, № 12. С. 143.
- 24 Там же.
- 25 "Новый мир", 2000, № 9. С. 146.
- 26 Там же. С. 151.
- 27 Там же. С. 153.

28 "Новый мир", 2001, № 4. С. 124-141.
29 Сахаров А. Воспоминания. Т. 2. С. 336.
30 "Вопросы философии", 1989, № 1, Сахаров А. Тревога и надежда. Сборник статей. М., 1990 и др.

31 "Новый мир", 2000, № 9. С. 145.

32 Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М., 1990. С. 266-276.

33 Солженицын А. И. Публицистика. Ярославль, 1996. Т. 1. С. 573-596.

33

Из воспоминаний об А. Д. Сахарове

Первые встречи с А. Д. Сахаровым

Имена ученых, принимавших участие в разработке всех видов ядерного оружия, были в СССР засекречены. Эти люди не участвовали в общественно-политической жизни страны. Но они не участвовали и в каких-либо открытых научных дискуссиях. Академик Андрей Дмитриевич Сахаров был одним из этих особо секретных и особо охраняемых ученых. Он возглавлял на "объекте" в одном из секретных научных городов группу замечательных, но также секретных ученых. Однако интересы А. Д. Сахарова стали постепенно выходить за рамки одних лишь научных проблем, и он был первым из ученых-атомщиков, кто прорвал возведенную вокруг них информационную и политическую изоляцию. Это произошло неожиданно и для властей, и для самого Сахарова.

Летом 1964 года должны были пройти очередные выборы в Академию Наук СССР. Среди кандидатов на пост академика был и один из ближайших соратников Трофима Денисовича Лысенко член-корреспондент АН СССР Н. И. Нуждин. Его кандидатура была поддержана в ЦК КПСС и уже прошла через Отделение биологических наук Академии. Академики-физики и особенно атомщики относились к концепциям "мичуринской биологии" весьма неприязненно еще с конца 40-х годов. Как при производстве, так и на испытаниях атомного оружия физикам приходилось считаться с таким явлением как радиация и расширять свои познания в биологии и генетике. Именно в научных учреждениях атомной индустрии нашли в 40-50-е годы укрытие и работу многие ученые генетики, уцелевшие от погромных кампаний в биологии 1948-1949 гг. В атомных научных центрах шло развитие новой научной дисциплины - радиобиологии, которая строилась на принципах не "мичуринской", а классической генетики. Критически относился к концепциям Т. Лысенко и А. Сахаров.

Среди ведущих советских физиков было несколько академиков старшего возраста, которые работали одновременно и над се

34

кретными, и над открытыми научными проектами. Эти люди решили выступить против избрания Н. Нуждина на пост академика. Детали этого, по условиям того времени, весьма необычного и смелого выступления обсуждались в канун Общего собрания АН СССР на квартире академика В. А. Энгельгардта. Здесь собрались несколько очень известных ученых, включая И. Е. Тамма, М. А. Леонтовича и других. А. Д. Сахарова на этом конфиденциальном совещании не было, и он о нем даже не знал. Но Сахаров присутствовал на Общем собрании и был крайне взволнован выступлением Энгельгардта, который высказался против избрания в академики Н. Нуждина. Последние слова Энгельгардта о том, что кандидатура Нуждина "не отвечает тем требованиям, которые мы предъявляем к этому самому высокому рангу ученых нашей страны", были встречены аплодисментами, и это вызвало растерянность в Президиуме Собрания. "Кто еще хочет взять слово?" спросил Президент АН Мстислав Келдыш. И здесь руку поднял А. Д. Сахаров. Это решение, как свидетельствовал позднее Андрей Дмитриевич, - "я принял импульсивно; может быть, в этом проявился рок, судьба"¹. Выступление академика Энгельгардта было весьма критическим по характеру, но академическим по тону и форме изложения. А. Сахаров, выступивший следом, был очень резок. Он говорил о гонениях в биологии, о преследованиях подлинных ученых, в которых активно участвовал и Нуждин. "Я призываю всех присутствующих академиков, - сказал в

заключение своей краткой речи Сахаров, - проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы "за", были бюллетени тех лиц, которые вместе с Нужиным, вместе с Лысенко несут ответственность за те позорные, тяжелые страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются". Эти слова также были встречены аплодисментами. После А. Сахарова, несмотря на громкие и бурные протесты Т. Д. Лысенко, выступил и академик И. Е. Тамм, которого также слушали с большим вниманием и проводили аплодисментами. Когда вечером 26 июня было проведено голосование, то оказалось, что из 137 присутствовавших на Общем собрании академиков только 23 человека написали в своих бюллетенях слово "за". Отрывки из стенограммы с текстами выступлений В. Энгельгардта и А. Сахарова и выкриками Т. Лысенко быстро распространились тогда в кругах научной интеллигенции в Москве.

Провал Н. И. Нужида на выборах в Академию наук вызвал гневную реакцию со стороны Никиты Сергеевича Хрущева, кото

35

рый покровительствовал Т. Д. Лысенко - это было известно и всем академикам. "Если Академия начинает заниматься политикой, а не наукой, - заявил в своем окружении Хрущев, - то такая Академия нам не нужна". В Москве распространились слухи о том, что Хрущев поручил соответствующему отделу ЦК подготовить проект о реорганизации Академии наук СССР в Государственный комитет по науке. В сентябре 1964 года академик А. Д. Сахаров передал в аппарат ЦК большое письмо с объяснением мотивов своего выступления на Общем собрании АН. Но Сахаров не дождался ответа, так как в октябре Хрущев был смещен со всех своих постов. Среди обвинений, которые были выдвинуты против Хрущева на Октябрьском пленуме ЦК КПСС, было и обвинение в неоправданном конфликте Хрущева с Академией наук, а также в безоговорочной поддержке биологических и сельскохозяйственных концепций Т. Д. Лысенко. Для Лысенко и его группы решения Октябрьского пленума стали концом их монополии и их власти в биологических и сельскохозяйственных науках.

Мой брат Жорес еще в начале 1962 года написал большую, очень острую, но увлекательную и убедительную научно-публицистическую работу против Лысенко и его клики: - "Биологическая наука и культ личности" (Из истории агробιологической дискуссии в СССР). Эта работа быстро распространилась в списках; ее читали в литературных и в научных кругах, и она несомненно повлияла на быстрый рост антилысенковских настроений в образованной части общества. Особенно внимательных читателей эта работа имела в кругу физиков-атомщиков, где работа Жореса стала известна еще до упомянутого выше Общего собрания АН СССР. Читал работу Жореса и А. Д. Сахаров. Один из его друзей и соратников по работе на "объекте" академик В. Б. Адамский писал позднее в своих воспоминаниях: "В 1963-1964 гг. ходило в самиздате исследование Ж. Медведева "История биологической дискуссии в СССР". Все то, что сейчас известно о действиях Лысенко по разгрому советской биологии, в этом исследовании содержалось. Описывалась там и трагическая судьба академика Вавилова. Прочитав, я дал этот материал Андрею Дмитриевичу. Нельзя сказать, что все содержание рукописи было для него новостью, но все-таки ее эмоциональное воздействие на Андрея Дмитриевича было очень сильным. Я не помню, чтобы он так резко о ком-нибудь высказывался. Запомнилось мне выражение: "Вегетарианство по отношению к Лысенко недопустимо". Вскоре представился случай дать бой Лысенко. Как известно, в значи

36

тельной степени благодаря выступлению А. Д. Сахарова на Общем собрании Академии наук кандидатура ставленника Лысенко была провалена. Возвратившись с сессии Академии наук, он зашел ко мне поделиться радостью победы"².

Уже после описанных выше событий в АН СССР Жорес дважды встречался с А. Д. Сахаровым на его квартире в Москве; первая из этих встреч состоялась еще до Октябрьского пленума ЦК КПСС. Выступление А. Д. Сахарова в АН СССР было его первым публичным

выступлением против официальной политики властей. Встреча с Жоресом была первой встречей Сахарова с одним из известных диссидентов: - этот термин тогда еще не употреблялся, да и самодвижение только зарождалось. К сожалению, в своих воспоминаниях А. Д. писал об этой важной для обоих собеседников встрече не слишком точно. "Через несколько дней после выступления в Академии, - писал Сахаров, - ко мне домой пришел незнакомый мне раньше молодой биолог Жорес Медведев (хотя я раньше слышал его фамилию). Он очень высоко оценил мое выступление и попросил меня подробно повторить, по возможности точней, что именно я говорил и всю обстановку. Все это он записал в блокнот для включения в его книгу. Ж. Медведев оставил мне для ознакомления рукопись своей будущей книги, которая тогда называлась "История биологической дискуссии в СССР" или как-то похоже. Рукопись действительно была очень интересной"³. Но такой встречи летом 1964 года между А. Сахаровым и Ж. Медведевым не было и быть не могло, так как никто из нас ничего не знал об А. Д. Сахарове и о природе его занятий и положения. Жорес не мог знать ни адреса, ни телефона Сахарова, а копию стенограммы Общего собрания АН он получил от своего друга биолога В. П. Эфроимсона, а позднее от академика В. Энгельгардта, с которым был в добрых отношениях еще с середины 50-х годов. В июле и в августе 1964 года Жорес с семьей отдыхал в Никитском ботаническом саду в Крыму. Также в Крыму, но в санатории "Мисхор" отдыхал в это лето и А. Д. Сахаров с семьей. Почти в самый последний день лета в газете "Сельская жизнь", которая была органом ЦК КПСС, была опубликована большая статья президента ВАСХНИЛ М. А. Олышанского "Против дезинформации и клеветы", в которой рукопись Жореса "Биологическая наука и культ личности" объявлялась клеветнической. За ее распространение, как писал Олышанский, Жорес Медведев должен предстать перед судом как клеветник. Здесь же весьма пренебрежительно говорилось и об академике Сахарове, "инженере по

37

специальности, который, начитавшись подметных писем Медведева, допустил на Общем собрании Академии наук СССР клевету в адрес советской биологической науки и видных советских ученых-биологов". И Жорес, и А. Сахаров, как выяснилось позднее, прочитали статью Олышанского в один и тот же день, но в разных местах. еще через 10 дней академик Б. Л. Астауров, с которым Жорес был хорошо знаком, передал ему полученную через академика М. А. Леонтовича просьбу А. Д. Сахарова о встрече. Михаил Александрович Леонтович был известным физиком и также работал по атомным проблемам, но он не был засекреченным ученым. Леонтович жил в Москве в том же доме, что и Сахаров. Правда, Сахаров в то время большую часть времени жил с семьей в своем коттедже на "объекте" и в Москве бывал наездами. Жоресу назвали телефон квартиры Сахарова и точный день и час, когда по этому телефону надо позвонить. И действительно, когда в назначенное время Жорес позвонил, Сахаров сам поднял трубку и пригласил Жореса к себе, назвав адрес. В своих воспоминаниях Жорес позднее писал: "Я приехал к А. Д. Сахарову на такси. Насколько я помню, это был трехэтажный дом "элитной" постройки. Никакой видимой охраны не было; вход в подъезд был обычный, я поднялся по лестнице и позвонил в нужную квартиру. Беседа была только с Сахаровым в его кабинете, членов семьи я в тот раз не встретил. Я привез Сахарову новый вариант моей книги. Эта книга обновлялась каждый год, и с ее первым вариантом Сахаров был знаком. Он рассказал мне, что его выступление вызвало сильное недовольство Хрущева. Иногда он показывал пальцем на потолок: - обычный знак того, что разговоры в квартире могут прослушиваться КГБ. Поэтому беседа была сдержанной. Я рассказал ему о своей работе и своем положении в Обнинске. Мы условились встретиться снова через месяц. Но в следующий мой визит к Сахарову в заранее оговоренный день положение дел было уже иным. Хрущев был освобожден от всех своих должностей, и отношение к генетике сразу изменилось. Наша беседа, помимо этих событий, коснулась и проблем радиобиологии. Сахаров был убежден, что во время испытаний водородной бомбы в 1953 году он был переоблучен при осмотре места взрыва. У него был стабильно повышенный уровень лейко-цитов, и он боялся возможности лейкемии. Я тогда

еще не знал, что бывший начальник Средмаша В. А. Малышев, вместе с которым Сахаров осматривал эпицентр взрыва, умер через 3-4 года от лейкемии. Оба раза в 1964 году мои встречи с Сахаровым продолжались часа по полтора. Ни

38

каких вопросов, связанных с его собственной работой, я, естественно, не задавал. Беседы ограничивались вопросами биологии и медицины. Мне было тогда неизвестно, где он работает и какие проблемы решает. Во время беседы Сахаров не проявлял никакой эмоциональности и иногда писал на бумаге какие-то формулы. Было очевидно, что его все время беспокоят какие-то свои проблемы".

В 1965 и 1966 годах у Жореса не было встреч с Сахаровым. В самом начале 1966 года в Москве получил широкое распространение небольшой, но важный для всех нас документ - письмо группы весьма влиятельных деятелей советской интеллигенции, адресованное Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину. Это был протест против попыток реабилитации Сталина в преддверии XXIII съезда КПСС. Среди двух десятков подписей здесь стояла и подпись: "А. Д. Сахаров, академик, трижды Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственных премий". Теперь уже более широкие круги общественности узнали о Сахарове, хотя кроме самого имени, титулов и наград об этом человеке еще никто ничего не знал. Я знал о Сахарове также очень мало - и из рассказов Жореса, и от писателя Эрнста Генри (Семен Николаевич Ростовский), который был организатором и составителем упомянутого выше письма. Э. Генри рассказывал мне, что Сахаров не только сам охотно подписал это письмо, но предложил сделать то же самое и некоторым другим академикам, жившим недалеко. Именно Э. Генри, с которым я в то время часто встречался и беседовал, рассказал А. Сахарову о существовании моей работы "К суду истории". Это была довольно большая рукопись, посвященная проблемам сталинизма, которую я продолжал обновлять и расширять примерно раз в шесть месяцев. Я начал эту работу еще в конце 1962 года без всякой конспирации, и ее первые варианты читали даже секретари ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев и Ю. В. Андропов. Обсуждение рукописи среди друзей, среди писателей и старых большевиков, а также других заинтересованных лиц было для меня важной формой накопления материалов. Однако я препятствовал более широкому и бесконтрольному распространению своей работы. Осенью 1966 года Э. Генри передал мне просьбу А. Сахарова, который хотел прочесть мою рукопись. Я не сразу откликнулся на эту просьбу. Обстановка в стране изменилась, и мне приходилось внести в свою деятельность некоторые элементы конспирации. Круг знакомых Сахарова мне был неизвестен, и я опасался, что обсужде

39

ние моей рукописи среди столь необычных людей может в чем-то осложнить мое положение. Сахаров, однако, повторил свою просьбу, и вскоре я отправил ему через Э. Генри большую папку с текстом очередного варианта книги "К суду истории". В этой папке было уже около 800 машинописных страниц. Примерно через месяц Э. Генри передал мне приглашение от академика, а также его адрес и домашний телефон.

Моя первая встреча с А. Д. Сахаровым состоялась после предварительной договоренности в один из зимних дней в самом начале 1967 года. По принятым среди диссидентов правилам, я никогда не вел никаких записей о своих встречах и беседах и вынужден поэтому полагаться на свою память. В своих публикациях 70-х и 80-х годов А. Д. несколько раз упоминал о наших встречах и беседах, но в разное время он это делал с разными акцентами и в разных редакциях. Я не буду полемизировать с этими текстами. В первой своей автобиографии, опубликованной в 1974 году, Сахаров писал о событиях 1964-1967 годов следующее: "Для меня лично эти события имели большое психологическое значение, а также расширили круг лиц, с которыми я общался. В частности, я познакомился в последующие годы с братьями Жоресом и Роем Медведевыми. Ходившая по рукам, минуя цензуру, рукопись биолога Жореса Медведева, была первым произведением "самиздата" (появившееся несколько лет перед этим слово для обозначения нового общественного

явления), которое я прочел. Я познакомился также в 1967 году с рукописью книги историка Роя Медведева о преступлениях Сталина. Обе книги, особенно последняя, произвели на меня очень большое впечатление. Как бы ни складывались наши отношения и принципиальные разногласия с Медведевыми в дальнейшем, я не могу умалить их роли в моем развитии"4. В "Воспоминаниях" А. Д. Сахарова, опубликованных в двух томах в 1996 году, этих слов нет, а имеется странная фраза о том, что конкретная информация, содержащаяся в книге Медведева, во многом повлияла на убыстрение эволюции моих взглядов в эти критические для меня годы. Но и тогда я не мог согласиться с концепциями книги"5. Однако никаких замечаний по моей рукописи А. Сахаров в конце 60-х годов не высказывал; у нас не было никаких споров ни по моим, ни по его работам, хотя различия в оценках и взглядах были уже тогда. Но они казались нам совершенно несущественными - по тем временам.

Я посетил А. Д. Сахарова в его московской квартире. В уютном и тихом переулке недалеко от Института атомных исследований

40

ний им. И. В. Курчатова стояли два четырехэтажных дома, в которых жили, как я узнал позднее, ученые-атомщики. Из небольшой передней мы прошли в круглый большой холл, из которого можно было войти в три или четыре больших комнаты и на кухню. В простенках стояли от пола до потолка книжные шкафы, но книги лежали и стояли на полках в каком-то беспорядке. Некоторый беспорядок был и во всей квартире: старый, продавленный диван, старая мебель, простой письменный стол с пачками бумаг. Никаких признаков той ухоженности или даже роскоши, которую я видел в квартирах других академиков, с которыми познакомился в 1996 году. Жена А. Д. Сахарова Клавдия Алексеевна была не слишком здоровой женщиной, и ей было не под силу следить за порядком в большой квартире. Старшая дочь Татьяна была уже замужем и жила отдельно. Средняя дочь - Люба заканчивала в этот год школу и готовилась к поступлению в институт. Сын - Дима учился еще в четвертом классе. Никакой прислуги, обычной в домах других академиков или известных писателей, в семье Сахарова не было. Было очевидно, что гости в этой квартире бывают редко. Было очевидно также, что Сахаров не придавал никакого значения ни обстановке в квартире, ни своей одежде. На локтях его свитера были заметны прорехи, не хватало пуговиц на рубашке. Случайные вещи лежали на стульях и подоконниках.

Я спросил Андрея Дмитриевича - не прослушивается ли его квартира. Он считал это возможным, но не в целях слежки, а в целях охраны. "В нашем доме всегда заперты подвал и чердак, но мы проходим по каким-то другим управлениям, - сказал Сахаров. - Раньше охрана была постоянной и явной. Даже когда я выходил в магазин за хлебом, меня сопровождал телохранитель. Но в 1961 году я и мои друзья потребовали от Суслова убрать от нас эту ненужную опеку. Охраны сейчас нет на виду, но я не могу исключить того, что она просто стала незаметной".

Сахаров был не один. В его кабинете был еще один человек - академик Виктор Борисович Адамский, которого Сахаров представил как своего друга. Но Адамский почти не принимал участия в нашей беседе. На столе в кабинете лежала не только моя рукопись, но и несколько ее машинописных копий, что меня встревожило. Видимо, Андрей Дмитриевич это заметил и тут же сказал, что он попросил перепечатать рукопись только для самого себя, остальные я могу увезти. Я не стал возражать, так как не предупредил заранее Сахарова о нежелательности перепечаток. Наш разговор, естественно, пошел вокруг только что прочитанной Сахаро

41

вым и его знакомым рукописи. Замечаний по работе у Сахарова не было, очень многое из того, что он узнал из моей книги, было для него открытием и не слишком приятным. Он признавал и сейчас, и потом, что жил слишком долго в каком-то предельно изолированном мире, где мало знали о событиях в стране, о жизни людей из других слоев общества, да и об истории страны, в которой и для которой они работали. Конечно, Сахаров знал, что в СССР до 1956 года было много лагерей и много политических заключенных. Все крупные атомные

объекты, на которых бывал Сахаров, строились заключенными, и он видел из окна своего дома на одном из "объектов" колонны заключенных, идущих на работу, слышал команды охранников. Но все это проходило тогда мимо его сознания. Говорил Сахаров и о Берии, с которым встречался и разговаривал несколько раз. К Берии атомщики обращались в критических ситуациях как к самой последней инстанции, со Сталиным они не общались. Наша первая встреча продолжалась, вероятно, часа два. Я отметил, что Андрей Дмитриевич был чрезвычайно прост в обращении, даже немного застенчив. Не было никакой попытки играть какую-то роль. Я сказал ему, что среди интеллигенции о нем говорят как об "отце советской водородной бомбы". Так ли это? Сахаров ответил, что он много сделал для успешного завершения этих работ, но проекты такого масштаба не могут не иметь коллективного автора. Еще по крайней мере три физика могли бы назвать себя с полным на то основанием отцами советской водородной бомбы. В последующие недели и месяцы мы с Сахаровым встречались довольно часто. Некоторые из этих встреч происходили у меня на квартире в районе метро "Речной вокзал". Андрей Дмитриевич сначала звонил, а потом приезжал на такси. Он говорил, что очень редко пользуется служебной автомашиной. В эти месяцы Сахаров жадно читал имевшиеся у меня материалы "самиздата". Особенно сильное впечатление произвели на него роман-мемуары Евгении Гинзбург "Крутой маршрут", роман А. Солженицына "В круге первом", рассказы Варлаама Шаламова. Некоторые из этих работ он приобретал для себя, оплачивая труд машинистки. Читал он и многие документы, связанные с быстро развивавшимся тогда движением за права человека, например, письма и статьи генерала Петра Григоренко, стенограммы происходивших тогда судебных процессов. Наши разговоры касались многих проблем, вопросы исходили почти всегда от моего собеседника. Сахарова угнетал, например, эпизод с шофером одной из грузовых машин - это была давняя история нача

42

ла 50-х годов, когда на одной из узких и плохих дорог близ "объекта", где работал по несколько месяцев подряд Сахаров, его легковую машину задел и столкнул в кювет встречный грузовик. Сахаров получил травмы и оказался в больнице, а шофера грузовика судили за диверсию и покушение, хотя это был просто несчастный случай. "Он получил большой срок, а я не вмешался, я должен был тогда вмешаться, думал об этом, но ничего не сделал". Несколько раз Сахаров возвращался к вопросу об испытаниях водородных бомб на Новой Земле. Эти испытания были прекращены в конце 50-х годов, но возобновлены в начале 60-х годов, против чего Сахаров решительно возражал. По его собственным подсчетам, представленным в закрытых публикациях, число жертв от одной мегатонны взрыва оценивалось цифрой в 10 тысяч человек. Речь шла о радиационных и генетических заболеваниях на большой территории и в течение длительных сроков. Но немалое число жертв приходилось на ближние сроки и на ограниченной территории. Чрезвычайный вред наносился здоровью и жизни северных народов и оленеводству. А ведь летом 1962 года было проведено, вопреки самым резким протестам Сахарова, испытание 50-мегатонной бомбы. Последствия его были очень тяжелыми, и это ускорило заключение договора о запрещении всех ядерных испытаний в трех средах. Говорил Сахаров и о проведении "направленных" взрывов атомных конструкций при строительстве плотин и каналов. Как я понял, Сахаров участвовал в разработке этих проектов, за что получил одну из Государственных премий и третью медаль Героя Социалистического труда. И в данном случае исследования показывали, что каждый такой наземный взрыв, не убивая никого сразу, приводил все-таки к необратимым изменениям в наследственных структурах, заболеваниям лейкемией, раком и другими болезнями у нескольких тысяч человек на протяжении нескольких десятилетий. Мне казалось недопустимым идти на проведение таких "мирных" взрывов, заранее зная, что от них пострадают многие люди, и не только в Советском Союзе. Но Сахаров пытался тогда еще искать какое-то оправдание такой атомной технологии, говоря, что за любой шаг вперед технического прогресса надо платить. "А разве строительство железных дорог и автомобилизация не приводят впоследствии к тысячам смертей?". "А химическая

промышленность, а применение удобрений и пестицидов?". Я возражал, замечая, что при работе железных дорог каждая авария - это сочетание случайностей, которые можно свести к минимуму или предотвратить, тогда как ядерный взрыв с не

43

обходимостью ведет к смерти и болезням многих людей на большой территории. К тому же эти люди в отличие от шофера автомобиля ничего не знают о грозящих им бедах, и их риск не был делом их собственного выбора. Многие ученые-атомщики верили в 60-е годы в безграничность возможностей мирного использования атомной энергии. Более адекватные представления об опасностях и рисках пришло ко всем нам только после Чернобыля.

А. Д. Сахаров в 1968 году. Первый "Меморандум"

Во многих отношениях 1968 год стал переломным в жизни, в положении и общественной деятельности А. Д. Сахарова. Хорошо помню, что уже с января 1968 года Андрей Дмитриевич стал значительно больше читать материалы самиздата. С января 1988 года я стал приносить ему материалы своего ежемесячного информационно-аналитического бюллетеня, многие номера которого были изданы за границей в 1972 и 1975 годах под названием "Политический дневник". В 60-е годы у моего издания такого названия не было. На первой странице стоял только номер очередного бюллетеня и месяц, в течение которого этот бюллетень готовился. В № 30 этого самиздатовского журнала за март 1967 года был помещен "Диалог между публицистом Эрнстом Генри и ученым А. Д. Сахаровым" на тему "Мировая наука и мировая политика". Это была первая, хотя и неофициальная публикация мыслей А. Д. Сахарова главным образом по проблемам разоружения. Андрей Дмитриевич узнал об этой публикации только в 1973 году после издания первого тома "Политического дневника" в Амстердаме. В своих воспоминаниях А. Д. Сахаров подробно пишет о том, как был написан их "Диалог", как он обсуждался в редакции "Литературной газеты", а затем в идеологическом аппарате ЦК КПСС. Э. Генри и А. Сахарову передали отзыв Михаила Андреевича Суслова, который нашел статью интересной, но высказался против ее публикации, так как в ней есть положения, "которые могут быть неправильно истолкованы". Как писал Сахаров, "история на этом не кончилась. Через несколько лет я узнал, что статья все же была напечатана очень небольшим тиражом в сборнике "Политический дневник". Ходили слухи, что это издание для КГБ или "самиздат для начальства". Еще через несколько лет Рой Медведев заявил, что составитель сборника - он. Но как к нему попала моя статья - до сих пор не знаю"⁶. В большой биографии А. Д. Сахарова, кото

44

рая вышла в свет в 2000 году, ее автор Геннадий Горелик называет "Политический дневник" "периодическим самоизданием для избранных", в котором Рой Медведев "позволил себе подредактировать статью Сахарова без согласования с автором"⁷. Эти упреки несправедливы и основаны на недоразумении. Сахаров сам писал в своих воспоминаниях, что после отклонения статьи в ЦК КПСС он лично отвез ее рукопись Эрнсту Генри, впервые посетив его большую холостяцкую квартиру. Но Эрнст Генри сделал с этой рукописи копию и передал мне один экземпляр для ознакомления среди друзей. Никаких других согласований для использования этого текста в моем бюллетене не требовалось. Этот эпизод не заслуживал бы такого внимания, если бы Сахаров не писал позднее, что именно в их совместной статье "Мировая наука и мировая политика" содержались некоторые идеи, которые он позднее более полно изложил в своих "Размышлениях".

С самого начала 1968 года в центре внимания всех диссидентских кружков были события в Чехословакии. А. Д. Сахаров с большим интересом следил за развитием этих событий, явно сочувствуя происходящей там быстрой демократизации. В Москве возникло несколько кружков, в которых быстро делали перевод самых значительных статей и материалов из чехословацкой печати и распространяли эти переводы. К тому же многие из документов и выступлений лидеров "Пражской весны" можно было получить и через посольство ЧССР в Москве. К моему удивлению, Сахаров начал читать в эти месяцы и некоторые книги по марксизму, однажды я увидел на его письменном столе "Капитал" К.

Маркса и еще несколько не слишком популярных книг по марксизму. Я посоветовал А. Д. начинать с Плеханова, но Сахаров не стал продолжать этот разговор. У него не было желания обсуждать прочитанное или вступать в дискуссию со мной или с кем-либо другим. Впрочем, желание изучать марксизм и теорию социализма по первоисточникам у Сахарова быстро прошло. И стиль, и образ мышления, и общий взгляд на общественные проблемы XX века у Сахарова были чужды марксистской догматике. Он видел проблемы современного общества под каким-то другим углом зрения; оригинальность его мышления проявлялась и здесь, но у него не было ни времени, ни возможностей для систематической работы в этой новой для него области знаний.

Однажды, в самом конце апреля 1968 года А. Сахаров позвонил мне и попросил приехать к нему по возможности в тот же день. Пригласив меня в кабинет, Сахаров протянул мне машино

45

писный текст, на первой странице которого я прочел: "А. Сахаров. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Статья Сахарова, о которой позднее стали говорить как о "манифесте", а чаще как о "меморандуме", была достаточно большой, но я прочел ее сразу - при авторе. Я не увидел в этом тексте почти никакого влияния прочитанных им книг по марксизму, кроме принятия в общей форме идей гуманного социализма и социалистической демократии. Гораздо большим было влияние взглядов и общественных выступлений таких физиков и философов как А. Эйнштейн, Н. Бор, Б. Рассел, а также немецкого врача-гуманиста А. Швейцера. Но в большей мере это был оригинальный взгляд на советскую действительность самого Сахарова. Здесь были и глубокие мысли, и наивные, на мой взгляд, рассуждения, но вся работа подкупала свежестью мысли, оригинальностью и искренностью. Для меня тогда эта работа Сахарова показалась очень важным событием, ибо столь значительный во всех отношениях человек открыто и активно выступал против сталинизма и в защиту демократического социализма. Все же я высказал немало конкретных замечаний. Сахаров сказал мне, что это пока черновик, но он хотел бы, чтобы некоторые из моих друзей - историков и писателей прочли его статью и высказали свое мнение. Я обещал сделать это, но предупредил А. Д., что в условиях бурного развития Самиздата его статья может выйти из-под контроля. Но это обстоятельство его не беспокоило. В последующие несколько недель статью Сахарова прочли многие из моих друзей и знакомых. Первыми ее читателями, насколько я помню, были М. И. Ромм, Е. С. Гинзбург, историк В. П. Данилов, философ Г. С. Батишев, Е. А. Гнедин. Некоторые ограничились небольшими устными замечаниями, другие писали развернутые отзывы и предложения. Сахаров очень внимательно относился ко всем замечаниям, но принимал далеко не все. Он продолжал весьма интенсивно работать над текстом своего "меморандума", внося в него как мелкие, так и существенные исправления, затрагивая и ряд новых тем. Вся эта работа не могла оставаться незамеченной "органами", хотя бы потому, что и квартира, и телефон Сахарова прослушивались. К тому же он сам никогда не считал нужным прибегать к конспирации, - это была его принципиальная позиция. "Мне нечего скрывать", не раз повторял он. В один из моих визитов я встретил у Сахарова академика Юлия Харитона, который занимал очень высокий пост в атомной научной иерархии и был научным руководителем на "объекте". Разговор с Харитоном

46

уже заканчивался, и он вскоре ушел. "Уговаривал меня не давать хода "Размышлениям", - мимоходом заметил Сахаров. Но уговорить Сахарова отказаться от публичного выступления было уже невозможно ни уговорами, ни тем более угрозами.

Все новые варианты "Меморандума" Сахаров просил перепечатывать меня. Я делал это сам, но иногда приглашал для помощи историка и архивиста Леонида Петровского, с которым я уже несколько лет сотрудничал и который с большим энтузиазмом относился к работе Сахарова. В моем архиве остались поэтому разные варианты "Меморандума" с рукописной правкой Сахарова, а также многие отдельные страницы с вставками и

поправками. Два раза Сахаров брал такси и привозил мне сразу по 7-8 страниц "Замечаний и добавлений к статье Сахарова". Оригиналы всех бумаг с рукописными текстами А. Д. Сахарова я передал в конце 90-х годов в архив его имени, созданный Е. Г. Боннэр, оставив себе ксерокопии. Андрей Дмитриевич заменил и автограф к "Меморандуму" Вначале это были известные слова Гёте "Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой". Затем он заменил их словами Шиллера "Только полнота ведет к ясности". Работа над новыми вариантами еще продолжалась, когда мы узнали, что параллельно стало идти и бесконтрольное размножение текста, подхваченное стихией Самиздата. Следовало ждать, что вскоре статья такого автора, как А. Д. Сахаров, может оказаться и за границей. Много позднее стало известно, что текст "Меморандума" передал в середине июня голландскому корреспонденту Карелу ван хет Реве известный диссидент Андрей Амальрик. У Андрея Амальрика, человека с безупречной репутацией, не входившему ни в какие кружки, но поддерживающего добрые отношения с другими диссидентами, были открытые и давние связи с иностранными корреспондентами. Вечером 10 июля А. Д. позвонил мне и спросил: - слушаю ли я передачу Би-Би-Си. Это было последнее лето, когда западные радиостанции еще не глушились. Я настроил свой радиоприемник на волны Би-Би-Си и услышал как диктор читает "Меморандум" Сахарова. Андрей Дмитриевич не скрывал своего удовлетворения, хотя в распространение по миру попал не самый последний вариант его статьи. Я не буду писать здесь о том, какие отклики вызвала работа Сахарова во всем мире и в Советском Союзе. Ее почти полностью опубликовали главные газеты западных стран. Появилось множество комментариев и подробных разборов, были, конечно, и критические отзывы.

С июля 1968 года имя А. Д. Сахарова приобрело не просто

47

всемирную известность, но и популярность. Это стало изменять и весь уклад его жизни, так как все больше и больше людей стремилось встретиться с ним. Лично я был инициатором только одного нового знакомства Сахарова. Я передал А. Д. большую рукопись физика Валентина Турчина "Инерция страха". Я был знаком с Турчиным еще с 1965 года; мы познакомились с ним в г. Обнинске, где я часто бывал у своего брата Жореса. Доктор физико-математических наук В. Турчин работал здесь в одном из крупных НИИ. Он был одним из составителей популярной тогда книги "Физики шутят". Талантливый и общительный человек, Турчин живо интересовался общественными и политическими проблемами, а это неизбежно вело его в ряды диссидентов. Книга Турчина понравилась Сахарову, и они стали встречаться в дальнейшем без моего посредничества. Хотя телефон и адрес Сахарова нельзя было узнать через какое-либо справочное бюро, многие люди из Москвы и из других городов каким-то образом узнавали адрес Сахарова и приходили к нему в дом, как правило, без предупреждения. Очень многие приходили с самыми нелепыми и невыполнимыми требованиями, некоторые просто просили денег. У меня создавалось впечатление, что кто-то сознательно направлял этот поток людей к Сахарову, чтобы нарушить его прежнее спокойное существование. Особенно страдала от этого наплыва просителей жена А. Д. Клавдия Алексеевна. Сахаров обычно выслушивал очередного посетителя и что-то обещал. Но иногда и он оказывался в недоумении, не зная, что делать? Помню один типичный в этом отношении случай. В дом Сахарова пришел возбужденный молодой человек в разорванном грязном костюме. Он оказывается разработал уместившийся на нескольких страницах план - каким образом всего за два-три года в Советском Союзе можно построить коммунистическое общество, основанное на полном равенстве граждан и скромном благосостоянии. Посетитель сказал при этом, что он бежал из психиатрической больницы, он жил больше месяца в лесу в холоде и голоде, и за ним гонятся его враги. Поэтому он просил Сахарова не только прочесть его бумаги, но и укрыть его в своей квартире на несколько недель. Андрей Дмитриевич сначала растерялся, но затем сказал, что он не коммунист и плохо разбирается в проблемах строительства коммунистического общества. Но у него есть добрый знакомый, который знает все эти вопросы хорошо и сумеет

как оценить предлагаемый план, так и помочь просителю. Сахаров вызвал такси и объяснил водителю - как ко мне доехать. Конечно, Сахаров тут же мне позвонил и пре

48

дупредил о том, что за человек должен ко мне приехать. К счастью, посетитель не задержался у меня долго и не просил укрыть его от преследователей. Весьма странной была и почта, которую Сахаров начал получать из самых разных стран мира. Письма и бандероли шли по адресу: "Москва. Академия наук СССР. Академику А. Д. Сахарову". Поток писем был очень велик, но он, несомненно, подвергался тщательной селекции. До самого адресата доходили в основном письма с резкой критикой меморандума или письма от активистов такой известной в то время антисоветской организации как НТС с разными предложениями о сотрудничестве. Были письма от эмигрантов-националистов из русских организаций в Южной Африке. Но А. Д. все это читал с интересом. Несколько писем передал Сахарову я. Например, мне принесли большое письмо к академику Сахарову от генерала Петра Григоренко. Это письмо позднее также попало в Самиздат. Григоренко просил и о встрече, но А. Д. до осени 1998 года (???) от встреч с известными диссидентами еще воздерживался.

Оккупация Чехословакии войсками Варшавского Договора вызвала у Сахарова возмущение, но ему не удалось организовать на этот счет какой-то протест. Сахаров рассказывал мне о своих встречах с Игорем Таммом, с Александром Солженицыным и некоторыми другими. В конце августа и в начале сентября 1968 года мы встречались почти ежедневно, в том числе и в загородном доме А. Д. в Жуковке. Хотя во всех разговорах тех недель доминировала чехословацкая тематика, Сахаров продолжал обдумывать и многие другие проблемы, связанные с внешней и внутренней политикой Советского Союза. Я не удивился поэтому, когда он обратился ко мне с просьбой приобрести для него где-либо хорошую пишущую машинку. Тогда это был дефицит. Через свою машинистку я купил портативную немецкую "Эрику". Только через месяц А. Д. смущенно спросил: "Вы ведь, наверное, заплатили за пишущую машинку свои деньги. Сколько я вам должен?". Он все еще не умел и не знал - как покупать нужные ему вещи. Впрочем, уже летом 1968 года Сахаров был отстранен от работы на "объекте", но еще не получил нового назначения. Он не был огорчен. У него было теперь много свободного времени, и он чаще встречался с разными людьми вне пределов своего прежнего окружения.

Неожиданно все изменилось из-за тяжелой болезни жены Сахарова. У нее обнаружили рак желудка, который врачи признали неоперабельным. Болезнь быстро прогрессировала, временами возникали сильные боли, которые не удавалось снять

49

даже инъекциями наркотических веществ. Сахаров тяжело переживал страдания жены и находился все время рядом с ней - в больнице или дома. Он пытался достать какие-то редкие лекарства, обращался к "народным" целителям, к знахарям, но безрезультатно. Клавдия Алексеевна умерла в марте 1969 года.

В течение нескольких месяцев после смерти жены Сахаров находился в тяжелом душевном состоянии, почти ни с кем не встречался и, казалось, полностью утратил интерес к общественным проблемам. На протяжении почти всего 1969 года я не разговаривал с Сахаровым даже по телефону. Как раз во время этой депрессии и, несомненно, не без чьего-то не слишком доброго совета Сахаров решил передать государству все свои сбережения, а они были немалыми. Семья Сахаровых жила очень скромно, и основные ее нужды удовлетворялись за счет атомного ведомства. На сберкнижку шла не только значительная часть его большой зарплаты, но и все премии - Ленинская и государственные. К началу 1969 года сбережения Сахарова достигали почти 140 тысяч рублей: - по тем временам это была очень большая сумма, семья научного работника могла вполне прилично жить на 300-400 рублей в месяц. Часть своих сбережений Сахаров перечислил в Красный Крест, другую часть - на строительство онкологического центра, третью часть - на улучшение питания в московских детских садах. Конечно, это был благородный и широкий жест или акт благотворительности и милосердия, но даритель не мог никак контролировать расходование

своих денег. Только Красный Крест выразил Сахарову благодарность. А между тем, в 1969 году в Советском Союзе уже существовали другие фонды: - фонд помощи ученым, пострадавшим за убеждения, фонд помощи родственникам политзаключенных и др. Неудивительно, что Сахаров позднее очень сожалел о потере средств, с помощью которых он мог бы поддержать нуждающихся диссидентов, да и свои две семьи.

А. Д. Сахаров в 1970 году. Второй "меморандум"

Зимой 1969/1970 года жизнь Сахарова начала входить в новую колею. Он получил работу в ФИАНе (Физический институт Академии наук СССР), во главе которого стоял тогда 78-летний академик Д. В. Скобельцын, один из основателей советской школы атомной физики. Это был очень крупный и известный ученый, но также в высшей степени лояльный к власти человек, не желавший

50

вмешиваться в политику. Его отношение к Сахарову было довольно прохладным. Сам Андрей Дмитриевич был рад возможности заниматься теперь не военными разработками, а теоретической физикой, астрофизикой и космогонией. У него появилось несколько аспирантов. Еще раньше Сахаров говорил мне, что в теоретической физике он знает почти все. Но он вряд-ли сделает какое-то новое открытие, так как новые направления в их науке открывают, как правило, молодые люди. "Но я лучше многих других, - замечал он, - могу оценить хорошую идею. Я могу работать с аспирантами". Теперь ему была предоставлена такая возможность.

Мы встречались в ту зиму не очень часто. Неожиданно ко мне на работу в Академию педагогических наук приехал один из знакомых А. Д. Сахарова и от его имени показал мне анонимный машинописный текст с просьбой прочесть его и высказать свое мнение. Это был весьма обширный документ, в котором содержался краткий, но точный анализ экономической и политической ситуации в стране и предложения по демократизации советского строя. Документ мне понравился, и я спросил - как появился на свет и что означает прочитанный мною текст? В ответ я услышал, что это проект письма руководителям КПСС и СССР, что этот текст написан Сахаровым и Турчиным, и авторы просят меня в случае положительного отношения к документу отредактировать его, исправить возможные неточности или сделать добавления и передать обратно Андрею Дмитриевичу. Я выполнил эту работу в течение недели. Позднее, когда этот документ или "меморандум" получил широкую известность, некоторые из диссидентов подвергали его критике. При этом некоторые из наших оппонентов заявляли, что автором письма был социалист Рой Медведев, который убедил "для большей весомости" подписать свое сочинение Турчина и Сахарова. Особенно настаивал на такой версии А. И. Солженицын. В своих мемуарах Солженицын с обычной для него стилистикой утверждал, что "задержка сахаровского взлета значительно объясняется влиянием Роя Медведева, с кем сотрудничество отпечаталось на совместных документах узостью мысли". Но Сахаров скоро "выбился из марксистских ущербоностей". Этот отзыв задел и даже обидел Сахарова. Поэтому в своих мемуарах Андрей Дмитриевич посчитал необходимым подробно рассказать - с какой целью и каким образом они решили вместе с Турчиным подготовить этот новый документ. Предполагалось, что данное письмо могли бы подписать 15-20 известных ученых и деятелей культуры. Но первые же люди, к которым они обрати

51

лись, отказались поставить подпись под письмом, хотя и одобрили его содержание. "Мы с Турчиным, - свидетельствовал Сахаров, поняли невозможность привлечь кого-либо для подписи и решили выпустить документ под своими подписями. Я был инициатором привлечения в качестве третьего Р. Медведева мне казалось, что концепция его книги о демократизации (которую Рой тогда кончал) - близка к нашей. Так появился документ за тремя подписями. Но Рой Медведев не несет ответственности за якобы "соглашательский" дух документа, как думает Солженицын ("Теленок..."). Это была концепция "наведения мостов" Турчина, которую я принял. Медведеву принадлежит одна лишь редакционная

правка. Подписав "Обращение", мы пожали друг другу руки, и я сказал полушутя - теперь мы крепко повязаны, в случае чего будем друг друга вытягивать"8.

Новый "меморандум" имел форму обращения к Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину и Н. В. Подгорному. После того как под окончательным вариантом письма были поставлены подписи, Сахаров написал от руки сопроводительное письмо, в котором говорилось, что мы будем ждать ответа в течение месяца. Если ответа не будет, то мы будем считать свое письмо "открытым" и сделаем его текст достоянием гласности. Ответа мы не получили, и через месяц второй "меморандум", отпечатанный в 25-30 экземплярах, был передан друзьям и знакомым для чтения и распространения.

Каких-либо попыток удержать Сахарова на этот раз не предпринималось. Напротив, Сахарова несколько позже пригласил к себе Президент АН СССР Мстислав Келдыш, которому было, конечно, дано на этот счет соответствующее поручение. Келдыш был знаком с "письмом трех" и уверял собеседника, что он вполне разделяет его демократические убеждения. Но советский народ, по его словам, просто не готов к демократии. "Вы не представляете, - говорил Келдыш, - насколько плохо живут наши рабочие, крестьяне и служащие. И если завтра мы введем свободу печати и начнем проводить другие демократические реформы, то люди могут нас просто смести. Дать этим людям демократические права сегодня еще нельзя, надо сначала обеспечить им благосостояние". Сахаров возразил: - "Вы никогда не сможете дать этим людям благосостояние, так как при той системе, которая у нас существует, вы не сумеете это благосостояние создать". Несколько позднее Сахарова пригласил к себе и заведующий Отделом ЦК КПСС по науке и образованию Сергей Трапезни

52

ков. Человек крайне невежественный, явный сталинист, Трапезников был тогда одиозной фигурой среди ученых и творческой интеллигенции. Он был дважды провален на выборах в члены-корреспонденты Академии наук. Но он был добрым знакомым Брежнева по Молдавии, и пост в ЦК КПСС за ним был сохранен. Трапезникову важно было понравиться Сахарову, и он говорил с ним доверительно и почти во всем соглашался, предлагая организовать обсуждение предложений академика в одном из больших гуманитарных институтов. Сахаров ответил, что он согласен на обсуждение, но только при участии в нем Турчина и Медведева. Разумеется, никакого обсуждения нашего документа нигде не проводилось. Сахаров так и не смог понять, для чего его приглашали в кабинеты ЦК КПСС и поили здесь чаем.

Лишь через 20 лет я узнал, что наше письмо не только дошло до адресатов, но было прочитано ими. Летом 1990 года мне сообщили, что из партийного архива было извлечено это "письмо трех", и его предполагают даже опубликовать. По заметкам на тексте было видно, что с ним познакомились не только Брежнев, Косыгин и Подгорный, но члены Политбюро К. Т. Мазуров, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко и А. Н. Шелепин. Оставил свой автограф на письме и К. У. Черненко. В самом конце 1990 года этот документ был опубликован в новом партийном журнале "Известия ЦК КПСС" (1990, № 11, с. 150-159). В справке об авторах говорилось, что В. Ф. Турчин эмигрировал в середине 70-х годов в США и работает профессором по вычислительной технике в Нью-Йоркском университете.

В 1970 году А. Д. Сахаров значительно расширил свои связи и контакты среди диссидентов разных направлений. Но в это же время некоторые из прежних знакомых Сахарова перестали навещать и даже звонить по телефону опальному академику. Из крупных физиков Сахаров сохранил связи, пожалуй, только с Игорем Таммом, который заведовал теоретическим отделом ФИАНа, но был также учителем и близким другом Сахарова. По просьбе А. Д. я однажды навестил академика Тамма в его загородном доме, он хотел прочесть один из документов. И. Тамм уже не мог ходить, но живо интересовался общественными делами в стране. Неожиданных и непрошенных визитеров у Сахаровы было немало и в 1970 году. В большинстве случаев ему приходилось терпеливо выслушивать малозначительные, а еще чаще вздорные жалобы. Но было немало примеров, когда А. Д.

принимал близко к сердцу проблемы того или иного несправедливо

53

пострадавшего человека. В этом случае он или звонил по телефону кому-либо из властей: - у Сахарова еще сохранились номера телефонов весьма влиятельных лиц, - или писал письмо на тот или иной адрес. В то время он не оставлял себе копий своих писем и не передавал их в самиздат, как делал позднее. В самом начале 1970 года у Сахарова случился сердечный приступ и ему пришлось лечь в больницу Академии наук. Мы с Турчиным навешали его здесь два или три раза. Андрей Дмитриевич не отличался здоровьем, часто болели и члены его семьи. Врачи считали, что пребывание и работа на "объекте" и участие в испытаниях ядерного оружия ослабило иммунную систему Сахарова. Даже небольшая простуда протекала у него тяжело. Но и в больнице он сохранял бодрость, говорил о себе и врачах с юмором и живо интересовался другими делами.

Борьба за освобождение Жореса

Сахаров провел в больнице больше месяца, но в мае 1970 года он был уже дома и активно включился как в научную работу, так и во все более увлекавшую его общественную деятельность. Однако сравнительно спокойное течение его жизни, а в еще большей степени и моей, было нарушено в самом конце мая, когда моего брата, ученого и публициста, автора научных монографий по биохимии и острых публицистических книг о судьбе советской науки, страдающей от множества ограничений, цензуры и произвола властей, неожиданно и с применением силы поместили в одно из отделений областной психиатрической больницы в г. Калуге. Мой брат жил и работал в г. Обнинске Калужской области, и обо всем происшедшем я узнал из телефонного звонка его жены вечером 29 мая. Я тут же сообщил обо всем многим своим друзьям и знакомым, и одним из первых мое сообщение получил А. Д. Сахаров. Он задал мне несколько вопросов, а потом медленно произнес: "Посмотрим".

История о том, как многие из деятелей советской интеллигенции боролись в течение трех недель за освобождение Жореса, была описана нами осенью того же года в небольшой книге "Кто сумасшедший?", которая вышла в свет на многих языках в 1971 году. В СССР она была опубликована только в 1989 году в журнале "Искусство кино" в качестве готового киносценария (№№ 4 и 5). Но фильм так и не вышел: - не так просто было по

54

дыскать артистов на роли Сахарова, Солженицына, Твардовского, Гранина, Капицы и других. Это был первый крупный успех правозащитного движения и первое поражение властей. Сахаров называет в своих воспоминаниях этот случай исключительным. Андрей Дмитриевич не смог поехать в Калужскую больницу, как это делали другие. Он был еще не совсем здоров. Но он не ограничился и отправкой телеграмм протеста ко всем руководителям страны и в Министерство здравоохранения. Узнав, что 31 мая в Институте генетики АН СССР происходит большой международный семинар по биохимии и генетике, он пришел на заседание, поднялся к доске, на которой ученые во время докладов рисовали свои схемы и формулы, и написал объявление: - "Я, Сахаров А. Д., собираю подписи под обращением в защиту биолога Жореса Медведева, насильно и незаконно помещенного в психиатрическую больницу за его публицистические выступления. Обращаться ко мне в перерыве заседания и по моему домашнему адресу". (Далее следовал адрес и телефон). На самом семинаре подписи под этим обращением поставили немногие, но в ближайшие два-три дня число "подписантов" существенно возросло.

Остановить Сахарова, когда он что-то считал нужным сделать, было невозможно, в этом случае он уже никому не казался ни мягким, ни застенчивым. Узнав о том, что в Риге будут проводить в конце июня международную конференцию по биохимии, он сказал мне, что непременно туда поедет. "На конференцию приедут семь лауреатов Нобелевской премии, - говорил мне Сахаров. - Я академик, и меня обязаны пропускать на любую научную конференцию. Все это просто. На самолете я полечу в Ригу, выступлю и вернусь в Москву".

Вмешательство Л. Брежнева в дело Жореса имело вначале лишь негативные последствия. Брежнев позвонил из своего кабинета в КГБ Ю. Андропову и министру

здравоохранения СССР Б. Петровскому и, не высказывая собственного мнения, просил "выяснить и доложить". Это привело вначале к усилению разных форм давления на защитников Жореса, писателей и ученых - членов партии начали вызывать в райкомы, даже Твардовскому попытались сделать на этот счет строгое внушение. Специальная комиссия ведущих московских психиатров побывала в Калуге и после беседы с Жоресом ужесточила диагноз, предложив перевести "пациента" для "лечения" в более далекую и строгую Казанскую тюремную психбольницу. Всех академиков, которые протестовали против принудительной психиатрической акции, при

55

гласили 12 июня 1970 года на специальное совещание в кабинет Министра здравоохранения СССР. Здесь в присутствии министра директор Института судебной психиатрии Г. Морозов и главный психиатр Минздрава А. Снежневский сделали для пяти академиков специальный доклад о состоянии и достижениях советской психиатрии и отдельно - о "болезни" Ж. А. Медведева. Разгорелась жесткая полемика. Сахаров был крайне резок, и он с самого начала заявил, что не может считать данное совещание конфиденциальным. Что касается П. Л. Капицы, то он, по своему обыкновению, просто высмеивал и Петровского, и обоих докладчиков. "Всякий великий ученый, - замечал Капица, - должен быть немного ненормальным. Абсолютно нормальный человек никогда не сделает большого открытия в науке". "Разве психиатры так хорошо знают все другие науки, - добавлял Капица, чтобы судить - что там разумно, а что неразумно. Эйнштейна также многие считали ненормальным" и т. п. Позднее мне рассказали об этом необычном совещании, которое длилось несколько часов, и Сахаров, и Капица. Ради шутки, Петр Леонидович выставил оценки участникам. Академикам А. Александрову и Н. Семенову он поставил оценку "3", а академикам Борису Астаурову и А. Сахарову - "пять". Б. Петровский покинул это совещание с мрачным видом, и он сдался первым. Продолжение акции означало для него потерю лица в Академии наук. И хотя психиатры отказались изменить свои диагнозы, 17 июня утром Жорес был освобожден.

Вскоре после выхода из больницы Жорес устроил в одном из ресторанов Москвы прием в честь иностранных корреспондентов, подробно освещавших все перипетии этой напряженной правозащитной кампании. Это была одновременно и пресс-конференция. Всех активных участников кампании протеста Жорес навестил персонально, чтобы выразить им свою благодарность. Сахаров был здесь одним из первых. Никогда мои отношения с А. Д. Сахаровым не были столь хорошими и доверительными, как в 1970 году. Неслучайно поэтому, что в ноябре 1970 года А. Д. Сахаров был одним из почетных гостей на нашем с Жоресом семейном празднике - мы отмечали в кругу друзей свое 45-летие.

56

Комитет прав человека

Еще в 1969 году я познакомился с Валерием Чалидзе, одним из участников правозащитного движения. Физик по профессии и образованию, В. Чалидзе основательно изучил советское гражданское и уголовное законодательство и вскоре стал неофициальным юридическим советником для многих диссидентов. Еще в 1968 году Чалидзе основал машинописный журнал "Общественные проблемы", в котором публиковались статьи по юридическим проблемам, многие из этих статей и аналитических записок принадлежали перу самого редактора журнала. Новое самиздатское издание было довольно скучным и поэтому не получило широкого распространения. Однако сам Чалидзе оказался крайне привлекательным человеком. Его отличала скрупулезная точность и честность во всех делах и высказываниях, благожелательность, даже душевность - черты характера не столь уж частые в нашей диссидентской среде. Он был готов выслушать и дать совет любому. Жил Чалидзе в большой однокомнатной квартире; он еще не был тогда женат, и в его комнате царил некий художественный беспорядок. Сам Валерий принимал посетителей, сидя на большом диване; на стене был большой ковер, здесь же висели несколько старинных сабель и кинжалов. Я познакомил А. Д. Сахарова с журналом Чалидзе, а вскоре они познакомились

и сами. По характеру и стилю поведения Сахаров и Чалидзе были в чем-то похожи друг на друга, и между ними возникли весьма теплые дружеские отношения. Андрей Дмитриевич часто приезжал на квартиру к Чалидзе, они общались часами, и именно здесь с Сахаровым познакомились многие диссиденты. Сахаров не только расширил во второй половине 1970 года свои связи с самыми разными людьми и группами, но и свою правозащитную деятельность.

Осенью 1970 года Чалидзе предложил Сахарову образовать Комитет прав человека. Валерий подчеркивал, что речь будет идти не о Комитете защиты, а о комитете, который будет изучать различные юридические аспекты проблемы прав человека в условиях советской действительности. Андрей Дмитриевич сначала сомневался, но вскоре согласился. Лично я отказывался в то время входить в какие-либо диссидентские структуры, полагая, что неформальные и неофициальные связи лучше защищают нас, чем какие-либо формальные организации. Но в Комитет прав согласился войти молодой физик из Института информ

57

ции АН СССР Андрей Твердохлебов, и 4 ноября 1970 года было объявлено о создании Комитета прав человека. В первую очередь благодаря участию Сахарова об этом событии много писали в западных газетах, были также подробные сообщения о Комитете по различным "радиоголосам".

Я принимал участие только в двух заседаниях Комитета прав в самом конце 1970 года и в начале 1971 года. Одно из этих заседаний было посвящено различным аспектам принудительных психиатрических госпитализаций, и Валерий Чалидзе попросил меня сделать у них специальный доклад, который я напечатал на машинке. Пришлось прочесть несколько книг и учебников по психиатрии и разного рода нормативные материалы, в том числе и для "служебного пользования". Это была полезная работа. Для меня было неожиданным узнать о полемике между разными школами в психиатрии. Было очевидно, что и советская психиатрия прошла через многие из тех испытаний, через которые прошла биология во времена Т. Д. Лысенко, и что многие концепции этой психиатрической лысенковщины здесь еще не были изжиты. Между различными направлениями в психиатрии продолжались весьма острые дискуссии, но они оставались за пределами внимания других членов советского научного сообщества. Так, например, ленинградская школа психиатрии не признавала многих концепций и догм московской школы и оспаривала само понятие "вялотекущей шизофрении", которое использовалось как диагноз в борьбе против диссидентов. Я сделал для Комитета доклад, оговорившись, конечно, что не являюсь специалистом и руководствуюсь лишь некоторыми общими познаниями, логикой и здравым смыслом. В обсуждении приняли участие не только все члены Комитета, но и приглашенные; в данном случае это были Игорь Шафаревич, Владимир Буковский, Александр Есенин-Вольпин и некоторые другие. Очень активен был и А. Сахаров. Никто не думал о регламенте, все говорили столько, сколько считали нужным, и заседание кончилось уже после полуночи. Для Сахарова работа в Комитете прав становилась все более трудным и хлопотливым делом. Все, кто прослышал об этом Комитете, воспринимали его именно как Комитет по защите прав человека. В результате, поток людей, которые хотели изложить свои проблемы не Твердохлебову, а лично Сахарову, увеличился в несколько раз. Но Сахаров ничем помочь этим людям не мог, а с большинством он даже не мог встретиться и поговорить. У людей, которые приезжали в Москву из других городов,

58

это вызывало разочарование и раздражение. Но и Сахарова угнетала необходимость уклоняться от многих встреч. По одному из громких дел конца 1970 года: - так называемому "самолетному делу" А. Сахаров хотел попасть на прием к Л. И. Брежневу, но это оказалось невозможным. Сахарова в 1970-1971 годах перестал принимать и Президент АН СССР М. Келдыш.

А. Д. Сахаров в 1971 году

Зимой и весной 1971 года я встречался с А. Д. Сахаровым всего несколько раз, и мне

мало что запомнилось из этих встреч. Интерес Сахарова к разного рода теоретическим проблемам демократического социализма, к юридическим проблемам и к проблемам советской истории стал ослабевать. Я же, напротив, углубился в начале 70-х годов в изучение событий 1917 и весны 1918 годов, а затем и истории гражданской войны. Андрей Дмитриевич прекратил в это время свои попытки создать какую-то новую концепцию общественного развития, основанную на идеях конвергенции. Он подвел итоги своим размышлениям в специальной "Памятной записке", которая была написана в январе-феврале 1971 года и отправлена Л. И. Брежневу 5 марта 1971 года. еще через полтора года в июне 1972 года Сахаров написал к этой "Памятной записке" пространное "Послесловие" и передал все это как в ЦК КПСС, так и в самиздат. Новых идей и предложений здесь почти не было, и эти материалы поэтому мало комментировались в диссидентских кругах и в западной печати. Отныне большую часть своего времени и сил Сахаров стал отдавать участию в разного рода конкретных правозащитных кампаниях. Он объяснял эту свою позицию так: "Я убежден, что в условиях нашей страны нравственная и правовая позиция является самой правильной соответствующей возможностям и потребностям общества. Нужна планомерная защита человеческих прав и идеалов, а не политическая борьба, неизбежно толкающая на насилие, на сектантство и бесовщину. Убежден, что только при условии возможно широкой гласности Запад сможет увидеть сущность нашего общества, а тогда эта деятельность становится частью общемирового движения за спасение всего человечества. В этом ответ на вопрос, почему я от общемировых проблем естественно обратился к защите конкретных людей"⁹. Сахаров включился в кампанию по возвращению крымских татар

59

из Узбекистана в Крым, в кампанию по защите прав советских немцев, в "дело наркоминских старушек", требующих открытия храма в своем городе, а также в борьбу за свободу эмиграции евреев. Генерал Петр Григоренко находился в это время в одной из тюремных психиатрических больниц, и А. Д. Сахаров стал уже в начале 70-х годов фактическим лидером правозащитного движения в Советском Союзе. Много заседаний проводил в это время и Комитет прав человека. Валерий Чалидзе составлял подробный протокол этих заседаний и вместе с решениями комитета публиковал в своем журнале, который я регулярно получал.

Несколько раз ко мне обращались знакомые писатели или физики с просьбой - передать Сахарову для отзыва свои неопубликованные работы. Одна из таких работ по физике заинтересовала А. Д. и он попросил пригласить ее автора, назначив время. Разговор происходил при мне. Смысл сказанного Сахаровым сводился к тому, что задача, которую пытался решить мой знакомый, очень трудна, хотя и интересна. Но на ее решение может уйти 10 или 15 лет напряженной работы. При этом может оказаться, что данная задача вообще не имеет решения. "Конечно, - сказал Сахаров, - в науке отрицательный результат - это тоже результат. Но, - добавил он, - если бы я был лет на двадцать моложе, то все равно за такую задачу, пожалуй, не взялся. Вы же человек еще молодой, решайте сами".

Одним из запомнившихся мне событий 1971 года был 50-летний юбилей А. Д. Сахарова. Никаких официальных мероприятий, связанных с 50-летием академика Сахарова, в АН СССР, конечно же, не намечалось. Сам А. Д. был вполне равнодушен даже к столь "круглой" дате. Но Валерий Чалидзе проявил настойчивость и убедил Сахарова отметить свой день рождения и энергично занялся подготовкой к нему. Был составлен список гостей, он был не слишком велик - около 20 человек. Но когда гости стали приходить в назначенное время, оказалось, что в доме Сахарова нет даже десяти комплектов посуды. Во всей квартире имелось всего 8 или 10 стульев. Пришлось придвигать к столу диван и обращаться за помощью к соседям. Не все гости знали друг друга. Только в этот день многие из нас познакомились с Еленой Георгиевной Боннэр, привлекательной и энергичной женщиной, которая распоряжалась в доме хозяйством и которую, как было очевидно, связывали с Андреем Дмитриевичем самые дружеские отношения. Мне оставалось только порадоваться за Сахарова, который и раньше не занимался семейными

и домашними делами, а теперь, после смерти Клавдии Алексеевны часто просто не знал, что ему делать в своем доме.

Уже летом 1971 года я стал ощущать какое-то напряжение вокруг самого себя. На Западе были изданы две книги Жореса под общим заголовком "Бумаги Медведева". В газетах "Нью-Йорк таймс" и "Вашингтон пост" были опубликованы большие обзоры моего журнала "Политический дневник". На самый конец года планировался выход в свет моей главной книги "К суду истории", а также нашей с Жоресом совместной книги "Кто сумасшедший?". На весну 1992 года планировалось издание в Париже моей книги "О социалистической демократии". Мне приходилось конспирировать, и я, возвратившись из отпуска в сентябре, поехал уже поздно вечером навестить А. Д. Сахарова без обычного телефонного предупреждения. Однако дочь А. Д. Люба сказала мне, что отец с ними теперь не живет, он переехал к Боннэр. Мне дали новый адрес и телефон. Люба была уже студенткой, но Дима Сахаров еще учился в школе, ему было 13 или 14 лет. Они остались вдвоем в большой академической квартире и чувствовали себя не лучшим образом. Но я не мог их ни о чем расспрашивать. У Елены Георгиевны Боннэр были двое своих детей и больная мать. Это была житейская проблема, которая, как оказалось, также не имела решения.

А. Д. Сахаров в 1972 году

Осенью 1971 года я смог поговорить с А. Д. Сахаровым только один раз и то лишь по телефону. 13 октября у меня на квартире был устроен большой обыск, который продолжался до вечера. На следующий день утром я был вызван по телефону в районную прокуратуру. Я вышел из дома, чтобы ехать по указанному мне адресу, но передумал. Быстро вернувшись и собрав все имевшиеся в квартире деньги, я уехал к друзьям на другой конец города, тщательно проверив - нет ли за мной наблюдения. Несколько дней я жил в Москве по разным адресам, но затем уехал поездом на юг России, а потом и на Кавказ, не сообщив никому о своем возможном местопребывании. В Академию педагогических наук РСФСР, где я тогда работал, было отправлено письменное заявление об уходе. В Москву я вернулся только в конце января 1972 года, когда мои главные книги уже вышли в свет. Рецензий и отзывов было много, но газетной шумихи и сенсации не было, и как

прокуратура, так и КГБ, казалось, утратили ко мне интерес. Я стал налаживать жизнь и работу в качестве "свободного" ученого.

Постепенно почти все мои прежние связи восстановились, но у Сахарова я смог побывать только весной 1972 года. Конечно, меня поразил контраст между прежней, пусть неухоженной, но очень просторной квартирой академика и новой двухкомнатной квартирой, принадлежавшей матери Елены Боннэр Руфь Григорьевне Алихановой-Боннэр. Она была вдовой Геворка Алиханова, одного из основателей Армянской коммунистической партии, погибшего в годы репрессий. Сама Руфь Григорьевна провела 17 лет в лагерях и в ссылке, и после реабилитации получила квартиру на улице Чкалова. Через несколько лет к ней после развода со вторым мужем переехала жить и Елена Георгиевна с двумя детьми - сыном Алексеем, который еще учился в школе, и дочерью Татьяной, которая работала и училась заочно и была уже замужем. Здесь же стал жить и А. Д. Сахаров. Своего угла у него не было, меня он принимал и знакомил с Еленой Георгиевной, сидя на кровати, потом мы перешли в небольшую кухню. Руфь Григорьевна, чрезвычайно умная и спокойная женщина, была больна и почти не вставала с постели, в ее комнате жил и делал уроки ее внук. Для Татьяны и ее мужа Ефима Янкелевича места просто не было и, вернувшись с работы, они проводили время на кухне. На ночь в квартире надо было ставить раскладушки, Андрей Дмитриевич был, однако, счастлив, и внешние неудобства его, видимо, не беспокоили. Он относился к жене с нежностью. У Елены Георгиевны был широкий круг знакомых, в том числе и в писательской, и околорепрессивной среде, и многие из ее знакомых вошли вскоре и в круг знакомых Сахарова. Вечером почти всегда в его квартире было несколько друзей и

знакомых, которые пили чай на кухне. Очень часто звонил телефон. О своих детях Сахаров сказал мне кратко: "Отношения не сложились, и я решил переехать сюда, чтобы не создавать проблем". Но проблемы, конечно, остались, их было немало как во второй, так и в первой семье А. Д. Сахарова. Он делал попытки подружить троих своих детей с двумя детьми Е. Г. Боннэр или хотя бы своего сына Дмитрия с сыном Е. Г. Алешей, но из этого ничего не вышло.

О жизни А. Д. Сахарова в квартире на улице Чкалова имеется много воспоминаний людей, которые бывали здесь гораздо чаще, чем я. Мне приходилось позднее читать восторженные отзывы по поводу скромности и неприязнтельности Сахарова,

62

которого телефонные звонки будили часто уже в 6 часов утра, который подогревал огурцы и помидоры на крышке чайника. После ухода гостей Сахаров сам мыл или, вернее, перемывал всю посуду. Я также видел все это, но у меня подобные картины вызывали лишь сожаление. Сахаров просто нуждался в нормальном горячем ужине и не мог есть из грязных тарелок. Елена Георгиевна Боннэр имела много достоинств как подруга и соратница Сахарова, но ее трудно было назвать спокойной и мягкой женщиной, внимательной женой и хорошей хозяйкой. Даже ее дочь Татьяна иногда при гостях разговаривала с академиком с раздражением, а то и с грубостью. Е. Г. Боннэр принимала живое участие во всех моих разговорах с Сахаровым, причем была обычно более активна, чем он сам, не останавливаясь и перед весьма резкими выражениями. В этих случаях Сахаров лишь нежно уговаривал свою жену: "Успокойся, успокойся". Елена Георгиевна крайне неприязненно говорила о Валерии Чалидзе, и здесь присутствовала явная ревность. Комитет прав человека еще работал, а Сахаров был просто очень привязан к Валерию, который в новый дом академика на улице Чкалова не приезжал. Это привело вскоре к публичному конфликту, о котором А. Д. позднее очень сожалел. В конце 1972 года А. Д. Сахаров вместе с женой дважды приезжал ко мне на квартиру, чтобы познакомить меня с тем или иным документом, например, с обращением к Верховному Совету СССР об отмене в стране смертной казни. Я никогда не отказывался поставить под таким документом и свою подпись. Однако прежних длительных и доверительных бесед с А. Д. у меня уже не было.

Разногласия

Мои и Сахарова взгляды не совпадали по многим вопросам и в 1968 году, но это не мешало нашим добрым отношениям. Но в 1973 году наши разногласия усилились и обострились. Именно в 1973 году диссидентское движение стало раскалываться, и этому было несколько причин. Проблема борьбы против реабилитации Сталина отошла в это время на второй план, и даже общая борьба против политических репрессий и за свободу мнений не могла объединить диссидентов. Многих деморализовала капитуляция Петра Якира и Виктора Красина, которые немало лет являлись центром притяжения для большой группы диссидентов. Позор

63

ное поведение Якира и Красина на судебном процессе над ними и на специально собранной пресс-конференции привело даже к самоубийству одного из активных правозащитников - Ильи Габая. Много проблем появилось в наших рядах в связи с возросшими возможностями эмиграции. Это было время разрядки, однако некоторые послабления в сфере эмиграции сопровождались усилением давления и репрессий против многих диссидентских групп. Особенно мощная пропагандистская кампания велась в 1973 году против Сахарова и Солженицына. Эта кампания сопровождалась мелочным, но болезненным давлением на семьи Сахарова и Солженицына. В сложившихся условиях высказывания и заявления Сахарова становились все более и более радикальными, и он обращался теперь не к руководителям СССР и КПСС, а к Конгрессу и Президенту США. При этом на первый план Сахаров выдвигал право на эмиграцию, считая право покинуть свою страну самым главным демократическим правом ее граждан. Против такого рода акцентов в борьбе за демократизацию возражал не только Солженицын. Неожиданный

отклик в среде диссидентов получил и военный переворот в Чили, в результате которого часть коммунистов и социалистов в этой стране были физически уничтожены, а к власти пришел Аугусто Пиночет. Некоторые из наиболее радикально настроенных правозащитников-западников говорили между собой, что только так, как в Чили, и надо поступать с коммунистами. А. Сахаров не испытывал симпатий к Пиночету, но после ареста в Чили Нобелевского лауреата поэта и коммуниста Пабло Неруда Сахаров вместе с несколькими другими диссидентами направил Пиночету телеграмму, текст которой я считал ошибочным. В телеграмме была фраза о том, что расправа над Пабло Неруда неизбежно бросит тень на "объявленную Вами (т. е. Пиночетом) эпоху возрождения и консолидации Чили". Вырванная из контекста, эта фраза создавала впечатление симпатий к пиночетовскому режиму. В советской печати эта телеграмма спровоцировала резкую кампанию против А. Д. Сахарова и других диссидентов.

Разногласия среди диссидентов широко освещались в западной прессе. Осенью 1973 года немецкая социал-демократическая газета "Цайт" обратилась ко мне с просьбой - изложить мое мнение на эту полемику. Статья "Демократизация и разрядка" была опубликована, кажется, в октябре в "Шит", но затем переводилась и перепечатывалась и в других западных странах. В этой статье я критиковал как некоторые высказывания Солже

64

ницына, так и некоторые высказывания Сахарова, но очень осторожно и корректно, так как против них велась кампания в советской печати, которую я осуждал. Перед тем как отправить свою статью в немецкую газету, я дал прочитать ее текст А. Д. Сахарову. Никаких возражений моя критика у него не вызвала. Однако после того как статья была опубликована и стала широко комментироваться, отношение Сахарова и особенно Е. Г. Боннэр к этой статье неожиданно переменялось, о чем я получил уведомление от общих друзей. Валерий Чалидзе в это время уже был в эмиграции и наиболее активным "советчиком" А. Д. стал писатель Владимир Максимов, взгляды которого несколько раз менялись, но были всегда крайне радикальными. Из кружка Максимова вышло тогда и Открытое письмо "братьям Медведевым", кончавшееся вопросами - "на кого вы работаете?" и "с кем вы?" - вполне в духе советской пропаганды. А. Д. Сахарову такой стиль мышления был чужд, но его убедили поставить свою подпись. Ни я, ни Жорес не стали, конечно, отвечать на это письмо, но мои встречи и беседы с А. Д. Сахаровым с ноября 1973 года прекратились. В своих "Воспоминаниях" А. Д. Сахаров также писал об этом, применяя какую-то странную и, на мой взгляд, не совсем мужскую лексику. "Спасая Жореса, я показал верность диссидентской солидарности. Однако позднее и личные, и идейные отношения с братьями Медведевыми стали неприязненными. Они мне определенно разонравились"10.

В середине и в конце 70-х годов мне приходилось не раз писать о положении в СССР и о полемике среди диссидентов. В 1980 году на Западе была издана моя книга "О советских диссидентах" (Диалоги с П. Остелино), она появилась в свет на итальянском, английском, французском и японском языках. В этой книге я воздавал должное А. Д. Сахарову, но не скрывал и своих с ним разногласий. Я встречался с Сахаровым только случайно, дело ограничивалось лишь вежливыми поклонами. В 1980-1986 годах А. Д. Сахаров находился в ссылке в г. Горьком. Его положение, его письма, его голодовки были в эти годы предметом разговоров и споров в сильно поредевших кружках московских диссидентов. Я узнавал о делах и положении Сахарова главным образом от писателя Георгия Владимова, который поддерживал дружеские связи с Е. Г. Боннэр.

Я снова увидел А. Д. Сахарова только в конце мая 1989 года на Первом Съезде Народных депутатов СССР, а также на первых заседаниях Межрегиональной депутатской группы (МДГ), на

65

которые меня приглашал Гавриил Попов. Политические и идеологические процессы в Советском Союзе еще с весны 1989 года начали выходить из-под какого-либо контроля и развивались почти стихийно. Это вызывало тревогу, и предложения и призывы А. Д.

Сахарова - передать всю власть в стране из рук КПСС в руки Советов - казались мне чрезмерно радикальными. Ни Съезд Народных депутатов, ни Верховный Совет СССР не были приспособлены к отправлению высшей власти в стране; даже как органы законодательной власти они еще были крайне несовершенны. Дискуссии, которые происходили летом и осенью 1989 года на официальных заседаниях Съезда и Верховного Совета, были очень острыми. Не менее острыми были и дискуссии на собраниях МДГ. А. Д. Сахаров фактически возглавил в эти месяцы оппозицию Политбюро ЦК КПСС и М. С. Горбачеву, и нагрузка, которую А. Д. принял на себя, оказалась слишком большой. Сахаров очень заботился о диссидентах из своего окружения и о своей второй семье, но о нем самом мало кто заботился. А. Д. Сахаров умер поздно вечером 14 декабря 1989 года от инфаркта после одного из самых утомительных заседаний МДГ. Безусловным лидером как парламентской, так и непарламентской оппозиции стал после смерти Сахарова Борис Николаевич Ельцин.

Литература и примечания

- 1 Сахаров А. Д. Воспоминания. Т. 1. М., 1996. С. 330.
- 2 Он между нами жил. Воспоминания о Сахарове. М., 1996. С. 41.
- 3 Сахаров А. Д. Воспоминания. Т. 1. М., 1996. С. 330.
- 4 Сахаров Андрей. О стране и мире. Нью-Йорк, 1976. С. IX.
- 5 Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1, М., 1996. С. 376.
- 6 Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 882.
- 7 Горелик Геннадий. Андрей Сахаров. Наука и свобода. М., 2000. С. 407.
- 8 Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 421-422.
- 9 Сахаров Андрей. О стране и мире. Нью-Йорк, 1976. С. XV-XVI.
- 10 Сахаров Андрей. Воспоминания. М., 1996. Т. 1. С. 422.

66

Долгий путь домой. Солженицын и перестройка Солженицын на Западе

Узнав о принудительной высылке Солженицына за границу, я писал в Заявлении для прессы: "Солженицын покинул свою страну не навсегда. Не исключено, что он вернется на родную землю через несколько лет, и мы сможем устроить ему почетную и дружескую встречу. Но при любых поворотах судьбы Солженицын вернется в нашу страну в своих книгах, и он по праву займет место в рядах ее самых великих сыновей"¹.

Еще в январе 1974 года я смог получить от хорошо знакомых мне корреспондентов некоторых западных газет несколько экземпляров книги Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ" и написал большую рецензию на нее, которая была опубликована газетами "Вашингтон пост" и "Нью-Йорк таймс" в начале февраля и широко разошлась в Самиздате. С книгой Солженицына я познакомил лишь немногих писателей, в том числе Владимира Лакшина, Юрия Трифонова и Владимира Дудинцева. В течение 1974-1975 годов таким же путем я получил несколько экземпляров книги Солженицына "Бодался теленок с дубом", сборник "Из под глыб", сборник "Жить не по лжи", "Письмо вождям Советского Союза", а также книгу Д. "Стремя "Тихого Дона" с предисловием Солженицына, тексты некоторых интервью, публичных выступлений и лекций Александра Исаевича перед разными аудиториями. В 1976 году в Москву пришла новая книга Солженицына "Ленин в Цюрихе". Однако читать и обсуждать эти книги в СССР могли лишь немногие писатели, а также немногие из московских диссидентов. Далеко не все из них соглашались с заявлениями или оценками Солженицына, но в полемику с Солженицыным могли вступить лишь А. Д. Сахаров, В. А. Твардовская, В. Я. Лакшин, отец А. Мень - и то через западную прессу. Для всех других соотечественников писатель оказался за "железным занавесом". Все его ранее изданные в СССР книги и рассказы были изъяты из библиотек, читателям не выдавались и номера журнала "Новый мир", в которых были напечатаны "Один день

67

Ивана Денисовича", "Матренин двор", "Захар-Калита". Распространение "Архипелага"

могло закончиться немалым лагерным сроком, и поэтому "Тамиздат", т. е. книги на русском языке, изданные на Западе, не мог стать в 1974-1984 гг. столь же массовым явлением, каким был "Самиздат" в 1963-1973 гг. Тем не менее, в среде известных мне писателей и ученых интерес к судьбе и творчеству Солженицына был очень большим.

Оказавшись на Западе, Солженицын принял вначале решение жить в нейтральной Швейцарии, в стране, где жили и работали многие поколения российских эмигрантов. Здесь жили когда-то А. Герцен и Г. Плеханов, М. Бакунин и В. Ленин. Солженицын получил право на жительство в кантоне Цюрих, но как "иностранец, не имеющий право на гражданство". Но писатель и не претендовал на гражданство какой-либо другой страны, заявляя, что он по-прежнему считает себя гражданином России и обязательно вернется на Родину.

В Швейцарии Солженицын жил немногим более двух лет. Для политических изгнанников эта страна оказалась в 70-е годы XX века гораздо менее удобной, чем в 70-е годы XIX века. Было много причин, по которым жизнь и работа в Швейцарии оказались для такого человека как Солженицын, не столь удобной, как это ему хотелось. Слишком велика была здесь назойливость журналистов и фотокорреспондентов, которые преследовали писателя по пятам. У Солженицына не было столь необходимой ему изоляции. В Советском Союзе он работал главным образом в небольших деревеньках недалеко от Рязани ("Матренин двор"), в доме Корнея Чуковского в Переделкино, в небольшом домике близ дачи М. Ростроповича в подмосковной Жуковке, в садовом домике на своих 6 сотках близ г. Обнинска Калужской области. В Москву Солженицын приезжал по неотложным делам, для встреч и для сбора материалов. Дополнительную "заботу" об изоляции Солженицына принимало на себя и КГБ. Но в Швейцарии необходимая Солженицыну изоляция была трудно достижима. К тому же для такого общественно активного человека как Солженицын, возникали и другие трудности, которых он не ожидал. Дело в том, что еще в 1948 году правительство Швейцарии приняло постановление об ограничении политической деятельности всех иностранцев, которые не получили швейцарского гражданства. Даже проведение пресс-конференции, в которой звучала критика Советского Союза и коммунизма как политической системы, требовало предварительного раз

68

решения в полиции, где был учрежден специальный отдел для контроля за деятельностью иностранцев. Солженицын получил на этот счет строгое внушение от шефа полиции Цюрихского кантона уже после первых своих политических выступлений. Попытка писателя напомнить швейцарской полиции о деятельности Ленина в том же Цюрихе в 1914-1916 гг. была оставлена без внимания.

Приглашения о встречах и выступлениях, о политическом убежище, о месте для постоянного проживания поступали к Солженицыну из разных стран, и он внимательно изучал эти предложения. Уже в 1974 году писатель побывал в Швеции на Нобелевских торжествах 1974 года, где получил присужденную ему в 1970 году Нобелевскую премию и дал большую пресс-конференцию. Весной 1975 года Солженицын побывал в Париже, а летом того же года совершил большую поездку в США. В 1976 году Солженицын побывал в Англии, Франции и Испании, а в конце этого года он принял решение о покупке дома и большого земельного участка в США в штате Вермонт, природа которого напоминала ему Россию.

Свою работу в Штатах и свой архив Солженицын организовал очень тщательно. Главным его делом во второй половине 70-х годов стала работа над новой редакцией "Августа Четырнадцатого" - первой книгой задуманной им громадной эпопеи "Красное колесо", а также работа над следующим "Узлом" "Октябрь Шестнадцатого". Одновременно шел интенсивный сбор материалов для следующих и главных "Узлов" - о революции 1917 года. Несколько раз в год Солженицын давал обширные интервью, нередко откликаясь на события в России и протестуя против репрессий, которым подвергались люди хорошо ему знакомые. Иногда он встречался в своем доме с общественными деятелями Запада, реже с писателями, еще реже - с гостями из СССР. Но он не отказывался от приглашений и снова

побывал во многих странах Европы, а также в Японии и на Тайване. Темы его выступлений не отличались большим многообразием. Это было в первую очередь обличение и осуждение коммунизма, тоталитарного режима в СССР, а также социализма, марксизма и всех левых и революционных идеологий, между которыми для Солженицына не имелось большой разницы. При этом он решительно осуждал также "глобальные ошибки Запада относительно коммунизма", которые начались еще с 1918 года и продолжаются до конца 70-х годов. Солженицын решительно

69

осуждал всякие попытки "разрядки" и всякие уступки как советскому, так и китайскому коммунизму. Коммунизм - это по Солженицыну неизлечимое зло, и его надо уничтожить. При этом писатель весьма грубо отзывался обо всех западных советологах любых направлений, а также о дипломатах - от Джорджа Кеннана до Генри Киссинджера, которые вносили "выдающийся вред в конструкцию и направление американской внешней политики". Взгляды Солженицына в данном случае совпадали с взглядами наиболее консервативной и воинственной части американского политического истеблишмента, и некоторые из американских обозревателей считали, что именно выступления Солженицына в какой-то степени повлияли на отношение к СССР со стороны Рональда Рейгана. Президент Форд отказался в 1975 году от встречи с Солженицыным. Американские газеты писали, что таким был совет Форду его Государственного секретаря Г. Киссинджера, который говорил о Солженицыне как о "монархисте". От встречи с президентом США Дж. Картером Солженицын отказался сам. Впрочем, в начале 80-х годов Солженицын отказался и от приглашения нового американского президента Рональда Рейгана, который хотел устроить в Белом доме завтрак в честь группы советских диссидентов, оказавшихся в эмиграции.

Но Солженицын осуждал не только коммунизм, но и западный либерализм, иногда почти с таким же ожесточением, как и советский тоталитаризм. По мнению Солженицына, Запад переживает тяжелый не столько политический, сколько духовный кризис, который начался здесь еще 300 лет назад, т. е. во времена так называемой Реформации. Западный образ жизни и особенно западные газеты, журналы и телевидение вызывали у писателя чувства, близкие к отвращению, и он не находил нужным их скрывать. Солженицын не раз говорил, что принятый в Америке лозунг: "Все имеют право все знать", - это ложный лозунг ложного века. Много выше права людей не знать и не забивать своей божественной души сплетнями, суесловием и праздной чепухой. Люди истинного труда и содержательной жизни совсем не нуждаются в том избыточном и отягощающем потоке информации, который им навязывают западные СМИ. Особенно возмущали Солженицына потоки неточной или просто лживой информации о нем самом, о его взглядах и его личной жизни. "Когда я был в Советском Союзе, говорил Солженицын в одном из интервью, - я представлял так: - на Западе свободная пресса,

70

там не солжешь, там всегда опровергнут, а в Советском Союзе, ну, действительно, настолько пролгались, что сверху командуют, то и печатают. Я приезжаю и с удивлением вижу, что в вашей прессе, свободной, можно солгать также умело, так же хватко, как и в советской"².

Особо резкая критика в адрес Запада прозвучала в знаменитой солженицынской речи в Гарварде на ассамблее выпускников университета. Писатель обвинил Запад в падении мужества. "Этот упадок мужества сказывается больше всего в прослойках правящей и интеллектуально-ведущей, отчего и создается впечатление, что мужество потеряло целиком все общество". Этот упадок мужества, доходящий до полной потери "мужского начала", Солженицын считал признаком конца Запада, не способного противостоять угрозе могущественных тоталитарных сил. Государство всеобщего благосостояния, которое создано на Западе, обеспечивает молодежи владение вещами, деньгами, досугом, дает ей неограниченную свободу наслаждений, - но не силу и мужество. "Даже биология знает, - говорил Солженицын, что привычка к высокоблагополучной жизни не является

преимуществом для живого существа. Сегодня в жизни западного общества благополучие стало приоткрывать свою губящую маску"3. По мнению Солженицына, на Западе слишком увлеклись защитой прав личности и мало думают о защите самого общества от "иных личностей", забывая об обязанностях людей перед обществом. Молодежь не защищена от порнографии и всякой иной бесовщины, все это ведет и к разгулу преступности. Но особенно резкая критика опять-таки досталась западной прессе, которая пользуется своей "безудержной свободой" отнюдь не в интересах читателей. Эта пресса помешана на сенсациях, она поверхностна и поспешна, и ярче всего отражает не достижения, а психические болезни XX века.

В отличие от советских западников и будущих либерал-демократов времен Ельцина, Солженицын прямо заявлял, что он не хотел бы рекомендовать нынешний Запад в качестве образца для преобразования российского общества. "Для того богатого душевного развития, которое уже выстрадано нашей страной в этом веке, - западная система в ее нынешнем духовно-истощенном виде не представляется заманчивой"4. Солженицын уверял своих слушателей, что жизнь в СССР и даже в Восточной Европе с ее гнетом выработала в народе характеры "более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучная и регламенти

71

рованная жизнь Запада." Что вообще может предложить России "западное массовое существование с его отвратным напором реклам, одурением телевидения и непереносимой музыкой!"5. Университетская аудитория аплодировала этим словам Солженицына, но никто почти из влиятельных западных интеллектуалов не торопился принимать советы писателя, который не только выступал против "детанта", но и предупреждал, что под видом "мирного сосуществования" Советский Союз фактически уже ведет против Запада третью мировую войну и ведет все более успешно. "Еще два-три таких славных десятилетия мирного сосуществования - и понятия "Запад" не останется на Земле"6. Солженицыну возражали многие либеральные интеллектуалы, заявляя, что он просто не знает западных стран и западного образа жизни, что он не знает ни одного языка, кроме русского, что он исходит из примитивных славянофильских концепций и слишком превозносит духовную мощь и превосходство России. Но диалога не получилось, и Солженицына слушали все меньше и меньше. Это яростное осуждение Солженицыным как коммунизма на Востоке, так и всего современного либерализма и демократии на Западе заводило и самого писателя в какой-то идеологический тупик, и после 1980 года его публичные выступления в различных западных аудиториях фактически прекратились. К тому же и западная печать, по поводу которой писатель высказывался очень неприязненно и даже грубо, стала отвечать ему тем же, осуждая не только взгляды, но и стиль жизни Солженицына. Американские папарацци даже летали с видеокамерой и фотоаппаратами на вертолете над имением Солженицына в Вермонте, чтобы получить какие-либо необычные снимки. Дело доходило до призывов убрать писателя из Америки. В 1980-1982 гг. выступления, интервью и письма Солженицына были крайне редкими, а с 1983 года они практически прекратились.

В первые годы своего пребывания на Западе Солженицын часто вступал в полемику с российскими эмигрантами разных направлений и поколений. Эта полемика принимала нередко довольно острый характер. Солженицын держался обособленно, не принимая участия и в разного рода эмигрантских мероприятиях и встречах. Исключения были, но они были крайне редки. С 1976 года он вообще перестал читать русские эмигрантские журналы и лишь иногда публиковал отрывки из своих "Узлов" в религиозно-общественном журнале "Вестник РСХД", который постепенно попал и под финансовый контроль Солженицына.

72

Только в 1982 году он решил ответить сразу всем своим критикам из других эмигрантских и диссидентских движений большой и крайне грубой, даже оскорбительной статьей - "Наши плюралисты". "Шесть лет не читал я ни сборников их, ни памфлетов, ни журналов, хотя редкая там статья не заострялась также и против меня. Я работал в отдалении, не обязанный нигде, ни с кем из них встречаться, знакомиться, разговаривать.

Занятый "Узлами", я в эти годы продремал все их нападки и всю их полемику. Они мечтали, чтоб я с ними суетился, повысил бы им цену, а без этого хиреют на глазах, захлебнулись в собственном яде"⁷. Но теперь Солженицын решил ответить всем сразу, помянув двумя-тремя фразами совсем разных людей - и находящихся в эмиграции, и живущих в Союзе. При этом взгляды, высказывания, статьи и очерки этих авторов были крайне упрощены и искажены. Чтобы подчеркнуть свое неуважение, даже презрение к оппонентам, Солженицын в своей статье не упоминает даже инициалов, а только фамилии - Галич, Синявский, Пинский, Шрагин, Янов, Амальрик, Чалидзе, Лерт, Левитин-Краснов, Михайлов, Плющ, Соловьев, Клепикова, Померанц, "некто" Любарский. Цитаты даются без сноски на источник, часто без указания автора. Многие из оппонентов Солженицына были, конечно, не совсем правы в своих упреках, но многие их упреки были совершенно справедливы. Статья Солженицына попала и в СССР, и произвела на всех нас очень неприятное впечатление. Писатель впал в грех гордыни, и это отталкивало от него и диссидентов в эмиграции, и тех, кто еще жил и работал в СССР. Уже тогда начала быстро расти трещина между Солженицыным и независимым общественным мнением в СССР, которое только начало нарождаться. Солженицын требовал такого же полного признания и идеологического подчинения своим взглядам и концепциям, как и КПСС.

Начало "перестройки" в СССР Солженицын публично никак не комментировал. Мы видим по его литературному дневнику, который начал публиковаться только в 1999 году, что писатель внимательно следил за событиями в стране и за судьбой советских политзаключенных. О Горбачеве он писал в своих заметках с явной неприязнью, но к начавшемуся в конце 1986 года освобождению диссидентов из тюрем, лагерей и ссылки Солженицын отнесся как к важному событию, которое и ему давало надежду на возвращение. Однако в печати или в своих публичных выступлениях писатель ничего не говорил о положении дел в

73

СССР с 1980 до 1988 года. Свое многолетнее молчание Солженицын нарушал только тогда, когда нужно было комментировать начавшие выходить первые Узлы "Красного колеса". Русские издания этих первых Узлов выходили в свет практически незамеченными. Но и на английское, немецкое и французское издания "Августа Четырнадцатого" рецензии были редкими и очень сдержанными, хотя это был несомненно лучший том всей эпопеи. И рецензентов, и читателей просто отпугивал большой объем романа с размытым сюжетом и множеством действующих лиц. "Это, конечно, не развлекательное чтение для летнего отдыха, - писал Пол Грей в журнале "Тайм". - Тех, кто каждое лето испытывает угрызения совести из-за того, что они не могут одолеть "Войну и мир", приведет в ужас перспектива чтения "Августа Четырнадцатого" - вещи, безусловно, трудной и требующей от читателя большого напряжения"⁸. На Западе издается немало книг по истории, которые читаются как занимательные романы. Трудно было рассчитывать поэтому, что западный читатель одолеет нелегкое для восприятия, но обширное "повествование в отмеренных сроках".

Читать роман уже тогда было трудно. Почти 200 страниц текста отводилось под описание разного рода войсковых передвижений русских и немецких войск по Восточной Пруссии. Все читатели просто пропускали этот массив. Но многие главы были интересны, хотя и не приковывали внимание, как это было при чтении романов "Раковый корпус" и "В круге первом". Рецензии на Узел № 2 "Октябрь Шестнадцатого" были еще более редкими и критичными. "Когда я начинал читать этот роман, - писал в 1989 году один из немецких рецензентов, - была весна, и листья в моем саду только зазеленели. Но когда я закрывал его последние страницы, была поздняя осень, и листья в моем саду уже опали". Это была не лучшая рекомендация для потенциальных читателей. Узел III - "Март Семнадцатого" начал издаваться на русском языке только в самом конце 80-х годов, эта книга комментировалась и рецензировалась пока лишь в эмигрантских изданиях.

Солженицын и перестройка

В 1985-1986 гг. Солженицын не давал никаких интервью и не сделал ни одного

публичного заявления. В 1987 году Солженицын согласился дать только одно интервью - по просьбе владельца

74

ца журнала "Шпигель" Рудольфа Аугштейна. При этом речь шла только о проблемах российской истории, а не о "перестройке". Писатель молчал затем еще около двух лет, и только в мае 1989 года он согласился на беседу с журналистом "Тайм" Дэвидом Эйкманом. Речь шла опять-таки о романах из эпопеи "Красное колесо". Уже прощаясь с писателем, Д. Эйкман спросил: "В СССР происходят такие громадные события, они происходят и во всем коммунистическом мире. Немного удивительно, что вы не высказываетесь о них. Почему вы не комментируете никак и события, которые происходили в Америке в последние десять лет?". Солженицын ответил, что в Америке, как он понял, никто не хочет прислушиваться к его критике. Зачем же ему тратить свое время, "для меня драгоценное, если моей критики никто не спрашивает. Решил: хватит, отныне занимаюсь только своей прямой художественной работой". Потом я перестал говорить и о России. "Я замолчал еще в 1983 году, когда переменами никакими не пахло. А позже начались перемены. И мне предстояло что же? Прервать свою работу и начать выступать как политический комментатор, притом издалека? Но события на моей родине меняются сейчас очень часто. Скажешь один раз - нужно сказать и другой, и третий, и четвертый, т. е. комментировать по ходу того, что происходит. А я должен кончить свою работу, меня погоняет возраст, мне же больше семидесяти лет"⁹. В 1988-1989 гг. в США приезжало немало "прорабов перестройки", и некоторые из них хотели встретиться с Солженицыным. Но все они получали отказ. Солженицын даже перестал подходить к телефону, и можно было поговорить только с его женой, которая выполняла также обязанности его секретаря. На дверях почты в Кавендише висело объявление: "Адрес Солженицына не даем, дорогу к дому не показываем". Один настырный западный журналист, получив задание редакции - написать очерк о жизни великого писателя, нанял вертолет и несколько часов летал над имением Солженицына близ Кавендиша, делая фотографии и записывая передвижения всех членов семьи.

Молчание Солженицына и его нежелание высказываться о делах в СССР привело к тому, что и в нашей стране быстрое развитие гласности и относительной свободы слова и печати привело к появлению новых имен и авторитетов. О Солженицыне начали просто забывать, а многие из молодых его никогда не читали. В кругах интеллигенции бурно обсуждался фильм Тенгиза Абуладзе "Покаяние", роман Анатолия Рыбакова "Дети Арбата",

75

роман Владимира Дудинцева "Белые одежды", публицистика "Огонька", "Московских новостей", "Литературной газеты", но не забытые уже тексты "Самиздата" и недоступные для большинства книги "Тамиздата". Тот не слишком длительный взрыв интеллектуальной и политической активности, который происходил в стране в 1988-1989 годах, происходил без упоминания имени Солженицына.

Вообще, включение недавних диссидентов в активную политическую жизнь страны происходило с трудом - на это было много причин. Власти еще не доверяли диссидентам: - их требования казались слишком радикальными. Но и диссиденты еще не доверяли властям; здесь было немало людей, которые еще совсем недавно участвовали в репрессиях и в публичном поношении диссидентов. Поэтому на первый план в 1988-1989 гг. выходили те люди, которых Евгений Примаков позднее называл "диссидентами в системе". Это были относительно либеральные работники из партийных органов, из литературных союзов и других творческих объединений, и из печати. Из этой среды и вышли все первые "прорабы перестройки" и проводники "гласности". К возможной публикации книг Солженицына эти люди относились с большими сомнениями и осторожностью - не опрокинуть бы все еще хилую лодку "перестройки".

Первый громко прозвучавший голос принадлежал газете "Книжное обозрение" - не самой известной и влиятельной среди советских газет. 8 августа 1988 года газета опубликовала на своих страницах большое письмо Елены Чуковской, внучки Корнея

Чуковского - о близости всей семьи Чуковских и семьи Солженицына было известно - "Вернуть Солженицыну гражданство СССР". "Пора прекратить, - заключала свое письмо Елена Чуковская, - затянувшуюся распрю с замечательным сыном России, офицером Советской армии, кавалером боевых орденов, узником сталинских лагерей, рязанским учителем, всемирно-знаменитым русским писателем Александром Солженицыным и задуматься над примером его поучительной жизни и над его книгами". В последующих номерах газета привела отклики читателей, большинство которых поддержало Е. Чуковскую, но были и такие, кто решительно возражал против возвращения писателя. Но немало было и таких, кто писал, что ничего не знает о Солженицыне. Даже сама газета в редакционном комментарии писала, что ее читатели все больше и больше интересуются

76

творчеством Солженицына, но "мы не знаем, что и как он писал в изгнании".

В идеологических службах ЦК КПСС мало кто понимал "проблему Солженицына". Еще в октябре 1988 года член Политбюро Вадим Медведев собрал специальное совещание с участием не только работников аппарата ЦК КПСС, но и руководящих работников КГБ СССР. Часть участников совещания выступила за сохранение в полном объеме жесткой линии по отношению к Солженицыну. Но другие считали, что нужно разграничить идеологическую и правовую проблемы. На такой позиции стоял, по свидетельству В. Медведева, и Горбачев, но он предпочитал публично не высказываться. Поэтому разного рода инструктивные совещания в ЦК КПСС - с деятелями интеллигенции и журналистами - проводил Вадим Медведев. Это были закрытые совещания, никакой информации о них в печать не передавалось. Между тем давление общественности возрастало. В Московском Доме кино, который превратился тогда в своеобразный клуб демократической интеллигенции, 12 декабря 1988 года состоялось большое собрание по случаю 70-летия Солженицына. Здесь было много писателей, ученых, деятелей культуры, и все они поддерживали требования о возвращении Солженицыну советского гражданства и членства в Союзе советских писателей. Игнорировать эти требования было невозможно, но М. Горбачев продолжал ждать выводов и предложений от Идеологической комиссии ЦК КПСС, члены которой, по признанию В. А. Медведева, только теперь взялись за внимательное чтение "Архипелага ГУЛАГа". Именно эта книга стала причиной высылки Солженицына из СССР. Но и теперь многим ее читателям из ЦК КПСС она казалась слишком "опасной".

Весной 1989 года активность демократической интеллигенции и ее требования о возвращении Солженицына в нашу страну и в литературу возросли. Небольшой московский журнал "Век XX-й и мир" опубликовал в № 2 за 1989 год статью-обращение Солженицына "Жить не по лжи", которое было написано 12 февраля 1974 года - за два дня до высылки писателя из СССР. Несколько раз обращался к Горбачеву и в ЦК КПСС с просьбой разрешить публикацию сочинений Солженицына и главный редактор журнала "Новый мир" Сергей Залыгин. Горбачев дважды беседовал с Залыгиным, но откладывал свое решение. Уже в первые месяцы 1989 года появилась возможность издания романа Солженицына "Раковый корпус", рассказов "Матренин двор" и

77

"Один день Ивана Денисовича", даже романа "В круге первом". Однако писатель был тверд: его первым произведением, которое он хочет и позволяет издать на Родине, должен быть только "Архипелаг ГУЛАГ", ибо именно эта книга стала главной причиной его изгнания из СССР. Однако все прежние решения Политбюро в отношении этой книги не были отменены, и у В. А. Медведева не было полномочий принимать какие-то другие решения. К тому же он не скрывал своего отрицательного отношения к "Архипелагу". Защитников этой книги в Политбюро не было.

Обстановка в стране существенно изменилась в начале лета 1989 года в связи с началом работы Первого Съезда депутатов СССР. Это был скачок в развитии гласности, в результате которого ЦК КПСС, Политбюро и Горбачев начали терять контроль за развитием многих политических, национальных, а тем более литературных процессов. Более 50 писателей,

драматургов, деятелей кино, композиторов были избраны народными депутатами СССР. Это была влиятельная группа, с мнением которой было нельзя не считаться. Прежняя опека ЦК КПСС над деятельностью творческих союзов становилась невозможной. Многие из проблем эти союзы могли решать теперь без какой-либо санкции ЦК КПСС. В конце июня 1989 года Секретариат Союза Советских писателей постановил отменить свое решение от 5 ноября 1969 года об исключении Солженицына из Союза писателей СССР. Одновременно писателям - членам Верховного Совета СССР было поручено поставить вопрос о полной государственной реабилитации Солженицына. Уже в августе 1989 года в разных журналах и газетах началась публикация отдельных рассказов и публицистики Солженицына, отрывков из книги "Красное колесо". Появились большие очерки о судьбе Солженицына, один из них был написан Виктором Астафьевым, другой Владимиром Лакшиным. Журнал "Новый мир" объявил о подготовке к публикации отдельных глав "Архипелага". По свидетельству Вадима Медведева, в июле 1989 года вопрос о Солженицыне и его книгах был обсужден на Политбюро. Однако никакого специального постановления на этот счет принято не было, и вся информация, доложенная на заседании, была по предложению Горбачева "принята к сведению". Это означало, что писатели сами могли теперь принимать решения по своим литературным делам. Контроль за печатью почти полностью перешел летом 1989 года в руки редакторов и редакционных коллегий, и это было самой важной частью провозглашенной Горбачевым полити

78

ки "гласности". Уже в №№ 9, 10 и 11 "Нового мира" были опубликованы избранные главы "Архипелага". Однако вопреки ожиданиям одних и опасениям других, никакого переворота или даже заметного волнения в сознании общества эти публикации не произвели, основное внимание общества было приковано к текущим политическим событиям, и о Солженицыне говорили меньше, чем о Егоре Лигачеве и Тельмане Гдляне. Что-то изменилось в самой роли литературы в жизни общества, и это было неожиданным для редакции "Нового мира", для Солженицына и для всех нас.

"Год Солженицына"?

Полное и отредактированное самим писателем трехтомное издание "Архипелага" появилось в книжных магазинах в марте 1990 года и было быстро распродано, хотя тираж его составил 100 тысяч экземпляров. Однако тираж "Нового мира" в том же году достиг 2 миллионов экземпляров, тираж "Комсомольской правды" дошел до цифры в 17 миллионов экземпляров, а разовый тираж газеты "Аргументы и факты" составил 34 миллиона экземпляров. Цензура была упразднена, и в разных изданиях и издательствах началась подготовка к изданию сразу всех произведений Солженицына, которые были ранее изданы за границей. В этих условиях Сергей Залыгин объявил 1990 год "Годом Солженицына". "В историю нашей литературы, - писал он, - 1990-й год войдет еще и как год Солженицына. Множество журналов будут публиковать его произведения, множество издательств напечатают его книги. Такой сосредоточенности на одном авторе, может быть, никакая литература не знала и не узнает никогда"¹⁰. И действительно, отдельными изданиями вышли в свет роман "В круге первом", повесть "Раковый корпус", сборники рассказов, пьес и киносценариев Солженицына. В разных журналах публиковалось и "Красное колесо" - от "Августа Четырнадцатого" до "Апреля Семнадцатого". Писатель не торопился давать в печать только свою публицистику.

И все же "Года Солженицына" не получилось. Очень немногие из газет и журналов выступили с рецензиями на книги Солженицына, их обсуждение проходило вяло как в литературных, так и в общественных кругах. "Прочли всего Солженицына, и ничего не перевернулось", - констатировал с упреком писа

79

тель Георгий Владимов. Такая реакция интеллигенции и общества на столь давно ожидавшееся "явление Солженицына" казалась странной. Многие помнили, что в ноябре 1962 года публикация в "Новом мире" небольшой повести "Один день Ивана Денисовича"

имела громадный резонанс в стране и во всем мире. Все газеты и журналы обсуждали эту повесть; письма и отклики читателей Солженицын уносил из редакции "Нового мира" в чемоданах. Именно в это время скромный учитель физики из Рязани превратился во всемирно известного писателя, за судьбой которого на протяжении последующих двадцати лет следил весь мир. Почему же теперь наша публика на всех уровнях так слабо откликнулась на издание книг Солженицына? Я думаю, что здесь надо назвать несколько причин.

В условиях невиданной ранее гласности издание книг Солженицына утратило магию мужества и новизны. Для воздействия на публику даже самого замечательного произведения огромное значение имеет ситуация в обществе и время выхода в свет этого произведения. Роман Николая Чернышевского "Что делать?", написанный в каземате Петропавловской крепости и изданный Некрасовым в 1863 году, произвел огромное впечатление на разночинную интеллигенцию и молодежь тех лет, но сегодня это одна из рядовых книг школьной программы. "Мертвые души" Николая Гоголя стали событием в художественной и общественной жизни России в середине 40-х годов XIX века. Но состоялось бы это событие, если бы эта книга Гоголя появилась в свет в 1881 году, через 20 лет после отмены крепостного права? Подобные примеры можно приводить из всех литератур. В середине XIX века Гарриет Бичер-Стоу всколыхнула американское общество своей "Хижиной дяди Тома". Но сегодня это всего лишь одна из популярных детских книг в США. В 90-е годы советское и российское общество не могло воспринимать книги Солженицына так, как они могли бы быть восприняты в 60-е. Для нового поколения читателей эти книги были уже историей. К тому же их появление в печати совпало с появлением других ярких художественных произведений, которые ранее были неизвестны широкой публике. Солженицын не раз говорил и писал, что он ощущает себя "может быть, единственным горлом умерших миллионов - против нашего главного Врага". Это было и в 60-70-е годы большим преувеличением: из бывших узников ГУЛАГа вышло много талантливых писателей, и книги некоторых из них превосходили романы и повести Солженицына по

80

своим художественным достоинствам (Варлаам Шаламов, Евгения Гинзбург, Дмитрий Витков-ский). В конце 80-х годов в море "лагерной" литературы появились и многие новые яркие авторы: Анатолий Жигулин, Георгий Жженов, Лев Разгон, - всех не перечислить. Большое внимание публики привлекли и другие ранее неизвестные нам книги советских писателей и писателей из эмиграции: Владимира Войновича, Василия Аксенова, Василия Гроссмана, романы и повести Владимира Набокова, мемуары генерала Петра Григоренко, неизвестные ранее поэмы Александра Твардовского и Анны Ахматовой, стихи Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой и Бориса Чичибабина, романы Марка Алданова, и здесь перечисление может занять не одну страницу. Читающая публика впервые знакомилась с работами знаменитых российских мыслителей Ивана Ильина, Николая Бердяева, Владимира Соловьева. А еще шли неизвестные нам ранее современные западные литераторы и мыслители. После десятилетий духовного голодания наша интеллигенция начала получать столь разнообразную и обильную духовную пищу, что никто не был в состоянии ее эффективно усвоить. По меткому выражению Василия Селюнина, гласность в стране возросла безмерно, но слышимость упала до минимума. Как известно, в авторитарном обществе литература играет роль не только художественную и эстетическую, но и политическую. Она берет здесь на себя основную тяжесть выражения общественных настроений, являясь почти единственным средством для скрытой оппозиции. Именно это обстоятельство в очень большой степени увеличивает значение литературы в таком обществе, привлекая к ней повышенное внимание как публики, так и власть имущих. Но в демократическом обществе нет большой нужды в политически ангажированной литературе. "В странах, где умственная и общественная жизнь достигла высокого развития, - писал еще Чернышевский, существует разделение труда между различными отраслями умственной деятельности, из которых у нас известна только одна - литература. В нашем умственном

движении она играет более значительную роль, нежели французская, немецкая, английская литература в умственном движении своих народов. Литература у нас сосредотачивает пока всю умственную жизнь народа, и потому прямо на ней лежит долг заниматься и такими интересами, которые в других странах перешли уже в специальное заведование других направлений умственной деятельности"¹¹.

81

Поворот к демократии произвел и у нас в стране то разделение труда между различными отраслями умственной деятельности, о котором писал Чернышевский. При этом даже в литературе наибольшее влияние приобрели такие прямые и более краткие формы, как очерк и публицистика. Уже в конце 1988 года вниманием общества овладели публицисты, а в 1989 году самым захватывающим зрелищем для публики стали заседания Первого Съезда народных депутатов СССР. Не писатели, а сами политики оказались в центре "умственного движения" в обществе. Политику, как известно, часто сравнивают с театром, но она не перестает быть при этом и частью реальной жизни. В 1989-1990 гг. тройной занавес этого театра стал раскрываться перед публикой, которая и сама оказалась частично втянутой в ход развернувшегося спектакля. Тот "бой двумя колоннами", который в начале 70-х годов вели с властями Солженицын и Сахаров, казался теперь далекой историей. Всех волновал уже другой "бой" политическое соперничество между Горбачевым и Ельциным. В Москве уже в сентябре 1990 года проходили массовые манифестации под лозунгами: "Горбачев - нет!", "Ельцин да!". Вокруг Кремля в отдельные дни появлялись даже танки. К тому же публику все больше и больше волновали не проблемы истории и литературы, а растущие трудности: нехватка продуктов, очереди, рост цен. В республиках Союза на первое место в умах интеллигенции вышли национальные проблемы. Рушился социалистический лагерь, росли угрозы для единства и целостности Советского Союза. И как раз в разгар этих волнений и неурядиц был получен из далекого Вермонта программный манифест А. И. Солженицына под претенциозным заголовком "Как нам обустроить Россию?" и скромным подзаголовком "Посильные соображения". 18 и 20 сентября 1990 года манифест Солженицына в виде отдельной брошюры был опубликован в качестве приложения к газетам "Комсомольская правда" и "Литературная газета" тиражом в 27 миллионов экземпляров. Брошюру Солженицына продавали по всем газетным киоскам по три копейки за экземпляр, и она дошла таким образом не только до всех провинциальных городов, но и до любого глухого угла. Большинство российских граждан свое главное впечатление о Солженицыне получило поэтому не по его "Нобелевской лекции" и не по "Архипелагу", а по его новой статье. И впечатление это было не очень благоприятным.

82

Как обустроить Россию?

"Часы коммунизма свое отбили, - писал Солженицын. - Но бетонная его постройка еще не рухнула. И как бы нам вместо освобождения не расплющиться под его развалинами". Это было разумное предупреждение, но те методы, с помощью которых писатель предлагал разобрать побыстрее "бетонную постройку коммунизма", трудно было одобрить.

Нет нужды разбирать сегодня все предложения Солженицына, которых в небольшой брошюре я насчитал более двухсот. Многие из критических высказываний писателя были справедливы. Но вызывал возражение сам тон его критики - грубой, предельно резкой, безапелляционной, размашистой и полной преувеличений. Неумной и бездарной была, по мнению Солженицына, политика всех российских властителей XVIII и XIX веков, создавших слишком большую и неподъемную для русского народа империю. Эта империя лишь истощала русское национальное ядро, чего не понимали ни цари, ни дворянство, а позднее и "наша стойкая и достойная эмиграция, которая несла через свою нищету и беды мираж Империи". Россия должна стремиться не "к широте Державы, а к ясности духа в остатке ее". Этой ясности духа не было в России и в XX веке, что привело к духовной катастрофе Семнадцатого года. После этого рокового года Россия "влачила за слепородной и злокачественной утопией", "загубила десятки миллионов своих сограждан", "опозорила нас",

"представила всей планете как лютого, жадного, безмерного захватчика". Для изображения советской действительности последних десятилетий Солженицын не жалеет черной краски: - "Под обезумевшим руководством мы вырубали свои богатые леса, выграбили свои несравненные недра, изнурили наших женщин, детей пустили в болезни, в дикость, в подделку образования. В полной запуши у нас здоровье, и нет лекарств, даже еду здоровую мы забыли. Бесправие разлито по всем глубинам страны, а мы только за одно держимся: чтоб не лишили нас безумного пьянства". Виноваты были во всем коммунисты. Но и появившаяся теперь демократическая оппозиция ничем не радует Солженицына. "Она натянула на себя балаганные одежды Февраля - тех злословных восьми месяцев Семнадцатого года". "Избравшись к практическому делу, демократы проявляют нечувствие по отношению к Родине, сдвигаясь в хаос после людоежской полосы в три четверти века". Не внушает писателю доверия и церковь.

83

"Воскресительное движение и живление смелости мало коснулось православной иерархии, неспособной и в дни всеобщей нищеты отказаться от признаков богатства". Не радовала Солженицына и возникшая "после нашего долгого глухого неведения" свобода слова. "Она несет непосильный поток уже избыточной и мелочной информации, расхищает нашу душу в ничтожность. Все больше разных газет, и каждая из них все пухлей, и все наперебой лезут перегрузить нас. Все больше каналов телепередач, да еще и днем, как же защитить право наших ушей на тишину, право наших глаз на внутреннее видение?". Не видел ничего хорошего писатель и в советской истории. Отечественную войну он считает не великой, а "бездарной, позорно проигранной, самоистребительной". "Нам не гордиться нужно советско-германской войной, на которой мы уложили за 30 миллионов и только утвердили над собой деспотию. Не гордиться нам, а осознать свой народ в провале измощающей болезни, и молиться, чтобы послал нам Бог выздороветь, и разум действий для того".

Соединение народов и государств, которое называется СССР, - это только чудовище, которое ныне "поколесилось", и которое нужно скорее распустить, отделив Прибалтику, Закавказье и Среднюю Азию. Немного больше внимания уделил Солженицын судьбе Казахстана, территория которого, по его мнению, сложилась не исторически, а "была нарезана коммунистами без разума, как попадя; если где кочевые стада раз в год проходили - то и Казахстан". "И сегодня во всем раздутом Казахстане казахов заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть - это большая южная дуга областей, действительно населенная преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться - то и с Богом". Остальная, и притом большая часть Казахстана должна отойти к России, эта часть степей строилась и преобразовывалась русскими: переселенцами при Столыпине, заключенными и ссыльными при Сталине. Получалось, что строительство концлагерей и спецпоселений, ядерных и космических полигонов, бездумная распашка целины давала больше прав на землю, чем древние кочевые угодья. Крайне оскорбительными были высказывания писателя о народах Средней Азии, "необдуманно завоеванных Александром II". Надо поэтому быстрее избавиться от "давящего среднеазиатского подбрюшья", которому Россия десятилетия отдавала свои жизненные соки. Вместо Советского Союза Солженицын призывал создать Российский Союз, единое государство для русских, украин

84

цев и белорусов. При этом писатель отказывал украинцам в праве считать себя отдельной нацией. "Это все придуманная невдалеке фальшь, что чуть ли не с IX века существовал особый украинский народ с особым нерусским языком". "Мы все вместе истекли из драгоценного Киева". "Народ Киевской Руси и создал Московское государство. Украинского народного языка не существует, ибо "в отторгнутой Галиции, при австрийской подтравке, были выращены искаженный украинский ненародный язык, напигованный немецкими и польскими словами, и соблазн отучать карпатороссов от русской речи и

соблазн всеукраинского сепаратизма", который есть всего лишь "лубочное невежество". Все эти суждения были несправедливы, поверхностны и бестактны. Не было поэтому ничего неожиданного в том, что манифест Солженицына вызвал массовые протесты и митинги в Казахстане, а на Украине прошли даже демонстрации, на которых сжигались портреты писателя. Не испытали теплых чувств к Солженицыну и белорусы, прочитав в его брошюре слова о "скорбной Белоруссии", "ее печальной скудности" и "ее кротком народе". Не слишком уважительно высказался Солженицын о татарах, башкирах и о "всей дробности наималейших народностей", которые должны сохраниться в "Российском Союзе", но "без обременения их государственными образованиями".

Вторая часть брошюры содержала предложения об устройстве Российского Союза, его местных и высших органов власти, системы голосования, организации Государственной Думы, о формах собственности и землеустройстве. По некоторым вопросам Солженицын высказывается с непонятной и ненужной мелочностью, но другие, гораздо более важные обходит молчанием. Какой должна быть экономика по новому "обустроенной России?". "Рыдает все в нашем сегодняшнем хозяйстве, - писал Солженицын, - и надо искать ему путь, без этого жить нельзя. И надо же скорей открыть людям трудовой смысл, ведь уже полвека нет никому никакого расчета работать? И хоть не отпущено нам времени размышлять о лучших путях развития и составлять размеренную программу и обречены мы колотиться, метаться, затыкать пробойны, обтесняют нас первосущные нужды, вопиющие каждая о своем, - не должны мы терять хладнокровия и предусмотрительной мудрости в выборе первых мер". Что можно понять из этой пустой фразы? В таких советах много мудрености, но нет как раз ясности и мудрости. Очень мешал восприятию предложений писателя и нарочито усложненный и архаич

85

ный язык брошюры. "Распропавший отток бюджета", "неотложная закладка долгорастущего", "заманчивая исчужа", "чернонародье и верховластье", "заманные лозунги и захлебчивые ораторы", "круговое наверстывание", "вынекнет из обморока самобытность окружного края", "избранцы" и т. п.

На рассмотрении Верховного Совета СССР находилось осенью 1990 года много разных проектов экономической и конституционной реформы, включая и программу "500 дней" Григория Явлинского. Но проект Солженицына никто не собирался принимать к обсуждению. Выступая на одном из пленарных заседаний, Горбачев заявил, что предложения "великого писателя неприемлемы", что "он весь в прошлом", что он "не должен ходить по этой земле с ножницами и плугом и не должен пытаться разделить ее и размежевать". Еще более резко высказались по поводу предложений Солженицына народные депутаты СССР от Украины и Казахстана. Печать обсуждала брошюру Солженицына очень вяло и всего лишь одну-две недели. Солженицын сетовал позднее, что его голос не был услышан, и что его брошюра была прочитана неверно. Это не так. Брошюра Солженицына была прочитана внимательно, но ее никто не поддержал. Да и к кому, к каким слоям населения, к каким общественным течениям обращался писатель? Интеллигенция оставалась для него презируемой "образованщиной". Профессиональные политики "подменяют голос народа". Политические партии только "морочат провинцию и деревню", а их борьба гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев Бога". Нет надежды на тех коммунистов, которые пытаются провести "пустую перестройку". Но и новые российские демократы - это "на три четверти недавние угодники брежневщины", так что незачем слушать их "грязные уста". Из кого же тогда можно составить "сочетанную систему управления" Россией?

Солженицын с непонятной и ненужной мелочностью рисует свои представления о формах и институтах будущего управления Российского Союза, вникая в разного рода подробности голосования, устройства и численности Государственной Думы, местных органов власти и т. п. Но нет никакого смысла разбирать и обсуждать эти предложения, раз не подходит сама идея или предложение писателя отказаться не только от Советского Союза

и от коммунистической идеологии, но и от Российской Федерации как многонационального государства.

Солженицын признавал, что он в одиночку все же не в со

86

стоянии разработать основы устройства всех институтов Российского Союза: "я не имел возможности говорить в этой сжатой работе об армии, милиции, судебной системе, законодательстве, о профсоюзах и экономике". Поэтому он предлагает собрать на совет по этому поводу - нет, не самых мудрых или авторитетных, а "самые здравые практические умы, самые энергичные люди должны сойтись". Но он не называет ни одного имени. Да и кто их соберет, если даже церковной иерархии писатель выражает явное недоверие? Только одно имя и названо на первой странице брошюры - это сам Солженицын.

Обсуждения солженицынского манифеста в СССР и в России фактически не было. В печати появилось несколько комплиментарных откликов, авторы которых сравнивали Солженицына с Конфуцием; и у того, и у другого приоритет отдавался моральным ценностям, хотя и очень разным. Но были и очень резкие отрицательные отзывы. "Грустно читать рассуждения Солженицына о том, как надо снизу растить честную власть", "Писатель призывает Россию уйти в лес", "Это призыв забраться в нору православия" и т. д. Впервые в нашей публицистике прозвучала оценка всей идеологии Солженицына как "ретроспективной утопии". Все почти отклики на предложения Солженицына появились в нашей печати в конце сентября и в первые две недели октября. Потом пришли другие, более актуальные проблемы, и о брошюре Солженицына просто забыли.

Солженицын в начале 90-х годов. Вопрос о реабилитации и гражданстве

А. Солженицын был восстановлен в Союзе писателей СССР, и его произведения уже с осени 1989 года публиковались и в журналах, и отдельными изданиями. Однако с возвращением ему советского гражданства дело затягивалось. К лету 1990 года гражданство СССР было возвращено десяткам известных писателей, ученых и общественных деятелей, оказавшихся за границей. Но Солженицына не было в этих первых списках. Вопрос о Солженицыне обсуждался на Политбюро, и большинство членов Политбюро предлагало не торопиться - было хорошо известно крайне негативное отношение Солженицына не только ко всей КПСС, но и персонально к Горбачеву и его "пустой перестройке". Однако долго тянуть с решением этой проблемы было

87

нельзя. В начале июля 1990 года помощник М. С. Горбачева Георгий Шахназаров писал Президенту:

"Михаил Сергеевич,

Еще раз рискую обратиться к Вам по поводу гражданства Солженицына... Здесь возник новый момент - нельзя исключить, что Ельцин может сделать эту акцию от имени России и пожать все вытекающие отсюда лавры. Между тем совершенно ясно, что возвращать гражданство нужно. Это резко повысит Ваш "рейтинг" в стране и добавит популярности в мире. Я уже не говорю о том, что таким актом Вы приобретете союзника в лице столь авторитетного сейчас в России писателя. Мне кажется, что надо, не теряя ни одного дня, принять президентский указ и, что не менее важно, направить Солженицыну и опубликовать в печати телеграмму"12.

Но Горбачев колебался. В 1987-1989 годах возвращение А. Д. Сахарова в Москву создало для Горбачева множество серьезных проблем. Возвращение Солженицына обещало создать для Горбачева не меньшее количество новых проблем. Только 15 августа 1990 года он подписал указ, но совсем не в той форме, как просил Шахназаров. Солженицын был внесен в список из 23 человек, включавший писателей В. Войновича и В. Аксенова, шахматиста В. Корчного, художника О. Рабина, правозащитника В. Чалидзе и других. Никакой телеграммы в Вермонт не было отправлено. Солженицын был не обрадован, а оскорблен указом Горбачева. Через свою жену он заявил, что не считает принятый указ достаточным для его реабилитации. К нему, Солженицыну, этот указ неприменим.

Телеграмму в Вермонт отправил в эти дни не Горбачев, а Председатель Совета Министров Российской Федерации Иван Силаев. "Интересы государства, - писал Силаев, - требуют от меня просить Вас и Вашу семью принять приглашение быть моим личным гостем в любое обозначенное Вами время"¹³. Но Солженицын отклонил это приглашение. "Для меня немыслимо, - писал он, - быть гостем или туристом на родной земле... Когда я вернусь на Родину, то чтобы жить и умереть там... Я не могу обгонять свои книги. Десятилетиями оклеветанный, я должен прежде стать понятен моим соотечественникам, и не в одной столице, но в провинции и в любом глухом углу"¹⁴.

Солженицын был, конечно, прав, полагая, что возвращение ему советского гражданства не означало еще полной реабилитации. Он покинул Советский Союз не по израильской визе, как, например, Валерий Чалидзе или Василий Аксенов, и не в порядке

88

научной командировки. Солженицын был арестован и обвинен в измене Родине, на него было заведено Прокуратурой СССР уголовное дело. Однако решение о полной реабилитации писателя и отмене всех прежних обвинений состоялось только в конце 1991 года - после краха КПСС, но еще до полного распада СССР.

Получив и это известие о полной реабилитации, Солженицын не поспешил в Россию, но попытался ускорить работу над своей эпопеей "Красное колесо". К поездке в Россию, к возвращению надо было готовиться. В порядке подготовки к возвращению было решено снять специальный фильм о Солженицыне. Наиболее подходящим для такой работы режиссером оказался Станислав Говорухин, создатель довольно острого, хотя и весьма тенденциозного фильма "Так жить нельзя" - публицистической ленты о недостатках и пороках советской действительности. При поддержке российского телевидения и при участии самого писателя был создан большой документальный фильм "Александр Солженицын". Этот фильм был показан 2 и 3 сентября 1992 года по первой информационной программе. Большого резонанса этот фильм не вызвал. Демократическая печать не стала рекламировать фильм о Солженицыне, так как писатель занял явно критическую позицию по поводу тех реформ, которые в это время проводились в России методами "шоковой терапии". "Никакой демократии в России сегодня нет", - говорил перед телевизионной камерой писатель. Но и левая печать не хотела рекламировать ни Солженицына, ни Говорухина. Да и сам фильм был поспешным, не особенно интересным и иллюстративным.

В конце 1992 года и в 1993 году А. Солженицын прервал долгое молчание и дал несколько интервью для печати. Он уже уверенно говорил о своем скором возвращении в Россию. Осенью 1993 писатель отправился в "прощальную", как он заявил, поездку по Западной Европе. Во Франции он принял участие в юбилейных мероприятиях по случаю 200-летия Вандейского восстания, разумеется, он говорил о гибельности всяких революций, которые "выпускают из людей наружу инстинкты первобытного варварства, темную стихию зависти, жадности и ненависти". С этим можно было бы согласиться, не забывая также о том, что становится причиной революций и каков облик всех контрреволюций. Солженицын дал интервью и для российского телевидения, но его магнитофонная запись была опубликована только газетой "Русская мысль" в Париже. Разным вопросам истории, философии и политики была посвящена большая речь Солженицына в Между

89

народной академии философии в княжестве Лихтенштейн. В западной печати все эти выступления писателя комментировались мало, но и в России их мало кто заметил. Это и понятно - осенью 1993 года Россия была на грани гражданской войны, внимание общества было приковано к осаде и расстрелу Белого дома, поспешным выборам в Государственную Думу, к референдуму по новой Конституции. Поэтому проблема кризиса прогресса, самоограничения, соотношения этики и политики, смысла жизни и сознания Высшего и Целого, смирения перед Богом, которые поднимал в своих выступлениях Солженицын, не задевали и в тысячной части сознание российских граждан.

К началу 1994 года подходила к концу вся практическая подготовка к возвращению

Солженицына в Россию. Писатель обратился к властям Москвы с просьбой продать ему участок под Москвой для строительства дома. Просьба Солженицына обсуждалась не только в мэрии, но и в администрации Президента. Учитывая большие заслуги писателя перед Россией, постановлением мэрии г. Москвы Солженицыну был передан в пожизненное и наследуемое владение большой земельный участок в 4 гектара в Северо-Западном административном округе. Первым владельцем этого лесного участка на территории Москвы, а также построенной здесь дачи был маршал Михаил Тухачевский, в годы перестройки здесь работала команда вице-премьера Леонида Абалкина, составляя свои программы. Теперь здесь в Троице-Лыково начало возводиться новое кирпичное здание, в котором Солженицын предполагал жить круглый год, а также хранить и умножать свой огромный архив. Московские газеты писали о том, что президент Ельцин встретился с женой писателя Натальей Дмитриевной и сказал, что отныне путь для Солженицына в Россию открыт. В конце февраля 1994 года Солженицын выступил на ежегодном городском собрании граждан г. Кавендиша в штате Вермонт, где он жил и работал почти 18 лет с "Прощальным словом". Он прямо сказал, что возвращается в Россию с женой в конце мая 1994 года и благодарил своих "дорогих соседей" за внимание и поддержку. Это выступление не было, однако, замечено ни в России, ни в США. Российская печать даже не упомянула об этом выступлении. Печать США цитировала его, но полностью это выступление было опубликовано лишь Историческим обществом города Кавендиш. Поэтому сообщение в мае 1994 года о скором прибытии Солженицына во Владивосток для многих из нас было неожиданным.

90

Литература и примечания

- 1 "Нью-Йорк таймс", 5 марта 1974 года. "Вашингтон пост", 5 марта 1974 года.
- 2 А. И. Солженицын. Публицистика. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 402.
- 3 А. И. Солженицын. Публицистика. Т. 1. С. 313.
- 4 А. И. Солженицын. Публицистика. Т. 1. С. 319.
- 5 А. И. Солженицын. Публицистика. Т. 1. С. 320.
- 6 А. И. Солженицын. Публицистика. Т. 1. С. 227.
- 7 А. И. Солженицын. Публицистика. Т. 1. С. 406.
- 8 "За рубежом". 1989, № 131. С. 21.
- 9 Солженицын А. И. Публицистика. Т. 3. С. 341.
- 10 "Новый мир". 1990. № 1. С. 223.
- 11 Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. Полное собрание сочинений. Т. 2.
- 12 Шахназаров Г. Цена свободы. 1993. С. 481.
- 13 "Новое время". 1990, № 36. С. 48.
- 14 Там же.

91

возвращение солженицына

Двадцать лет спустя

Вечером 14 февраля 1974 года возле дома в Баварских Альпах, где жил знаменитый немецкий писатель и Нобелевский лауреат Генрих Белль, остановилась полицейская машина, мчавшаяся перед этим на большой скорости из Франкфуртского аэропорта через всю Германию. Из машины вышел другой лауреат Нобелевской премии по литературе, всемирно известный русский писатель Александр Солженицын, арестованный 12 февраля в Москве, обвиненный в измене Родине и принудительно высланный за границу. Эта операция готовилась тайно, в том числе и от самого писателя. Ему объявили, что он лишен советского гражданства и будет выдворен из страны, но даже в салоне самолета под охраной он не знал, что с ним случится через несколько часов. Однако сообщение об аресте, а затем и о высылке Солженицына почти мгновенно облетело мир, и утром 15 февраля небольшой горный поселок был забит тысячами автомашин с корреспондентами газет и журналов,

информационных агентств и телевизионных компаний из всех почти стран Запада. Ломая изгороди и вытаптывая газоны, цветы и грядки местных жителей, они ловили каждый шаг, каждый жест и каждое слово писателя. Привыкший к строгой конспирации и к редким встречам с журналистами, Солженицын не был готов к такому буйному проявлению западных свобод. Только на несколько минут он согласился стать добычей фотографов, но отказался от любых заявлений и пресс-конференций. "Я достаточно говорил в Советском Союзе. А теперь - помолчу".

Через 20 лет, 27 мая 1994 года, в аэропорту города Магадан на Колыме приземлился рейсовый самолет компании "Аляска Эйрлайн". Из салона машины вышел и спустился по трапу Александр Солженицын. После долгого изгнания он вновь ступил на российскую землю, и место встречи с Родиной не было случайным. Многолетняя ссылка была наказанием за издание на Западе его главной книги - "Архипелаг ГУЛАГ", художественного исследования преступлений, совершенных в Советском

92

Союзе, и не только во времена сталинизма. Но именно Колыма, по словам Солженицына, была самым крупным, самым далеким и знаменитым островом этой удивительной и жестокой страны - ГУЛАГ, географией разорванной в архипелаг, но психологией скованной в континент, почти неосязаемой страны, которую населял когда-то многомиллионный народ эзков. Поэтому именно здесь в Магадане Солженицын опустился на колени и поцеловал землю России.

В Магадане Солженицына встречали лишь немногие из посвященных, в том числе и писатель Борис Можаев; каждый шаг и каждая встреча на родной земле были тщательно продуманы и разработаны заранее при участии самого Солженицына, и главным начальным пунктом всего Возвращения должен был стать Владивосток. Сообщение о возвращении Солженицына в Россию снова стало важной новостью для многих стран мира, и не тысячи, но сотни российских и западных корреспондентов устремились во Владивосток, чтобы описать и заснять на пленку это событие, которое позволяло лучше понять не только роль Солженицына в духовной жизни России, но и те перемены, которые произошли в нашей стране за годы, предшествовавшие его возвращению.

Из истории мы знаем, что большая часть политических эмигрантов заканчивает свою жизнь на чужбине. Понятен поэтому пристальный интерес современников и историков к возвращению знаменитых изгнанников. Оно свидетельствовало об изменении или страны, которую они были вынуждены покинуть, или самих изгнанников. Можно вспомнить в этой связи не только о Вольтере или Викторе Гюго, но и о русских писателях - Максиме Горьком и Александре Куприне. Некоторые из газет сравнивали возвращение Солженицына в Россию с возвращением аятоллы Хомейни в Иран в 1979 году. "Славянский Хомейни в неуверенной стране", - писала в своем репортаже одна из британских газет.

Еще в конце 1993 года Солженицын в своих интервью для западных газет говорил, что он вернется в Россию в мае 1994 года и притом окончательно. Он вернется с женой, а его сыновья будут решать этот вопрос свободно и самостоятельно, им еще надо завершить свое образование в американских колледжах.

О возвращении в Россию уверенно говорили в Москве уже в апреле, и эта тема занимала все больше места в российской печати. Казалось странным, но только немногие из известных писа

93

телей и публицистов встретили это известие с воодушевлением. "Он единственный, - писал редактор журнала "Странник" Сергей Яковлев, - кто способен собрать расколотый, разметанный по углам несчастный народ под знаменем национального возрождения, вернуть ему надежду и уверенность в своих силах и направить энергию народа в здоровое, созидательное русло"¹.

"Пророк он или не пророк? - задавал вопрос редактор журнала "Новое время" Александр Пумпянский. - Но пророк - это человек, провидящий свой век. Солженицын же

столько раз ошибался. Все последнее десятилетие, переломное для судеб России, был ли он первым с точным словом поддержки или предостережения? Нет, он отмалчивался. Понимает ли он мир на пороге третьего тысячелетия или безнадежно погрузился в исковерканную российскую историю? Где он черпает идеалы общественного устройства, разве не в мире, которого нет"2.

"Я против возвращения Солженицына в Россию, - заявил писатель Юрий Нагибин. - Этот приезд и ему, и всем нам сорвет нервную систему. То, что делает сейчас Солженицын, мне неприятно. Человеку, создавшему двадцать томов, кажется, что он объял Россию, ее прошлое, настоящее и будущее. Это все чушь! Тут и без него немало умных людей. Сейчас нужны люди типа Гайдара, которые могут быть абсолютно мужественными, которые думают"3.

Наиболее грубой оказалась статья молодого литературоведа Григория Амелина "Жить не по Солженицыну": "С голливудской бородой и начищенной до немыслимого блеска совестью, он является в Россию, как Первомай и как он же, безбожно устаревший. А кому он в сущности нужен? Да никому... Нафталину ему, нафталину! И на покой"4.

Сама эта публикация вызвала множество откликов и протестов. "Солженицын возвращается не в утопию, а в Россию, - писал обозреватель "Известий" Константин Кедров. - Он едет в нее, как Чехов ехал на Сахалин. Врач едет к пациенту - таков его долг, ну а как его встретят у порога, это уже другой вопрос. Больной - он и есть больной. От него можно ждать чего угодно, даже статей Амелина. Великие люди живут по другим законам и время свое сверяют по другим часам"5.

Трудно признать даже за великими людьми право жить по каким-то особым законам. Было очевидно, однако, что писателя ждет в России отнюдь не легкая жизнь.

94

Путешествие из Владивостока в Москву

Остановка в Магадане была недолгой, и вечером того же дня Солженицын прибыл во Владивосток. В аэропорту его встречали представители печати, но он отказался даже от кратких заявлений и поспешил на центральную площадь города, где его уже больше четырех часов ждали тысячи горожан. С трудом пробравшись через плотную толпу людей к импровизированной трибуне, Солженицын произнес, обращаясь к собравшимся, короткую, но очень эмоциональную речь. "Все годы своего изгнания, - сказал писатель, - я напряженно следил за жизнью нашей страны. Я никогда не сомневался, что коммунизм рухнет, но всегда страшился, что выход из него и расплата могут быть ужасающе болезненными. Я знаю, что жизнь ваша сейчас безмерно и непривычно тяжела, опутана множеством неурядиц, нет ясного будущего и для вас, и для ваших детей. Но я искренне желаю, чтобы наш многострадальный народ увидел бы, наконец, хоть немного света. Наша судьба в наших руках, начиная от каждого шага жизни, от каждого выбора".

Александр Солженицын провел во Владивостоке и в Приморском крае несколько дней, он встречался здесь с местной интеллигенцией, со студентами, побывал в приморских деревнях, в церквях, в местах захоронений жертв сталинского террора, - о всех его встречах и беседах подробно и много писали почти все российские газеты. Однако те, кто думал, что из Владивостока писатель отправится самолетом в Москву, ошиблись. Возвращение Солженицына в Россию только начиналось.

Еще в 1974 году в своих первых интервью Солженицын говорил, что он уверен, что вернется в Россию. Позднее он много раз повторял, что при первой возможности он вернется в Россию, к ее просторам и раздолью, что будет много ездить по стране и как можно больше встречаться с людьми и вести совсем иной образ жизни, чем тот, что он вел в Америке. По признанию Солженицына, еще осенью 1978 года у него возникло сначала видение, а потом желание и намерение возвращаться в Россию не через Европу, а через Тихий Океан, через Владивосток, и из этого города, в котором он раньше никогда не был, долго, долго ехать по России, всюду заезжая и знакомясь с местами и с людьми. У Солженицына было потом много времени готовить, по крайней мере в мыслях, такое Возвращение в Россию.

Неудивительно, что программа этого Возвращения готовилась весьма

95

тщательно, превосходя по своим масштабам самые крупные пропагандистские мероприятия 70-80-х годов. При этом все финансовые издержки двухмесячной поездки по России приняла на себя британская телерадиокорпорация Би-Би-Си. Корпорация взяла в аренду у МПС два специальных вагона-салона - один для семьи писателя, другой для нужд операторов и редакторов корпорации. Возмещались и все другие возможные расходы железной дороги, был предусмотрен и гонорар для Солженицына. Взамен Би-Би-Си получала право на съемку фильма о возвращении великого изгнанника на свою родину, а также на продажу этого фильма в любые страны, кроме России. В России этот фильм, по условиям соглашения, должен демонстрироваться бесплатно. В соответствии с заранее составленной программой предусматривались остановки на три-пять дней во всех крупных городах после Владивостока - в Хабаровске, Чите, Иркутске, Красноярске, Новосибирске, Омске. Всего таких остановок было семнадцать. Пребывание писателя в каждой области строилось почти одинаково. Солженицын посещал мемориальные кладбища, участвуя в поминальных молитвах. Он встречался с жителями сел и небольших городов края, выступал по местному телевидению, знакомился с жизнью областного центра, его предприятиями, школами, больницами, достопримечательностями. В каждом крупном городе проходила и итоговая большая встреча, на которой присутствовало от одной до двух тысяч человек, в зависимости от размеров зала, который всегда был переполнен. Писатель сразу объявлял собравшимся, что приехал не говорить, а слушать, и в течение одного-двух часов он внимательно слушал выступавших, записывая кое-что в своей тетради. Потом он выступал сам, но кратко и еще в течение часа отвечал на вопросы, полученные в письменной форме. В самом конце Солженицын ставил автографы на своих книгах, если кто-то приносил их с собой.

Западная и московская пресса подробно описывала пребывание Солженицына в Приморском крае, много меньше публикаций было о его встречах в Хабаровском крае. Дальше по ходу путешествия о Солженицыне писала только местная печать, а все иностранные и столичные корреспонденты вернулись в свои редакции. Рядом с писателем неизменно находились только операторы и ведущие из Би-Би-Си. Читая московские газеты в июне и в начале июля, можно было подумать, что путешествие Солженицына уже завершилось. В этом был просчет всех организа-

96

торов этого Возвращения великого писателя на свою Родину и прежде всего просчет самого Солженицына: он не сумел поддерживать внимание и интерес к своим выступлениям и высказываниям больше, чем 5-6 дней. Дальше все повторялось, и это становилось уже неинтересным для журналистов, которые ждали сенсаций. Даже жена и дети Солженицына время от времени покидали его поезд, который двигался через всю Россию очень медленно. Солженицын говорил позднее с большой обидой, что его поездка замалчивалась, что московские газеты неделями не писали ни строчки о его выступлениях и о том, что говорят люди в провинции. Эти обвинения были несправедливы. Я знакомился с частью местной прессы за июнь и июль и мог убедиться, что проблемы, поднимавшиеся на встречах Солженицына с жителями больших и малых городов Сибири, Урала и Поволжья, были почти одинаковы. У врачей или учителей Хабаровска имелись те же проблемы, что и у врачей и учителей Улан-Удэ или Омска: нерегулярная и низкая зарплата, недостаток учебников и медикаментов, голодные дети и истощенные пациенты, растущая преступность, плохая работа транспорта, произвол чиновников. Для Москвы все это не являлось открытием. Не было здесь никаких сенсаций и для иностранных журналистов. В конце концов и Би-Би-Си все больше и больше переключала своих операторов на съемки величественной русской природы. Большой фильм о Возвращении Солженицына в Россию вышел на мировые экраны в 1995 году и прошел здесь сравнительно незаметно. Конечно, не все было одинаково в Чите или Красноярске. В Иркутске Солженицын возложил цветы к месту гибели адмирала А.

Колчака, одного из главных героев Белой армии в годы гражданской войны. Именно в Иркутске он был пленен и расстрелян. Прибыв в Красноярск, Солженицын вскоре отправился в село Овсянка на берегу Иртыша на встречу с Виктором Астафьевым. Их беседа один на один проходила около трех часов. В Омске литераторы и литературоведы из Омского университета провели несколько интересных бесед с Солженицыным и позднее издали большой альбом о пребывании писателя в их городе. Все это было важно для последующего изучения, но не для газет и телевидения. Солженицына везде принимали хорошо и слушали внимательно. Аудитории, в которых он выступал, были всегда переполнены. Вот выдержки из разных его выступлений от Хабаровска до Ярославля: - "Горбачев обманывал нас всех семь лет, - говорил Солженицын. - Он начал ломать, не подготовив

97

ничего нового. Перестройка пошла по ложному пути. Гласность Горбачев объявил, чтобы использовать столичную интеллигенцию против своих номенклатурных врагов. За этой гласностью последовали национальные взрывы и свобода преступлений". "В 1991 году народу посылался счастливый жребий. Достаточно было одного указа, и все бы тихо разошлись: и КПСС, и Верховный Совет, так были все перепуганы. Но ничего этого не было сделано". "Наши беды идут от Февраля 1917-го. Погубили страну не какие-то масоны, а наши деды и прадеды. Мы тогда дали разрушить цветущую страну". "Реформы Гайдара глупые, безмозглые. Я отказываюсь считать это реформой, у них нет плана и цели, последовательности и системы. Всю приватизацию надо пропустить через прокуратуру, надо ее остановить и начать следствие. Народ правильно назвал ее прихватизацией". "С коммунистической идеей надо покончить, выкорчевать ее без остатка и строить демократическое общество не сверху, а снизу". "У нас демократии сейчас даже подобия нет, для нее нужно всеобщее правосознание. У нас лжедемократия, у нас олигархия... Страной правит замкнутая группа из бывшей номенклатуры, из коммерсантов и из преступного мира". "После семидесяти лет зверского режима мы пошли путем замысловатым, извилистым, мучительным, о котором не скажешь уверенно, куда он приведет". "Мы, как обезьяны, говорим "ваучер", "мониторинг", "лизинг", "брифинг". Где наш язык? Если разучимся говорить по-русски, не будет нас, русских, вообще". "Я не националист, я патриот. Мы должны достичь национального примирения". "Ни в коем случае не вести переговоры с Татарией и Башкирией об условиях их вхождения в Россию. Не надо играть в национальные республики, а надо ввести губернское административно-территориальное деление". "Чечня может отделиться, там 80% чеченцев. Надо забрать оттуда русских и отправить туда чеченцев из Москвы, из Средней России, из Сибири". "Пусть Чечня рассылает свои посольства по всей земле, создает свою армию, флот, промышленность, пусть покажет себя!". "Без деревни Россия погибнет. Нельзя продавать землю с аукциона. Это бред. В чьих кошельках сегодня миллиарды рублей и долларов?". "Жириновский - карикатура на русского патриота. Кто-то нарочно создал такую фигуру, чтобы вызвать во всем мире ненависть к русскому патриотизму, к русскому национальному сознанию". "Я не собираюсь быть политиком. Политика, с точки зрения качества че

98

ловческого творчества, стоит ниже философской или художественной деятельности. Я буду действовать только своим словом".

Хотя Солженицын отказывался считать себя политиком, уже по итогам мая он занял место в списке ста наиболее влиятельных политиков России. В июле он находился в этом списке на двенадцатом месте.

Из писательских организаций и групп к встрече Солженицына в Москве готовилась только редакция "Нового мира". Как раз в июне 1994 года в Москве открылся IX съезд писателей России - здесь были писатели патриотической ориентации. Предложение о том, что нужно послать приветствие вернувшемуся на родину Солженицыну было отвергнуто, и обсуждалось только в кулуарах. Но не были рады приезду Солженицына и писатели,

которые заявляли в то время о поддержке Ельцина и демократов. На большом собрании писателей-демократов в Самаре в середине июля преобладала явная неприязнь к Солженицыну. "Я очень удручен последними выступлениями писателя, которого я читал, - говорил Василий Аксенов. - Эта тяжелая поступь пророка, из-под каждого шага которого должен бить артезианский ключ живительных соков для России, это поливание грязью деятелей реформы, которые его принимают, - это все бестактно, без вкуса и для меня поразительно". "Я отрицательно отношусь к таким заявлениям Солженицына, что "Россия погублена", - заметил Григорий Бакланов. - Человек не был в России двадцать лет, а теперь приехал и все ругает. Ругать легко, помочь трудно"6.

Между тем в середине июля специальный поезд, в котором двигался по России Солженицын, находился уже в Поволжье, и все пассажиры этого поезда готовились к встречам в Москве. Готовились к встрече с писателем и в столице, и когда 21 июля - в четверг вечером Солженицын, наконец, прибыл в Москву, на площади у Ярославского вокзала собралось около двадцати тысяч человек; по московским масштабам, это немного. Дело было, конечно, не в дождливой погоде, как пытались объяснить некоторые газеты, а в отсутствии оповещения. О дне и месте прибытия писателя в Москву не сообщали ни печать, ни телевидение. Вокзал был оцеплен милицией, с вокзальной площади удалили сотни бомжей и убрали даже торговые палатки, десятками облепившие все московские вокзалы. Встречать писателя прибыли мэр Москвы Юрий Лужков, бывший посол в США Виктор Лукин, писатели Сергей Залыгин и Юрий Карякин. Солженицын произнес короткую, но сильную речь, бросая в толпу чекан

99

ные и точные фразы: "Россия сегодня в большой, тяжелой, многосторонней беде, и стон стоит повсюду. Государство не выполняет своих обязанностей перед гражданами, и страна идет нелепым, тяжелым, искривленным путем... Никто не знал, что выход из коммунизма будет настолько болезненным. Деревня работает почти бесплатно, за бесценок отдавая сельскохозяйственные продукты, на которых тут же наживаются посредники. Становится бессмысленным вести сельское хозяйство. Экономический паралич крупных предприятий лишает социальных гарантий жителей целых районов и городов. Народ у нас сейчас не хозяин своей судьбы, и мы не можем говорить о демократии. Демократия - это не игра политических партий, а народ - не материал для избирательных кампаний. Врачи и педагоги работают по инерции долга, и это не может продолжаться вечно. Прорастает удав преступности, который грозит скоро задушить все общество. Я помню все советы людей, я знаю, что сказать Москве, чтобы донести глас народа до слуха тех, у кого есть власть и влияние... Я не теряю надежды, что России удастся выбраться из этой ямы, хотя для этого потребуются высокая ответственность на верхах и большие усилия снизу...". "Выполнению этой задачи, - заключил Солженицын, - поможет сохраненное народом душевное здоровье". Это была лучшая речь писателя за время его пребывания в России. Но ни в одной из газет она не была опубликована полностью. Даже то, что я написал выше, я сконструировал из отдельных фраз, процитированных добрым десятком газет - от "Комсомольской правды" и "Курантов" до "Правды" и "Советской России".

Нет пророка в своем отечестве

Еще в 1974 году у семьи Солженицына была конфискована квартира в центре города. Теперь власти Москвы предоставили писателю удобную новую квартиру в одном из арбатских переулков. В одном из живописных районов Подмосковья, в Троице-Лыково, на высоком берегу Москвы-реки заканчивалась отделка дома для работы писателя и размещения его архивов.

Первые дни в Москве прошли за разборкой бумаг и огромной почты, накопившейся в Фонде Солженицына, в его литературном представительстве и в редакции "Нового мира". Встреч было немного, и первая из них - с Лидией Чуковской и ее доче

100

рью Еленой Цезаревной, которые более тридцати лет помогали писателю во всех его

делах. В августе 1994 года Солженицын снова отправился в поездку по некоторым южным областям и краям России. Это была уже частная поездка - без Би-Би-Си и спецвагонов с отдельной кухней и рестораном. Писатель посетил Ставропольский край и Ростовскую область, т. е. места, где он родился, провел детство и юность и где находятся могилы его родителей. Как известно, Солженицын родился в Кисловодске 11 декабря 1918 года. Его отец умер или погиб еще до рождения сына, а мать в начале 20-х годов переехала в г. Ростов-на-Дону, где будущий писатель окончил школу и учился затем в Ростовском университете на физическом факультете. Побывал Солженицын и в Рязанской области, и в г. Рязани, где после лагеря и ссылки работал учителем. Местная печать много писала о своем знаменитом земляке. Московские газеты писали подробно, пожалуй, только о посещении Солженицыным деревни Мильцево Владимирской области, где в 1957 году писатель жил у Матрены Васильевны и работал над романом "В круге первом" - рабочее название романа было тогда "Шарашка". Немного позже появился и знаменитый рассказ "Матренин двор", это название Солженицын принял по совету Александра Твардовского. Теперь, в сентябре 1994 года Солженицына вышли встречать жители деревни Мильцево и соседних деревень. Лишь в середине октября писатель вернулся в Москву и стал готовиться к предстоящему выступлению в Государственной Думе.

Состав Думы в 1994 году был крайне пестрым, и главными фракциями здесь были фракция Владимира Жириновского и его ЛДПР, фракция правых радикал-реформаторов во главе с Егором Гайдаром и фракция КПРФ во главе с Зюгановым. Все эти политические движения относились к Солженицыну весьма критически, и он отвечал им еще более резкой критикой. Тем не менее Солженицын не исключал возможности выступления в Думе с развернутым изложением своего видения состояния России и путей ее выхода из перманентного кризиса. На одном из заседаний Государственной Думы в сентябре Станислав Говорухин и Владимир Лукин предложили пригласить Солженицына для выступления. При первом голосовании это предложение не набрало большинства голосов. Против выступили как коммунисты, так и фракции Жириновского и Гайдара. Однако фракция КПРФ вскоре изменила свое мнение, и Дума приняла решение о приглашении писателя. Выступление было назначено на 28 ок

101

тября, и печать еще за несколько дней до этого комментировала необычное заседание.

Солженицын прибыл в Думу перед самым выступлением и вошел в зал в окружении десятков журналистов. В зале пустовала половина депутатских кресел. Не пришли депутаты из Правительства, а Егор Гайдар демонстративно вошел в зал через полчаса после начала выступления.

Писатель тщательно подготовился к выступлению и говорил напористо и вдохновенно. Его речь была интересной и содержательной. Но отклика в зале почти не было, лишь иногда раздавались жидкие аплодисменты. Солженицыну не задали ни одного вопроса - ни устно, ни письменно.

Конечно, писатель повторил многое из того, что уже говорил ранее: "На нас лежит ответственность перед страдающим народом. Я вынес ощущение, что народная масса обескуражена, она в шоке от унижения и стыда за свое бессилие. Людей практически выключили из жизни. У них оказался небогатый выбор: или влачить нищее существование, или постигать ремесло, как обманывать государство". Писатель осудил приватизацию, издевался над ваучерами, отмечал рост преступности, осуждал ограбление вкладчиков сберегательных касс, рисовал бедствия деревни. Он повторил слова об олигархии и коммунистической номенклатуре, "перебежавшей в демократы". "Говорят: нет денег. Да, у государства, допускающего разворовку национального имущества и неспособного взять деньги с грабителей, нет денег". Эти слова вызвали слабые аплодисменты. Говорил Солженицын о земстве, о других формах местного самоуправления, о национальных проблемах России. Он не называл имен и ничего не сказал о Президенте, но заявил в конце выступления, что Россией сегодня правит корысть, в ней господствуют эгоистические

интересы меньшинства.

Выступление Солженицына было полностью показано по центральному телевидению. Оно было опубликовано газетами "Правда", "Российской газетой". Однако это выступление очень мало обсуждалось вне стен Государственной Думы. Даже активно поддерживавшие писателя газеты были обескуражены. "Прозвучавшая в пятницу речь Александра Солженицына, - писали "Известия" 1 ноября 1994 года, - была выслушана Государственной Думой с вежливым вниманием, не согретым, кажется, более ничем, кроме почтения к самому оратору и выстраданному им праву говорить все, что он хочет. Сдержанная, чтобы не сказать

102

вялая, реакция прессы на эту речь, отсутствие на нее широкого общественного резонанса позволяют заметить: выступление писателя не стало крупным политическим событием". Западные журналисты также были удивлены равнодушием думцев и публики к Солженицыну, но не могли найти объяснения. Впрочем, поведение Думы понять можно. Доминировали здесь именно те партии и фракции, которые были задеты прежними выступлениями писателя и рассматривали его как своего политического противника. Да и вне Думы не было в 1994 году ни одной политической партии, которая могла оценивать Солженицына как своего союзника. В откликах прессы сказалось, видимо, то постоянное пренебрежение Солженицына к журналистам, которое он многократно высказывал на Западе и стал повторять в России. Что касается широкой публики, то она уже устала от критических речей. Писатель в данном случае никому не открывал глаза на действительность, о которой многие из политиков и простых людей говорили еще более резко. Но население было деморализовано, оно устало от слов. Россия была затоплена критикой, и еще одна критическая речь мало кого могла взволновать. Солженицын надеялся влиять на положение в обществе своим словом, но инфляция слов была в стране даже большей, чем денежная инфляция.

Выступление в Думе не являлось инициативой Солженицына. Иное дело телевизионные выступления, которые предложил руководству ОРТ сам писатель. Речь шла не о выступлениях в прямом эфире, а о заранее подготовленных передачах по десять-пятнадцать минут каждая. Темы первых передач Солженицын определил сам: земля и земельная реформа, экономика, беженцы и культура. Передачи начались уже в августе и вызвали немалый интерес у публики и прессы. Каких-либо новых идей Солженицын не высказывал, но говорил горячо и заинтересованно. Лично мне казалось неверным, что в передачах отсутствовала полемика. Ведущий программы задавал писателю только заранее согласованные вопросы.

В сентябре передачи с участием Солженицына продолжались и стали проводиться регулярно по понедельникам в вечернее время. Темы этих выступлений менялись, но менялся и тон писателя: он становился все более назидательным. При этом Солженицын весьма уверенно говорил и о таких проблемах, о которых имел лишь самое приблизительное представление. Он делал множество предложений, но было неясно, кто и как должен их

103

осуществлять. Передачи становились все более неинтересными, и их перестали комментировать в печати. Анализ зрительских интересов показывал, что российский зритель утратил в октябре-ноябре 1994 года интерес к выступлениям Солженицына. Самая популярная из российских газет поместила в конце 1994 года весьма критическую статью Юрия Зубкова "Солженицын как телезвезда". Автор писал: "Если первые телеинтервью Солженицына оставили чувство глотка свободы, прикосновения к спокойной и мудрой силе, то от недели к неделе чувства эти менялись в сторону какой-то неловкости и досады... Усилиями выбранных им самим собеседников Солженицын теперь вещает. Быть может, у него есть на это право. Но и у нас, десятилетиями слушавших вещания все новых вождей и пророков, тоже есть право и даже обязанность - больше не принимать на веру. А вдруг окажется, что не под силу писателю, пусть и самому великому, придумать переустройство великой державы... Вдруг выяснится, что не так все просто, как видится при встречах на

перроне и из писем. Что кроме законов нравственных есть и другие - экономические? Как и телевизионные, которые просто требуют, чтобы человек с экрана не вещал в застывшем величии"7.

В 1966 году в течение нескольких месяцев Солженицын получил возможность проводить встречи и литературные вечера в разных местах, главным образом в ведущих НИИ Москвы. У многих из присутствовавших в зале имелись магнитофоны, и записи, а также стенограммы этих встреч расходились затем по всей стране. Одну из таких записей - выступление писателя в Институте востоковедения 33 ноября 1966 года А. Солженицын включил в собрание своих сочинений - в один из томов своей публицистики. Я присутствовал на одной из таких встреч с Солженицыным. Они начались с чтения одного из текстов писателя - "Улыбка Будды" - вставной новеллы из романа "В круге первом". Это один из самых замечательных рассказов Солженицына, который слушателям был незнаком. Александр Исаевич читал превосходно, недаром он готовился когда-то к карьере артиста. Все слушали, затаив дыхание. Когда чтение кончилось, была тишина, потом редкие аплодисменты, тюремно-лагерные рассказы трудно приветствовать иначе. Потом пошли вопросы, на которые Солженицын отвечал с блеском и юмором. Встреча шла более трех часов, и все расходились неохотно.

В чем дело? Почему через 30 лет Александр Солженицын утратил контакт с российской аудиторией. Причин здесь, видимо,

104

несколько. Тогда Солженицын многим из нас открывал глаза, он говорил о проблемах и фактах, которые большинству из присутствовавших в зале не были известны. Но теперь в 1994-1995 гг. Солженицын повествовал о вещах и фактах, которые всем его слушателям были знакомы и обсуждались не раз. Это позволило радикал-демократам из "Выбора России", на которых писатель обрушил свою критику еще во время поездки по России, взять своеобразный реванш. "Мы надеялись, - писала Алла Гербер, - что Солженицын сумеет увидеть и понять проблемы новой России. Мы ждали слова громадного писателя, независимо от того, разделяем мы его взгляды или нет. Но взгляда не снизу, а сверху, откуда только ему и видно, что с нами происходит, куда мы, с чем и зачем. Но Солженицын все успел узнать и все понять за несколько месяцев пребывания в России, но только на уровне репортера из районной газеты. Мы прощаемся со своим Солженицыным, который теперь открывает нам истины о том, что надо мыть руки перед едой"8. "Великий русский писатель, - иронизировал по тому же поводу журнал "Новое время", - задался, по-видимому, задачей озвучить штампы перестроечной публицистики 5 или 7-летней давности со страстью человека, вопиющего в пустыне о том, что дважды два будет четыре. Четыре!"9.

Неудачные выступления на телевидении привели к снижению общего политического рейтинга писателя. С почетного двенадцатого места он переместился в конце 1994 года на восемьдесят шестое, а в начале 1995 года и вовсе был исключен из списка ста ведущих политиков России. В передаче от 30 января 1995 года Солженицын подверг резкой критике само телевидение, услугами которого он так неумело пользовался. "Сегодняшнее телевидение, проданное за деньги, народ презирает... Он понимает, что его отравляют, что ему плюют в душу каждый день. Народ-то понимает, но до этого не додумаются те, кто ведет эту политику, не додумаются, пока не взорвется что-нибудь... Нашим средствам массовой информации нужно сказать: подумайте, что вы несете народу, зачем вы отравляете народ, доводите его до бешенства?! Зачем?!"10. Это была слишком примитивная оценка и роли российского телевидения, и отношения к нему широких народных масс.

С весны 1995 года передачи Солженицына уже никто не комментировал и почти никто не смотрел. Даже я пропускал многие из них, хотя и старался внимательно читать тексты этих выступлений, которые регулярно публиковались газетой "Рус

105

ская мысль", издаваемой во Франции по видеозаписи. 21 августа Солженицын посвятил свое выступление Чечне. За год до Хасав-Юрта писатель заявлял: "Освободившись от Чечни,

мы укрепим Россию. Давайте честно признаем, что чеченцы - и мужеством своим, и военной доблестью и искусством, и упорством к независимости, и верой в то, что, отделясь, они будут процветать, вполне заслужили независимость. И пусть они ее получают, и чем быстрее, тем лучше! А мы с этого момента, во-первых, отделяем терские казачьи земли, во-вторых, все чеченцы по всей России становятся иностранцами и едут в Чечню получать чеченские паспорта, а потом становятся в очередь в русское посольство получать визу и объяснять, зачем они к нам едут, какой именно деятельностью они будут заниматься, на какой срок и какая польза России от них. Надо иметь мужество принять решение на уровне века. Надо перестать думать только захватно"11. С подобными предложениями не выступали даже самые радикальные демократы типа Валерии Новодворской. Да, они были за отделение и независимость Чечни. Но никто из них не предлагал выселять всех этнических чеченцев из России в Чечню. Крайний радикализм Солженицына в чеченском вопросе никто, однако, тогда не комментировал, так как никто уже не хотел участвовать в этих "Останкинских встречах с Солженицыным на ОРТ". Осенью 1995 года не выдержала самая лояльная к писателю газета "Известия". В номере от 20 сентября тот же самый Константин Кедров, который защищал более года назад право великих людей жить по своим законам, писал: "...Мы слушаем сегодня Александра Исаевича в лучшее телевизионное время и понять не можем, тот ли перед нами писатель... Говорю это не в упрек, потому что гений не всегда гений. Вдохновение, как любовь, проходит. Тогда-то и начинается "суета и томление духа". Дело даже не в том, что Солженицын повторяет зады Жириновского и Зюганова. Парадокс в том, что у Солженицына те же тезисы выглядят невзрачнее и бездарнее... Больше года мы были зрителями политического театра Солженицына. Сейчас совершенно ясно, что новая пьеса не удалась".

Подобные отклики позволили руководству ОРТ прекратить выступления Солженицына, расписанные уже на два-три месяца вперед. Самокритичность никогда не была свойственна писателю. "Меня зажимают, - говорил он на встрече с читателями "Комсомольской правды". - Когда я получил канал и по нему говорил, то невыносимой становилась моя критика. Этого не

106

могли выдержать ни правительство, ни президентская команда, ни вожди партий, ни Государственная Дума, ни денежные мешки-грязнохваты, которые стоят за нашим телевидением... Кроме того, московская образованщина возмутилась и потребовала, чтобы меня отключили от микрофона"12.

Можно было заранее предвидеть взаимную неприязнь между вернувшимся в Россию Солженицыным и коммунистами, а также радикальными либералами-западниками. Однако крайне враждебно встретили писателя и все известные лидеры российской национально-патриотической оппозиции. еще до приезда Солженицына в Москву Сергей Бабурин заявил, что "ничего не ждет от появления Солженицына в России". "А кто он, собственно, такой?" - ответил вопросом на вопрос Александр Невзоров. "Время Солженицына прошло", констатировал Олег Калугин. "Кто придет его слушать? - спрашивал редактор газеты "Завтра" Александр Проханов. - Он не будет встречаться с коммунистами... К нему не придет партия Гайдара, весь этот неокapиTaлистический и космополитический слой... Он будет искать поддержки у националистов. Тут он как дома, тут его духовная родина. Но с чем он туда придет? Вряд ли он придет туда как абсолютный хозяин. У этой оппозиции появились свои лидеры, свой горький опыт, своя трагедия - трагедия октября прошлого года. Трагедия, которую Солженицын принимает. Он оправдал расстрел у "Белого дома"... И как же он придет к националистам, которые считают это величайшим преступлением перед Россией?"13.

Еще до возвращения в Россию Солженицын говорил, что не рассчитывает на всеобщую поддержку в стране: "Ничего не дается легко, все будет встречать сопротивление и злобу с разных сторон... Я отдаю себе отчет, что возвращаюсь в Россию на тяжелый жребий. Но надо попробовать"14. "Я выполнил свой литературный долг - говорил Солженицын в феврале

1994 года в интервью журналу "Ньюйоркер", - и теперь должен попытаться по мере сил и возможностей выполнить свой долг перед обществом"15. При этом Солженицын подчеркивал во всех своих интервью и заявлениях конца 1993 и начала 1994 года, что он не связан ни с какой политической партией в России и ни с одним политическим деятелем, и поэтому не собирается участвовать во власти. "Я не приму назначения от правительства, какое бы мне не предлагали. Я ни кем не хочу руководить. Я не буду баллотироваться ни на какой пост"16. Это вовсе не означало, что Солженицын мечтал об одиночестве и изоляции.

"Общественная жизнь

107

будет занимать у меня в России много времени, - говорил Солженицын. - Я буду ездить по стране. Буду выступать перед простыми соотечественниками. Я вижу себя в роли писателя, видение которого объемно, целостно и который не разъединяет, а объединяет свой народ"17. Этого не получилось. Солженицын не стал в 1994-1995 годах духовным вождем общества, он не смог объединить вокруг себя российских граждан, но, напротив, встретил во всех слоях и группах населения страны весьма жесткую критику. И через год, и через два года после своего возвращения в Россию Солженицын оставался в полном одиночестве и как общественный деятель, и как идеолог. Отвергнув все реальные общественные движения в стране, он не сумел создать своего общественного или нравственного течения. Солженицын оказался без своего места в реальном идеологическом пространстве страны. Трудно было даже определить сущность его проповедей. Многие определяли писателя как религиозного моралиста. Но как раз о религии и Боге Солженицын говорил в России меньше всего. Дора Штурман называла Солженицына либералом, Борис Капустин - национал-консерватором, Александр Янов - русским шовинистом. Владимир Воздвиженский определял идеологию Солженицына как ретроутопию, и это определение кажется мне наиболее точным. Отвергая ужасную и чуждую ему действительность, писатель предлагал России не движение вперед, а возвращение назад - к мнимой гармонии России конца XIX - начала XX века или даже еще дальше в прошлое - к середине и к концу XVI века, к временам, когда еще не было в России ни церковного раскола, ни петровских реформ. Именно такие оценки возникали при чтении большой работы Солженицына "Русский вопрос" к концу XX века", которая была написана осенью 1993 - весной 1994 года и опубликована в № 7 журнала "Новый мир" за 1994 год - как раз к появлению автора в столице России. Однако взгляды А. И. Солженицына на историю России и на русских как нацию требуют особого рассмотрения.

Александр Солженицын и новая Россия

Александр Солженицын не стал в новой России властителем дум, и ему не удалось выступить как объединителю народа ни в столицах, ни в провинции. Его роль как духовного лидера страны или как "совести" нации оказалась не столь значитель

108

ной, как этого ожидали многие. Однако было бы ошибочно и принижать эту роль. Несмотря на очевидное одиночество, Солженицын сумел занять уникальное место в жизни страны - и как наиболее известный из всех современных российских писателей, и как одна из самых выдающихся личностей XX столетия. К тому же, несмотря на трудности, связанные с возрастом и здоровьем, Солженицын продолжал работать на всех прежних заявленных им направлениях с исключительной интенсивностью.

После годичного перерыва А. Солженицын вернулся на телевидение, выступив 23 марта 1997 года с большим интервью в программе "Итоги". Писатель повторил свою критику в адрес политики правительства. Он резко осудил продолжение грабительской приватизации и удушение отечественного производства. Государство и народ продолжают подвергаться ограблению, и потому казна России пуста. Россия сможет возродиться только тогда, когда грабители-грязнохваты и коррумпированные чиновники вернут народу отобранное у него достояние. Но Солженицын признал, что он не знает, как это сделать. Он посетовал на невнимание к его деятельности как прессы, так и телевидения. Солженицын воздержался от ответа на вопрос о главной национально-государственной идее для России - эта тема

обсуждалась в печати уже два года. Писатель резонно заметил, что новая национальная идея не может родиться в кабинетах или на заседаниях каких-то комиссий, она должна созреть в сотнях и тысячах умов и сердец. В качестве "временной" национальной идеи Солженицын предложил идеи графа Петра Шувалова из его письма к императрице Елизавете - "Проект сбережения народа".

В конце мая 1997 года в Российской Академии наук прошли выборы новых академиков. Всего было избрано 67 новых академиков и членов-корреспондентов РАН, однако российская печать уделила наибольшее внимание избранию в действительные члены РАН А. И. Солженицына - по Отделению языка и литературы. Вопросов к кандидату на общем собрании Академии не было, и сам Солженицын свое избрание в академики никак не комментировал. В сентябре 1997 года Солженицын, уже как академик, принял участие в большом международном "круглом столе" на тему "Наука и общество на рубеже нового тысячелетия". Перед большой аудиторией, в которой было немало и лауреатов Нобелевской премии, Солженицын прочел и свой доклад - о глобальном упадке культуры и обнищании души, поразившему мир. Солженицын связывал все это с информационным прессом

109

шением и тем чрезмерным комфортом, который может дать человеку современный мир. Эти положения не были бесспорны, ибо возможности быстрого и всеобщего распространения информации создают при разумных мерах новые возможности для развития культуры и обогащения души. Богатство и комфорт также могут способствовать развитию культуры. Не были достаточно объективны и оценки Солженицына по поводу состояния российской культуры во времена Горбачева и Ельцина, ибо упадок в одних областях культуры сопровождался в последние 15 лет немалыми успехами в других областях культуры. Слушая Солженицына, который говорил о российской культуре как о "непитательных обедках", можно было подумать, что наш народ получал во времена Брежнева более богатую духовную пищу, чем сегодня.

Еще в 1995 году Солженицын взял в свои руки издание в России своих сочинений. Издательство военной литературы издало уже в 1994-1995 гг. восемь томов эпопеи "Красное колесо" тиражом в 30 тысяч экземпляров. Однако тома этой эпопеи раскупались плохо и проводить допечатку тиража издательство не стало. Многие из писателей и литературных критиков были, кажется, даже рады литературной неудаче Солженицына и торопились высказаться на этот счет. Вот лишь некоторые первые отклики российских писателей и критиков о "Красном колесе":

Б. Сарнов: "Оскудение художественного дара. Уныло, убого, скучно. Искусственные персонажи".

Л. Аннинский: "Колесо" увязло в глине исторического материала".

В. Кадрин: "Идеологическая пристрастность взяла верх над художником".

В. Максимов: "Сокрушительная неудача. Вместо живых характеров - ходячие концепции".

Ю. Нагибин: "Затемнение громадного ума. Крушение великого писателя"¹⁸.

Многие из подобного рода отзывов были явно тенденциозны и поспешны, хотя неудача эпопеи среди российских читателей была очевидна. Сам Солженицын говорил в интервью, что его "Красное колесо" еще найдет, если не сейчас, то в будущем своих читателей, что нынешняя российская публика слишком нетерпелива, она хочет, чтобы книги были покороче и только о современной жизни. Но это суждение было несправедливо. Можно иронизировать над популярностью весьма толстых исто

110

рических романов и книг Валентина Пикуля и Эдварда Радзинского, но нельзя было отрицать той простой истины, что художественное произведение должно обладать хотя бы минимумом занимательности и интриги, которых в "Красном колесе" не было. Что можно было почерпнуть читая на 200 страницах "Августа Четырнадцатого" мельчайшие подробности о передвижениях войск в Восточной Пруссии, или читая на десятках страниц

"Октября Шестнадцатого" изложение дебатов в Российской Государственной Думе, переписанные прямо из стенограммы?

В 1995-1997 гг. ярославское издательство "Верхняя Волга" издало полное собрание публицистики А. И. Солженицына. В это трехтомное собрание вошли все статьи, речи, письма, интервью, предисловия писателя с 1965 по 1994 годы. Многие из публицистических произведений Солженицына мы смогли прочесть в России впервые. Пятитысячный тираж этого издания продавался также плохо, и отклики критики были по большей части негативны. "Публицистика Солженицына, - писал, например, Михаил Новиков, - подается так безапелляционно и агрессивно, она снабжена такой разветвленной системой опровержений всех мыслимых возражений, что и спорить не хочется. Диалог невозможен. К тому же Солженицын обижает людей с легкостью, на которую не отваживались ни Достоевский, ни Толстой, которых не назовешь добродушными авторами. Это распространяется как на отдельных людей, так и на целые сословия - можно вспомнить знаменитую "образованшину". Русская интеллигенция и без того была склонна к самоуничтожению, а уж после того, как ее никчемность подтвердил писатель и мыслитель нобелевского ранга - комплекс вины у нее достиг размеров необычайных. Этот пламенный, романтический, ницшеанский эгоцентризм Солженицына производит странное впечатление. Но едва ли кто-то обладающий хоть немного более мягким характером, хоть немного большей уступчивостью и чуть менее ортодоксальными взглядами, сумел бы с такой точностью и законченностью выстроить свою жизнь. Сейчас всякое соприкосновение с "новым" возвратившимся Солженицыным, мудрецом и патриархом, вызывает внутреннее метание. Бросает от "ох, как правильно ведь он все говорит" к сложной эмоции, которую передал Достоевский в своем отзыве о Льве Толстом следующими словами: "До чего возбуждал себя человек". Солженицын создал себя как сложное культурное явление. Не замечать его нельзя - это стыдно. Описывать невозможно - он сам все о себе написал.

111

Может быть все-таки читать? Слишком тяжело, конечно. Но вот Джеймс Джойс заметил: "Если не стоит читать "Улисса", то не стоит жить". Тот же случай"¹⁹.

Еще в 1993 году А. Солженицын начал работу над серией из семи рассказов, которые были опубликованы в "Новом мире" в 1965 и 1966 годах. В 1966-1967 гг. он написал 9 рассказов из серии "крохоток". Позднее все эти рассказы были изданы в Ярославле отдельной книгой "На изломах" - по названию одного из рассказов. Темы этих рассказов различны - эпизоды гражданской войны, 30-х годов, эпизоды из жизни заключенных и писателей, изломы современной "буржуазной" действительности. Рассказ "На краях" посвящен жизни Георгия (Ёрки?) Жукова, крестьянского сына и маршала. Все эти рассказы невозможно даже сравнивать с рассказами того же Солженицына конца 50-х, начала 60-х годов. Писатель был разочарован полным молчанием прессы и критики и говорил что-то о незначительных тиражах "Нового мира". Но дело было не в тиражах, а в явной литературной слабости самих рассказов. Рассказы читались не с интересом, а с трудом. Лично меня поразили в рассказах великого писателя непонятные и невразумительные слова и сочетания слов: "лицеочертание с нахмуркой", "опертые локти", "разговор напямовшину", "дрожно ненавидел", "выпрямка", "ожестелый", "втямить" и т. п. Для меня эти "нахмурка" и "пямовщина" были не намного лучше "презентации" и "инаугурации". Один из литераторов признавался, что он бросил читать рассказ Солженицына, наткнувшись в самом начале на непонятную фразу: "На самом краю помысливаемого окоема". Да и почему мы должны писать "тометь" вместо томиться или "второпервый", что означает первый среди вторых. Кто поймет, что приглашение "Приезжайте к нам отгачиваться" означает приглашать в гости и к утешению сразу. Благодаря Солженицыну в русский язык прочно вошло несколько слов и понятий, главное из которых "ГУЛАГ". Шире стали применяться в литературной речи и некоторые весьма образные слова и выражения из лагерного жаргона. Язык Солженицына узнаваем, но очень часто он стал терять чувство меры и вкуса к русскому слову. Что, например, такое "грельня"? "жалобница"? Если и были когда-то такие слова, то они

отсеялись в результате исторического языкового отбора.

Более успешными были некоторые общественные начинания А. И. Солженицына. Еще в 1995 году он основал библиотеку и фонд "Русское зарубежье", в который передал тысячу книг и

112

более 700 рукописей воспоминаний. Здесь же был открыт магазин русской книги, в котором можно было приобрести и все почти сочинения самого А. И. Солженицына. Руководимый и основанный Солженицыным еще в 70-е годы Русский Общественный фонд учредил премию имени Солженицына в 25 тысяч долларов. В Положении об этой премии говорилось, что она присуждается ежегодно писателям, "чье творчество обладает высокими художественными достоинствами, способствует самопознанию России, вносит значительный вклад в сохранение и бережное развитие традиций отечественной литературы". Первым лауреатом этой премии стал известный московский ученый, филолог и литературовед Владимир Топоров. Процедура вручения премии состоялась в начале мая 1998 года, и почти вся печать одобряла выбор жюри, в состав которого входил и сам Солженицын, а также его жена Наталья Дмитриевна. В 1999 году лауреатами премии им. Солженицына стали поэт Семен Липкин и его жена Инна Лиснянская, также поэт. В 2000 году лауреатом премии им. Солженицына стал русский писатель Валентин Распутин. В 2001 году премия Солженицына была присуждена писателям Евгению Носову и Константину Воробьеву (посмертно). Мало кто мог оспорить этот выбор.

С весны 1998 года А. И. Солженицын возобновил и свои поездки по российской провинции. Он провел больше двух недель в Калужской области, посетив здесь не только Обнинск, но и такие старинные русские города, как Малоярославец, Боровск, Балабаново, Медынь, Мосальск, Мещерск, Юхнов, Козельск. "Общая газета" объединила почти все выступления и ответы на вопросы Солженицына в этих городах в общий текст. На этот раз Солженицын был предельно пессимистичен. "Если завтра сменится президент в России, - говорил писатель, - не изменится ничего. Потому что нами правит не президент, а олигархия. Те двести человек в тени, одни из которых с миллиардами, а другие на важных постах. Они сговорятся и заставят избрать президентом того, кого не хотите. Мы сегодня в руках олигархии административной, законодательной и финансовой. И пока мы не вырвемся из этих пут, не возьмем управление в свои руки, ничего не изменится. Молиться надо Богу, а не земным кумирам и кандидатам. Надо самоорганизоваться, строить самоуправление, земство. Не в течение месяцев и даже лет, но медленным накоплением наших сил, нашего разума, чистоты нашего духа мы можем создать силу, которая будет расти независимо от этой влас

113

ти. Деревья же растут - что бы ни бушевало вокруг них. Народ подобен дереву. Он перестоял тысячелетия, пережил многие невзгоды. Нам надо перестоять так, как стоят деревья. И не надо обманывать себя верой в политические партии и в отдельных кандидатов"²⁰. Подобного рода программа мало кого могла взволновать и увлечь.

В декабре 1998 года А. И. Солженицыну исполнилось 80 лет, и вся российская печать, телевидение, многие общественные организации широко отметили этот юбилей. К 80-летию Солженицына было подготовлено три больших телевизионных фильма, и Солженицын требовал, чтобы каждый из этих фильмов получил его личное одобрение. Главный из этих фильмов 4-х серийный фильм "Жизнь Солженицына" несомненно имел некоторое познавательное значение. Но в целом это был выпрямленный информационный фильм в духе "жития святых". Напротив, 3-х серийный фильм Ольги Фокиной "Избранник" с элементами не особенно внятной критики и размышлениями режиссера, уже объявленный в программах российского телевидения, был снят с показа по требованию писателя и его жены. Продюсер первого фильма, показанного по НТВ, Леонид Парфенов принял все условия писателя, но признавался в одном из интервью, что общение с героем картины не доставило ему большого удовольствия. "Солженицын, говорил Л. Парфенов, - человек решенных вопросов, и вообще он очень определенный. Кажется, что он не размышляет. Невозможно даже

представить вопрос, на который он бы отвечал, задумываясь. В этом смысле он замечательный интервьюируемый. Нет ничего, о чем бы ты его ни спросил, а он про это уже не думал в жизни две ночи. Поэтому все его ответы - это устоявшиеся представления, некие формулы. Это может касаться чего угодно²¹. Третий телефильм Александра Сокурова "Узел" был скучен, растянут, неинтересен. Газеты писали, что это "медийный мусор", "юбилейные фанфары", "фальшивая мистика", "неумная многозначительность". "После просмотра этого фильма, - писала одна из газет, - начинаешь плохо думать о хорошем писателе".

Газеты в декабре 1998 года были полны разного рода восхвалений или необъективной критики в адрес Солженицына. Преобладал жанр "он первым возвысил голос против...". "Солженицын был первым, кто открыл нам глаза", писал Сергей Гандлевский. "Не будь Солженицына, - заявляла Мариэтта Чудакова, - Россия еще Бог знает сколько лет не вышла бы к свободе"²².

114

"Солженицын вывел историю из заржавленного тупика на какой-то иной путь, утверждал Игорь Золотусский. - Он один стронул состав, который, казалось, навечно прирос к рельсам, а тут он пошел под гору. Но мы не знали тогда, что развалившись под горой, он погребет нас под своими обломками"²³. "Историю России наши внуки будут изучать по Солженицыну", - писал еще один литератор. Но и критики Солженицына не стеснялись в выражениях. "Солженицын уже не способен кого-либо удивить, возмутить или обрадовать. Его колчан пуст" (Михаил Берг). "Известный писатель Солженицын, большой пророк, "меч Божий", владелец двух огромных поместий и нескольких царских чертогов по обе стороны океана" (Владимир Бушин).

В 1998-2001 гг. Солженицын опубликовал несколько книг. В июне 1998 года вышла в свет небольшим тиражом публицистическая работа Солженицына "Россия в обвале" с самой резкой критикой состояния России под управлением демократов. "Над страной совершено злодейство", "немогущее нас не вообразить народа", "нам избрали путь - наихудший, извратительный, в самом себе злоносный". "Выходить из коммунистического Вавилона путем чубайсовской приватизации это преступная глупость, какой не видела мировая история". "Гайдар - это фанатик, влекомый только своей призрачной идеей, не ведающий государственной ответственности, уверенно берется за скальпель и многократно кромсает тело России", "ухмыльное лицо политика, не ведающего смущения", "преступно правительство, которое бросило национальную собственность на расхват, а своих граждан в зубы хищникам". "Суматошно кинулись тряхать и взрывать экономику России, и этот перетрях был назван долгожданной Реформой". "Все признают, что Россия расплющена. Разбираться почему и как это произошло сегодня бесполезно, а надо думать лишь о том, как выбраться из под развалин". В таком духе написана вся книга Солженицына, которую критик Борис Любимов с воодушевлением называл новым "Словом, о гибели Русской Земли, русской нации и государства". Конечно, добавлял Любимов, шансы на спасение еще есть и гарантом этого может быть сам Солженицын.

Был опубликован сборник самых ранних стихотворений, поэм, пьес и статей Солженицына, написанных еще в 50-е годы. Эта книга под названием "Протеревши глаза" была интересна лишь для узких специалистов.

Еще в 1998-1999 гг. "Новый мир" начал публиковать лите

115

ратурные мемуары А. И. Солженицына "Угодило зернышко промеж двух жерновов", о жизни и работе писателя в изгнании. В 2000 и в 2001 гг. эта публикация была продолжена. Многие страницы этих мемуаров интересны не только для специалистов, но в целом это была разочаровывающая работа. Писатель слишком много внимания уделял описанию разного рода эмигрантских склок, судебных тяжб, полемике с западными журналистами и собственными адвокатами и биографами, бывшими друзьями и новыми противниками. Во многих случаях речь шла о людях в СССР и в России совсем неизвестных. Отклики на новую

книгу Солженицына были очень разными.

"Чудесны описания европейских красот. Так о Европе доселе в русской литературе не говорилось" (Юрий Кублановский). "Это подробный и довольно претенциозный рассказ о том, как семья Солженицыных устраивалась в изгнании, и он поражает обилием незначительных бытовых подробностей и тщательным учетом оказанных писателю почестей" (Михаил Новиков). "Мы видим в книге многолюдную толпу персонажей, по ходу описываемых событий суетливо и беспорядочно толкущихся где-то далеко внизу, у подножья циклопической фигуры автора. Да, Солженицын - это фигура исторического масштаба. Но приходится убеждаться и в том, что это человек упрямый и безжалостный, никогда не испытывающий благодарности по отношению к людям, пытавшимся помочь ему" (Николай Бетелл).

Наибольший успех выпал на книгу А. И. Солженицына "Двести лет вместе" о судьбе еврейского народа в России в 1795-1995 гг.

В 2001 году вышла в свет лишь первая часть этой книги - о событиях и взаимоотношениях русских и евреев до 1917 года. В течение нескольких месяцев - до конца 2001 года эта книга находилась в числе бестселлеров и была лидером продаж. Такого успеха не знала ни одна из работ Солженицына в 1989-2000 гг. На книгу появилось очень много рецензий и отзывов, по большей части весьма благожелательных. Многие из рецензентов отмечали необычную для Солженицына объективность и спокойный тон. Однако более подробную оценку новой работы Солженицына следует отложить до выхода в свет ее наиболее важной и сложной второй части.

Подводя промежуточный итог деятельности А. И. Солженицына, мы должны сказать, что он, конечно, сделал не все, что он хотел сделать и о чем мечтал. Однако никто из писателей послед

116

них десятилетий не оказал такого влияния на общественную жизнь нашей страны, как Солженицын. Его неудачи и его противоречия во многом отражают неудачи и противоречия самого ушедшего теперь в историю XX столетия.

Литература и примечания

1 "Независимая газета", 27 апреля 1994 года.

2 "Новое время", 1994, № 21. С. 5.

3 "Аргументы и факты", 1994, № 25. С. 3.

4 "Независимая газета", 27 апреля 1994 года.

5 "Известия", 24 мая 1994 года.

6 "Комсомольская правда", 15 июля 1994 года. "Аргументы и факты", 1994, № 25. С. 3.

7 "Аргументы и факты". 1996, № 3. С. 5.

8 "Московский комсомолец", 2 ноября 1994 года.

9 "Новое время", 1994, № 44. С. 4.

10 "Российская газета", 8 февраля 1995 года.

11 "Русская мысль", 7-13 сентября 1995 года.

12 "Комсомольская правда", 23 апреля 1996 года.

13 "Аргументы и факты", 1994, № 25. С. 3.

14 "Московские новости", 1994, № 23. С. 5.

15 Цит. по журналу "Знамя", 1994, № 6. С. 135.

16 "Литературная газета", 22 сентября 1993 года.

17 "Литературная газета", 20 октября 1993 года.

18 "Отечественная история", 1994, № 4-5. С. 219.

19 "Коммерсантъ", 11 декабря 1998 года.

20 "Общая газета", 4-10 июня 1998 года.

21 "Коммерсантъ", 5 декабря 1998 года.

22 "Литературная газета", 9 декабря 1998 года.

23 "Независимая газета", 11 декабря 1998 года.

24 "Независимая газета", 30 июля 1998 года.

117

Поэт и царь. Ельцин и Солженицын

Еще в 1990-1991 годах Александр Солженицын несколько раз весьма неодобрительно отозвался о Михаиле Горбачеве, но ничего не говорил о Борисе Ельцине. Документы демократической оппозиции, которые доходили до американского штата Вермонт, где жил и работал Солженицын, вызывали у него большие сомнения. Писатель уже десять лет работал над художественным отображением Февральской революции 1917 года, которую он считал главной российской катастрофой XX века, и он очень опасался повторения Февраля в политической истории России. Солженицын явно не жаловал либералов как в России, так и на Западе, полагая что следование либеральным идеям - это путь самоослабления и капитуляции перед коммунизмом.

События 19-21 августа 1991 года вызвали тем не менее у Солженицына большие надежды. В письме к С. Говорухину он писал: "Поздравляю с великой Преображенской революцией!". 30 августа 1991 года Солженицын отправил письмо и Президенту России Борису Ельцину, в котором, в частности, писал: "Горжусь, что русские люди нашли в себе силу отбросить самый вцепчивый и долголетний тоталитарный режим на Земле. Только теперь, а не шесть лет назад, начинается подлинное освобождение и нашего народа и, по быстрому раскату, - окраинных республик". Но Солженицын настоятельно советовал Ельцину добиваться права на пересмотр границ с некоторыми из отделяющихся республик. Россия не должна отдавать Украине не только Крым, но и обширный Юг нынешней УССР (Новороссию), а также многие места Левобережья Днепра, "которые никогда не относились к исторической Украине". Также несправедливо, по мнению Солженицына, была отдана большевиками Казахстану Южная Сибирь, а также уральские казачьи земли. "И еще срочное, Борис Николаевич! Крайне опасно сейчас поспешно принять для России какой-либо не вполне проясненный экономический проект, который в обмен на соблазнительно быстрые внешние субсидии потребует строгого подчинения программе давателей, лишив нас самостоятельности экономических реше

118

ний, а затем и скует многолетними неисчислимыми долгами". Ельцин ответил Солженицыну, поблагодарив за внимание, но не затрагивая сути поднятых писателем вопросов. Эта переписка была опубликована только много лет спустя¹.

В сентябре 1991 года по предложению Ельцина Генеральная прокуратура СССР сняла все прежние обвинения с Солженицына, устранив тем самым юридические препятствия к его возвращению на родину. Солженицын ответил в специальном заявлении для прессы, что он обязательно вернется в Россию. "Но прежде я должен, - говорилось в заявлении, - окончить на месте мои ранее начатые произведения. По возвращении в Россию сразу обступят другие заботы, которые я и буду делить со всеми".

Заочное знакомство и телефонный разговор Ельцина и Солженицына состоялись в 1992 году во время первого официального визита Президента России в США. Сам Ельцин рассказал об этом через несколько месяцев - 16 июля 1992 года на встрече с группой главных редакторов в Кремле. В эти дни Ельцин перед визитом в Японию мучительно раздумывал о проблеме Курильских островов. Вячеслав Костиков записал тогда слова Ельцина: "Мне предстоит визит в середине сентября. Я уж сам измучился и всех, кто к этому имеет отношение, измучил. Самые умные головы думают. Что мне - сорвать визит, просто приехать и ничего не сказать, никакого шага ни туда, ни сюда. Идти на отдачу этих островов тоже нельзя. Интересная позиция у Солженицына. Я когда прилетел с официальным визитом в США, уже поздно вечером, первое мое действие позвонить Солженицыну. Состоялся очень хороший разговор, минут 30-40. По многим проблемам говорили с ним. И вот Курилы. Я, - говорит он, - изучил всю историю, начиная с XII века. Не наши эти острова. Отдайте. Но дорого!"². Ельцин, однако, не согласился с Солженицыным и в конце концов отказался от визита.

Солженицын сообщил своим читателям об этом разговоре с Ельциным еще позже - лишь в 1998 году. По свидетельству писателя, он просил Президента России не преувеличивать в России угрозы фашизма и национализма, а также предложил свой план отделения Чечни от России и левобережья Терека от Чечни с одновременной высылкой криминальных чеченцев из России³. Но Ельцин, как известно, и в этом вопросе не согласился с Солженицыным.

Весной 1993 года посол России в США Владимир Лукин обратился к Солженицыну с письмом, попросив писателя дать

119

оценку "сегодняшних российских дней". В это время расширялась и обострялась конфронтация между Президентом Ельциным и Съездом народных депутатов России, и поддержка Солженицына казалась важной для команды Президента. В ответном письме Александра Исаевича говорилось: "За последние четырнадцать месяцев народ и вовсе повергнут в нищету и в отчаяние. В такой момент особенно опасно пойти на лихие политические повороты. И, прежде всего - утратить курс на полномочную власть Президента, избранного всенародно, стоящего вне партий и выше их. Российская Федерация при ее размерах и многообразии не может существовать без сильной президентской власти. Депутаты не смеют швырять народную судьбу в игральные корыстные голосования. Как Президент с министрами не должны пренебречь уже годичным стоном народа, что реформа ведется не так"⁴.

Именно такого ответа и ждал Лукин. Противостояние Президента и Съезда привело, как известно, к кровавой развязке в октябре 1993 года. Но и в эти дни не только Мстислав Ростропович, но и Солженицын поддержал Ельцина, оправдывая, как меньшее зло, даже расстрел российского парламента из танковых пушек. "Нынешнее столкновение властей, - говорил Солженицын в своем интервью 21 октября 1993 года, - совершенно неизбежный и закономерный этап в нашем мучительном и долголетнем пути освобождения от коммунизма"⁵. Солженицын критиковал не самого Ельцина, а команду, которую он выбрал, "чтобы делать реформу". Эта команда "заворожена диктатом Международного валютного фонда и не мешает громадному разграбу национального достояния. Дремлет и бездействует также судебная власть"⁶.

Осенью 1993 года Солженицын прервал работу над эпопеей "Красное колесо" и начал готовиться к возвращению в Россию. Переговоры на этот счет вела жена писателя, которая несколько раз приезжала в Москву, не отказываясь и от коротких интервью. Речь шла не только о возвращении отобранной у семьи Солженицына московской квартиры, но и о покупке удобного дома где-нибудь на окраинах Москвы - такой дом был найден в громадном хозяйстве Управления делами Президента РФ. В декабре 1993 года Борис Ельцин позвонил в США Солженицыну, чтобы поздравить его с 75-летием. Солженицын в специальном письме к Ельцину не только поблагодарил его за поздравления, но и предложил свою помощь и поддержку в борьбе с коррупцией

120

ей и "безнаказанностью криминальных шаяк", а также со всем кольцом бед и язв, одолевающим российское общество, включая и злонамеренную приватизацию. Но это письмо Солженицына не было опубликовано в российской печати. Неудивительно, что Солженицын испытывал и некоторую тревогу. Он говорил в своих интервью западным газетам, что предвидит многие трудности для своей общественной деятельности в России, в том числе и со стороны властей, для которых он вряд ли будет желанным гостем. Тем не менее его решение неизменно. Весной 1994 года скорое возвращение писателя в Россию уже не было секретом и для российской общественности, хотя почти никто не знал ни деталей, ни конкретных сроков этого важного для многих события. Некоторые из политических наблюдателей задавались вопросом: как сложатся отношения между самым знаменитым русским писателем, не раз говорившим, что "его пером водит Бог", и Президентом России Ельциным, который нередко называл себя "хозяином" России? Этот вопрос беспокоил и

самого Ельцина. Известно, что он звонил весной 1994 года в Вермонт Солженицыну, однако содержание их разговора не стало предметом гласности.

В странах западной демократии крупных политиков мало заботит содержание романов и поэм. У президентов США и Франции нет проблем со своими писателями, даже если они имеют мировую известность и резко критикуют американское или французское общество. Но в авторитарной России были другие традиции. Александр Радищев был сослан в Сибирь за книгу "Путешествие из Петербурга в Москву". "Он бунтовщик хуже Пугачева", - сказала императрица Екатерина Вторая, повелев заковать писателя в кандалы. Отношения между Пушкиным и Николаем I стали предметом не только разного рода очерков, но и популярного в конце 20-х годов фильма "Поэт и царь". Александр Герцен был трудной проблемой для Александра II. Александр III и Николай II всерьез помышляли о заточении в монастырь Льва Толстого, который также писал царям пространные письма об "обустройстве России". Для Ленина и Сталина проблемой был Максим Горький, которого они всячески обхаживали. Солженицын, с презрением писавший о перерождении Горького, не раз говорил еще до возвращения в Россию, что он не собирается хвалить Ельцина ни в глаза, ни за глаза.

Борис Ельцин был оповещен заранее о приезде Солженицына в Россию, а также о маршруте его предстоящей двухмесяч

121

ной поездки через всю страну - с востока на запад. На митинге в центре Владивостока по случаю приезда писателя была зачитана приветственная телеграмма Ельцина Солженицыну. "У Президента глубокий интерес к личности и воззрениям Солженицына, - заметил на одной из пресс-конференций В. Костиков, - это отношение определяется масштабом личности писателя, его талантом, его подвижнической судьбой". Уже в июне 1994 года было объявлено, что между писателем и Президентом состоится встреча в Москве.

Во всех публичных выступлениях по дороге в Москву Солженицын не раз осуждал "реформы Гайдара и Чубайса", но избегал критических высказываний в адрес Ельцина. И, тем не менее, в их отношениях начало уже тогда возникать некое внутреннее напряжение, так как они занимали очень разные политические и нравственные позиции. В книге "Записки Президента", подписанной в печать еще в марте 1994 года, Ельцин писал с плохо скрываемым раздражением: "В интервью телекомпании "Останкино" Александр Солженицын задал вопрос интервьюеру, зрителям, всему народу, Президенту: "Вы свою мать будете лечить шоковой терапией? Мать - Россия. Мы - ее дети. Лечить мать шоковой терапией действительно жестоко. Не по-сыновьи. Да, в каком-то смысле Россия - мать. Но в то же время Россия - это мы сами. Мы ее плоть и кровь, ее люди. Я себя шоковой терапией лечить буду и лечил не раз. Только так - на слом, на разрыв - порой человек продвигается вперед, вообще выживает"⁷. Логика в этом рассуждении нет или есть весьма странная логика, по которой все, что может быть хорошим для Ельцина, хорошо и для народа России.

В сентябре 1994 года на вопрос социологов: "Кто из перечисленных ниже политиков и общественных деятелей выражает Ваше мнение и Вашу позицию по основным вопросам жизни России?" - граждане страны чаще всего называли Григория Явлинского. На второе место в этом списке вышел Солженицын, опередив Ельцина, Зюганова, Жириновского и Черномырдина. В этом же году было много разговоров о необходимости досрочных президентских выборов. Назывались разные кандидаты, в том числе и Солженицын. "Именно ему и только ему, заявлял писатель и литературный критик Игорь Виноградов, - я сегодня готов был бы отдать свой голос на любых президентских выборах, если бы он только согласился послужить России на этом поприще". Такое же предложение высказывала и известная обще

122

ственная деятельница Галина Старовойтова, подчеркнув, что только "Солженицын своим чутьем может помочь определить будущее страны, сформировав патриотическую русскую идею в нешовинистических словах и выражениях"⁸. Своим кандидатом в Президенты России называли Солженицына и многие мелкие объединения вроде "Союза

беспартийных граждан" в г. Саратове. В редакционной статье популярной газеты "Аргументы и факты" в августе 1994 года можно было прочесть: "Сейчас можно вполне спрогнозировать борьбу за симпатии россиян двух лидеров: Президента, избранного народом, и всемирно известного писателя, взявшего на себя роль заступника всех сирых и обездоленных. Борису Ельцину будет очень неудобен Солженицын. Ведь Президент не может вторить писателю и сетовать на то, что народ плохо живет. Ему либо нужно доказывать противоположное, либо менять политику. Но менять ее невозможно - у государства нет денег, чтобы жить по Солженицыну. А у Солженицына, в отличие от правительства, никто денег не требует. Солженицыну не надо ни перед кем заискивать, ему ведь некого бояться, авторитет у него планетарного масштаба. Начальников над ним нет и не будет. Он гражданин Земли, к его слову прислушиваются и "там", и "здесь". Маловероятно, что Александр Исаевич захочет побороться за пост Президента. Восьмой десяток - не шутка. Но место российского всесильного Дэн Сяопина или, если угодно, аятоллы Хомейни - ему гарантировано"⁹. Газета, как мы видим, "гарантировала" Солженицыну даже более высокое положение, чем пост Президента - положение неоспоримого духовного лидера страны, - ибо именно таким было положение Хомейни в Иране и Дэн Сяопина в Китае.

Не слишком удачные выступления Солженицына на телевидении, которые начались с конца августа и проходили еженедельно по вечерам на ОРТ, а также мало кого задевшее выступление писателя в Государственной Думе существенно ослабили авторитет Солженицына. Не встретила сочувственного отклика и опубликованная им программная идеологическая работа "Русский вопрос к концу XX века", которую мы смогли прочесть в конце лета 1994 года. Русский национализм и без того не являлся сколько-нибудь влиятельной идеологической концепцией в российском обществе. В Российской Федерации имелось больше десятка националистических партий и групп, но ни одна из них не была представлена отдельной фракцией в Государственной Думе, и все они придерживались разных версии "Русской

123

идеи" и "Русского пути". Однако предложенная Солженицыным концепция истории России не встретила поддержки даже среди писателей и политиков русского направления, - она была слишком тенденциозной и радикальной. Вся российская история - от Петра Первого до наших дней представлялась Солженицыну скопищем ошибок и упущенных возможностей. Главную критику писатель направлял не только против Ленина, но и против Петра Первого и Екатерины Второй, а среди генералов Великой Отечественной войны он особо выделил лишь генерала Власова, а также тех солдат и командиров, которые пошли "против Сталина". Эта позиция имела своих сторонников среди части российской и украинской эмиграции, но она была совершенно неприемлема для основной массы российского населения. Как раз в конце осени 1994 года, когда даже поклонники Солженицына испытывали чувства недоумения и разочарования, он получил приглашение из Кремля.

О предстоящей встрече Ельцина и Солженицына в общих чертах было объявлено заранее, и это вызвало волнение среди наиболее радикальной части русских националистов. Писатель Владимир Максимов, который в прошлом считал себя другом Солженицына, а теперь выступал с ожесточенной критикой и в адрес Ельцина, и в адрес Солженицына писал в статье "История одной капитуляции": "Неужели Солженицын удовольствуется жалкой ролью частного конфиденанта при пьяном самодуре, сознательно и беспощадно изничтожающем нашу общую родину Россию? Неужели не выкрикнет в лицо своему кремлевскому собеседнику и окружающей его алчной банде, да так, чтобы услышал весь мир, то, о чем еще не смеет или не имеет возможности прокричать сам вконец измороженный ими народ?"¹⁰.

Встреча и беседа Солженицына и Ельцина состоялась 16 ноября 1994 года в одной из подмосковных резиденций Президента и продолжалась необычно долго более 4-х часов. В этот же день с утра Ельцин встретился и с Патриархом Алексием II, который явно не

благоволил к Солженицыну, позволявшему себе резкую критику высшей церковной иерархии, как людей слабых и мало пекущихся о нуждах простого народа. Официальное сообщение о беседе Президента и писателя было очень скупым. Сообщалось только, что их беседа затронула "самые масштабные и острые проблемы жизни России и российского общества", а также "пути возрождения народной нравственности и народного самосознания". Отмечалось, что беседа была глубоко лич

124

ной, и на ней не было других участников, а тем более журналистов, и что Борис Ельцин остался доволен "как тональностью, так и содержанием разговора, который позволил выявить широкое поле взаимного понимания и взаимодействия"¹¹.

Сам Солженицын нигде не комментировал свою встречу с Ельциным, а на прямой вопрос одного из журналистов сказал только два слова: "Очень русский". Потом подумал немного и прибавил: "Слишком русский". Однако жена писателя Н. Светлова отметила в своем интервью, что беседа писателя и президента была уважительной, и Ельцин внимательно выслушал соображения и вопросы Солженицына. Лишь много позже некоторые из подробностей этой встречи изложил в своей книге пресс-секретарь Президента Вячеслав Костиков. "Помню, - писал он, - как серьезно президент готовился к встрече с вернувшимся в Россию писателем. Мы сделали для него несколько записок по этому поводу. Борис Николаевич явно нервничал, видимо, не совсем понимая, "как себя поставить". К этому времени у него уже окрепла привычка вести разговор в тональности - "как президент, я...". Но в данном случае так явно не годилось, и он чувствовал это. Его пытались настроить на вельможный лад. Ему говорили: "Ну что Солженицын? Не классик же, не Лев Толстой. К тому же всем уже надоел. Ну, пострадал от тоталитаризма, да, разбирается в истории. Да таких у нас тысячи! А вы, Борис Николаевич - один". Но Ельцин избрал другой тон. Разговор прошел просто, очень откровенно, без сглаживания политических разночтений. Они проговорили четыре часа и даже выпили вместе водки"¹².

В 1995 году какие-либо новые встречи Ельцина с Солженицыным стали невозможны, так как писатель подверг резкой критике начавшуюся в декабре 1994 года военную операцию в Чечне. "Открытие военных действий в Чечне, публично заявил Солженицын, - это тяжелая политическая ошибка. В любом случае - и при успехе военных действий, и при неудаче - это принесет нам политический ущерб - и в отношениях с Кавказом, и с мусульманским миром вообще. Надо добавить к этому еще и наглядную военную бездарность. Ужасно, что эти военные действия были начаты. Этого нельзя было делать ни в коем случае"¹³. Но Солженицын и теперь ничего не говорил о Ельцине, но лишь о "промахах правительства и президентской команды". К тому же он повторил свой план отделения Чечни от России, но без левобережья Терека и "объявления всех чеченов на россий

125

ской земле иностранцами", которые должны либо получить визу и объяснить свою пользу России, либо покинуть нашу страну. Солженицын предложил также отозвать все российские войска из Таджикистана и изменить привилегированное положение, которое якобы имеют в России татары, якуты, башкиры, карелы и многие другие национальные меньшинства. "Россия никогда не была федерацией, - заявил Солженицын, - все это искусственное ленинское изобретение". Все эти предложения были поверхностны и неприемлемы для современного российского государства, которое не является государством одного лишь русского народа, и в котором национальная и государственная идея не совпадают, но дополняют друг друга.

В 1995 году Россия вступила в очередной цикл выборов, и разговоры о выдвижении Солженицына на пост Президента возобновились, хотя и не так активно. Группа молодых политиков из разных партий призывала в самом начале года в своем Открытом письме: "Александр Исаевич! Помогите нам еще раз! Силам возрождения России нужен Ваш авторитет. То, чего Вы достигли в жизни, не достичь ни одному президенту. Ради России

нашей, ради нас и наших детей Вы должны подумать о возможном согласии быть избранным на высшую должность в государстве"14. В 1996 году, уже после начала избирательной кампании по выборам Президента, призыв к писателю - выдвинуть и его кандидатуру обнародовал в нескольких газетах известный правозащитник Лев Тимофеев. Солженицын, как и следовало ожидать, не принял этих предложений и не стал их комментировать. На протяжении всей избирательной кампании он не критиковал Ельцина, но и не высказывался в его пользу. Перед вторым туром Солженицын не слишком внятно, но призвал все же избирателей голосовать сразу против двух кандидатов. Он продолжал критиковать многие аспекты внешней и внутренней политики России, но ни разу не высказался лично о Ельцине. В интервью газете "Аргументы и факты" на прямой вопрос: "Как Вы оцениваете действия Президента Ельцина?" писатель ответил: "Я знаю, что истинную оценку политическим деятелям можно дать только тогда, когда обнаружатся все скрытые от глаз обстоятельства. Лишь через полвека я добрался до истинной сути и психологии деятелей 1917 года - и написал эпопею "Красное колесо". Я думаю: пройдет время, и другой русский писатель, хорошо ознакомившись со всеми тайнами десятилетия 1985-1995 годов, напишет о нем другую эпопею - "Желтое колесо"15. Это интервью было богато и други

126

ми намеками, ибо ни одни лишь специалисты по геральдике знают, что в политике каждый цвет имеет и символическое значение: - белый и красный, черный и коричневый, зеленый и желтый... Но Солженицын в любом случае мог сказать, что его неправильно поняли. Но почему мы должны откладывать на 50 лет свои оценки политикам? Без оценок и суждений современников никакой будущий историк или писатель не сможет понять и описать "дела давно минувших дней". Борис Ельцин, впрочем, не слишком высоко оценил молчание писателя и его уклончивые ответы. Всеми было замечено, что на торжественную процедуру инаугурации Президента России 9 августа 1996 года не были приглашены два живущих в России лауреата Нобелевской премии - Михаил Горбачев и Александр Солженицын.

Осенью 1996 года и почти весь 1997 год Борис Ельцин был болен и не слишком активно участвовал в государственных делах. Были свои недуги и у Солженицына, который значительно сократил масштабы своей общественной деятельности. В 1998 году Солженицын опубликовал небольшим тиражом книгу "Россия в обвале", - последнюю, как он сказал, работу подобного типа. В книге была дана крайне мрачная картина крушения и развала российского государства, общества, экономики, национальной жизни. Здесь имелось много упреков в адрес Запада, в адрес "преступного правительства", в адрес самого русского народа. Впервые прозвучали здесь и осторожные упреки лично в адрес Бориса Ельцина: "Ельцин пошел на ненужные уступки Западу", "наш президент слишком за Америку", "интриганский наскок Беловежья", "президент России смотрел назад и бесчувственно отдал миллионы русских Украине и Казахстану", "президент не заботится о беженцах", "мы слышим из Кремля отечески монарший тон" и т. п.

В самом конце 1998 года Б. Ельцин подписал Указ о награждении А. И. Солженицына в связи с его 80-летием орденом Святого Андрея Первозванного высшим орденом Российской Федерации, которым до сих пор в России и СНГ были награждены всего четыре человека. Этот орден был учрежден еще Петром Первым и имел очень высокий статус - за 200 лет до 1917 года в Российской Империи этот орден был вручен менее чем тысяче человек. Упраздненный при Советской власти орден Святого Андрея Первозванного с выложенным на нем бриллиантами девизом "За веру и верность" был восстановлен Указом Бориса Ельцина. Однако на чествовании писателя в театре драмы на Та

127

ганке после спектакля "Шарашка" - по роману Солженицына "В круге первом", Солженицын заявил о своем отказе принять этот орден из рук "этой власти" и при нынешнем бедственном положении России. Но тут же сделал спасительную для имиджа Президента Ельцина оговорку - "Может быть, может быть, через много лет дети мои примут эту

награду". Орден, таким образом, оставался все же за Солженицыным, и именно так комментировали этот эпизод многие газеты.

В 1999 году А. Солженицын очень мало появлялся на разного рода публичных мероприятиях, говорили, что он нездоров. Однако весной 2000 года Александр Исаевич прервал долгое молчание. Только в первой половине мая он дал два больших телевизионных интервью на НТВ, а затем при большом стечении публики и корреспондентов встретился с читателями и работниками Российской государственной библиотеки. И само выступление Солженицына, и его подробные ответы на устные и письменные вопросы были очень интересными и нашли горячий отклик среди слушавших. При этом все отметили, что Солженицын впервые за 10 лет дал свою характеристику Борису Ельцину, который уже не являлся Президентом России. "Мы беспечно притворяемся, - сказал Солженицын в интервью НТВ, - будто у нас в России все дела идут в общем-то нормально, терпимо. Нет! В результате ельцинской эры разгромлены все основные направления нашей государственной, народнохозяйственной, культурной и нравственной жизни. Ничего не осталось такого, что не было бы разгромлено или разворовано. Вот среди этих руин мы сегодня живем и ищем выхода. Мы бросили 25 миллионов наших соотечественников в странах СНГ, вернее, бросили их не мы, а президент Ельцин, бросил как собак, без всякой защиты их прав, без всякой заботы об их нуждах, без попытки помочь им переселиться к нам. Ельцин предпочитал обниматься и целоваться с диктаторами и вручать им награды российские"¹⁶. Еще более сурово отзывался Солженицын о Ельцине на встрече с читателями Российской библиотеки. "Снятие с Ельцина ответственности, - сказал писатель, - я считаю позорным. И Ельцин, и еще сотня-другая с ним должны отвечать перед судом!"¹⁷. Не слишком приязненно отзывался тогда Солженицын и о Владимире Путине - "монархическом наследнике республиканского президента, еще не сделавшем никаких одобрительных, оздоровляющих шагов".

128

Литература и примечания

1 А. И. Солженицын. Публицистика. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 353.

2 Костиков Вячеслав. Роман с Президентом. М., 1997. С. 96-97.

3 А. И. Солженицын. Россия в обвале. М., 1998. С. 85.

4 "Московские новости", 1993, № 11. С. 10.

5 А. И. Солженицын. Публицистика. Т. 3. Ярославль, С. 463.

6 Там же. С. 440.

7 Ельцин Борис. Записки Президента. М., 1994. С. 239.

8 "Новое время", 1994, № 27. С. 31.

9 "Аргументы и факты", 1994, № 30. С. 2.

10 "Наш современник", 1998, № 11-12. С. 185.

11 "Сегодня", 18 ноября 1994 года.

12 Костиков Вячеслав. Роман с Президентом. М., 1997. С. 339.

13 "Аргументы и факты", 1995, № 1. С. 1-3.

14 "Независимая газета", 11 января 1995 года.

15 "Аргументы и факты", 1996, № 3. С. 5.

16 Диктофонная запись. "Советская Россия", 16 мая 2000 года.

17 "Московские новости", 20-29 мая 2000 года.

129

Русский вопрос по Солженицыну

Национальный патриотизм Солженицына

Сам Солженицын неоднократно определял свою идеологию не как национализм, а как национальный патриотизм. "Мы понимаем, - писал он, патриотизм как цельное и настойчивое чувство любви к своей нации со служением ей не угодливым, не поддержкою несправедливых ее притязаний, а откровенным в оценке пороков, грехов и в раскаянии. Усвоить бы нам, что не бывает народов, великих вечно или благородных вечно: это звание

трудно заслуживается, а уходит легко. Что величие народа не в громе труб: неоплатную духовную цену приходится платить за физическую мощь. Что подлинное величие народа - в высоте внутреннего развития и в душевной широте, к счастью природенной нам"1. Александр Солженицын не скрывает своей любви к русскому народу - народу открытому, прямодушному, даже простоватому, уживчивому и доверчивому, скромному в совершении подвига, великодушному, который не гонится за внешним успехом и обладает невиданным у других народов долготерпением и долговыносливостью. Русский человек обладает и ленью и лихостью, в нем есть и покорность судьбе, и богатырство, он готов и к раскаянию, и к подчинению воле вожака. И хотя измолотили русских как народ, как нацию и нынешние демократы, и большевики и еще Петр своей дубиной, "заявлю хоть под клятвой наш Дух - еще жив! и - в стержне своем - еще чист!"2.

Нельзя говорить о русском народе только с этнической точки зрения. "Когда мы говорим "национальность", - замечал Солженицын, - мы имеем в виду не кровь, а всегда дух, сознание, направление предпочтений у человека. Смешанность крови ничего не определяет. Уже века существует русский дух и русская культура, и все, кто к этому наследству привержены душою, сознанием, сердечной болью, - вот они и суть русские... По содержанию мы понимаем под словом русские не непременно этнических русских, но тех, кто искренне и целно привержен по духу, по направлению своей привязанности и преданности к русскому народу, его истории, культуре, традициям"3. Русский на

130

род не единственная, но главная нация в России, а православие не единственная, но главная религия в России. Когда Солженицына незадолго до его возвращения в Россию после 20-летней эмиграции спросили: "А что такое Россия? Это этнос? Это религия? Это язык и культура?" - писатель сразу ответил, что Россия - это не этническое понятие, а понятие истории и культуры. "Россия - это совокупность многих наций, крупных, средних и малых, с традиционной взаимной веротерпимостью, с русским языком - государственным и межнационального общения, с русской культурой - высокого уровня и большого международного веса воспринятой образованными слоями всех этих народов. Уже перед 1917 годом управляющий аппарат России был и многонациональным, и всесловным"4.

Взгляды Солженицына на Россию и на русских, как нацию, мало менялись в последние 30 лет, когда главной его работой стала огромная эпопея "Красное колесо". Даже не в самом начале этой работы, но лишь в конце 70-х годов Солженицын пришел к выводу, что истинный смысл его нового положения и его главная задача - это "отстояние неискаженной русской истории и путей русского будущего"5. В 60-е годы таких задач Солженицын перед собой еще не ставил, и главными темами его рассказов, повестей, романов и публицистики были не судьбы России и не национальные проблемы русского народа. Как известно, в 60-е годы и в диссидентском движении, и в подцензурной печати образовалось три главных направления общественной мысли и полемики: правозащитники или демократы-западники, сторонники социализма с человеческим лицом и националисты. Последнее течение было достаточно сильным на Украине, в Закавказье и в Прибалтике, но не в России, где откровенный национализм был непопулярен среди интеллигенции. В Самиздате это течение было представлено журналами "Вече" и "Земля", которые были связаны в первую очередь с именем Владимира Осипова, а также "Московским сборником", который начал выпускать Леонид Бородин. Оба журнала были разгромлены, а В. Осипов и Л. Бородин оказались в заключении. На легальном уровне русскую национальную идею развивали в своем творчестве такие люди как Андрей Тарковский, Василий Шукшин, Владимир Солоухин, Виктор Чалмаев, Петр Палиевский и другие. Близки были к ним и писатели - "деревенщики": Василий Белов, Борис Можаев, Федор Абрамов, Владимир Тендряков. Солженицына приветствовали тогда все оппозиционные течения, еще не рас

131

колотые сильно дискуссиями 70-х годов. Правозащитники отмечали редкие, но мощные выступления Солженицына против засилья цензуры и против психиатрических

репрессий. Социалисты видели в Солженицыне своего союзника в борьбе против сталинизма и находили даже в "Раковом корпусе" признаки этического социализма - одного из течений социал-демократической мысли. Националисты писали о народности образов Ивана Денисовича и Матрены у Солженицына и выделяли его рассказ "Захар-Калита". Основной темой Солженицына, - как об этом писал нобелевский лауреат Генрих Белль, была тогда тема человека в неволе - в тюрьме, в лагере, в шарашке, в раковом корпусе, в советском колхозе. Писатель держался в стороне от уже обозначивших себя литературных и политических течений.

Присуждение Солженицыну Нобелевской премии по литературе за 1970 год, его все более отрытая борьба с режимом, наконец, публикация на Западе "Архипелага ГУЛАГа" и высылка писателя из Советского Союза сделали Солженицына самым известным и авторитетным в мире писателем, к каждому выступлению которого прислушивался в середине 70-х годов почти весь мир. Именно в это время Александр Солженицын опубликовал свои главные программные документы и статьи: "Письмо вождям Советского Союза", статьи "Образованщина", "На возврате дыхания и сознания", "Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни", в которых и изложил свои "генеральные идеи" - в основном о бедствиях и судьбе русского народа. Эти статьи вызвали тогда множество откликов в нашем диссидентском движении главным образом критических. Разочарованы были и многие поклонники Солженицына на Западе. Как писал известный публицист и один из ведущих авторов газеты "Нью-Йорк таймс" Хедрик Смит, "Восхищение Александром Солженицыным сменилось на Западе запоздалым разочарованием, которое показало, что иностранцы по-прежнему не понимают ни этого человека, ни национальной сути России вообще. Солженицын сбил с толку Запад, не оправдав его ожиданий. Для людей Запада было потрясением, что в появившемся манифесте писателя предлагалась не модель свободного общества, основанного на достижениях современной науки и цивилизации городского типа и органически входящего в современный мир, а мистическое видение будущего, обращенного к прошлому, мечта о возрождении святой Руси, путем ее обращения внутрь себя и отрицание XX века. Иностранцы находили идеи писателя неуклю-

132

жими и архаичными. Однако для множества русских людей целый синдром чувств и настроений писателя, определяемых его склонностью к религиозному русофильству имели большую притягательную силу. Солженицын более ярко выразил глубокую тоску по русскому прошлому, романтизму сельской жизни, возрождающийся интерес к православной религии и к великому русскому национализму"⁶. Известный американский советолог, историк и публицист Харрисон Э. Солсбери был более академичен в своем анализе новых программных статей Солженицына. "Будучи прочно связан с прошлым, - отмечал Х. Солсбери, - Солженицын извилистыми нитями славянской традиции, славянского языка, славянских обычаев и жизнестойкой философией Русской православной церкви соединяет с прошлым будущее России. Далеко не отвергая русского национализма, он гордится им, как величайшей традицией России, и с презрением отзывается о западной демократии. Бог и религиозные убеждения лежат в основе философии Солженицына. Подобно евангелическому пастору он призывает своих русских читателей и Россию вступить на путь национального раскаяния, являющегося "единственно возможной исходной точкой для духовного роста". Наиболее ожесточенные выпады он направляет против интеллигенции с ее культом фальшивых кумиров. Фактически он ставит под сомнение сам факт существования в России подлинной интеллигенции - класса, деятельность которого была бы одухотворена благородными идеалами борьбы за лучшее будущее народа и страны. Так называемую интеллигенцию в России составляют материалистически мыслящие индивидуумы, движимые стремлением к привилегиям, материальным и личным целям. Философия Солженицына обрисовывается таким образом как единое и сложное целое, явно коренящееся в традиционной славянофильской мысли XIX века и включающее убеждение в достоинствах русского православия. Современные методы управления представляют для него мало

интереса. Крестьяне совершили революцию не ради свободы и культуры, а ради земли, которой они так и не получили. Но Солженицын верит, что именно в крестьянской массе существует сила, способная освободить Россию от кошмаров XX века"7.

Не только диссиденты, но и советская интеллигенция, которую Солженицын презрительно называл "образованщиной", не могла, естественно, принять этой проповеди Солженицына. Резко критически она была встречена и среди значительной части

133

эмиграции. Враждебное отношение к российской интеллигенции было характерно в начале XX века для всех почти российских религиозных философов, но также и для большевиков - в этом Солженицын не был оригинален. Но в середине 70-х годов мало кто мог ждать, что главной силой русского возрождения станет крестьянство. Впрочем, и среди западных интеллектуалов Солженицын быстро терял популярность. Новые и многочисленные выступления Солженицына в 1976-1979 гг. - на этот раз с резкой критикой не Советского Союза, а самого Запада, западной политики, западных СМИ, всей западной цивилизации, людей Запада, которые "забыли Бога" и уже 2 или 3 столетия идут по "неправильному пути"; все это крайне усилило разочарование западных политиков и интеллектуалов в Солженицыне. Однако выступления Солженицына было невозможно игнорировать, и с ним приходилось вступать в открытую полемику. К тому же и теперь некоторые из литераторов и советологов продолжали восхвалять Солженицына, приветствуя почти каждое его слово и заявление как откровение. В Западной Европе это был в первую очередь Жорж Нива, автор книги "Солженицын" из большой серии книг "Писатели на все времена", выпускаемых издательством "Сей". Лишь три книги из этой серии в 104 тома были посвящены живым классикам8. В Израиле это была в первую очередь Дора Штурман, автор нескольких книг о Солженицыне, одна из которых была специально посвящена публицистике и взглядам писателя9. В США это был обозреватель газеты "Вашингтон пост", журнала "Ньюсуик" и комментатор телевидения Джордж Ф. Уилл, который считал появление и проповедь Солженицына едва ли не главным событием XX века. "На протяжении двух столетий, - писал Д. Ф. Уилл, - на род человеческий обрушивались ложные концепции сначала физики, потом биологии и психологии, потом социологии, а сейчас биохимии, с помощью каждой из которых нас разными способами старались убедить, что человек не свободен, что он является порождением обширных безличных сил и что отдельные личности не имеют значения. Жизнь Солженицына свидетельствует: "Это неверно"10.

В 80-е годы А. Солженицын мало выступал по национальным проблемам, хотя ему и приходилось защищаться от обвинений в антисемитизме "Красного колеса" и полемизировать с "плюралистами" из советской эмиграции. Однако в начале 90-х годов, готовясь к возвращению в Россию, он должен был подвести какой-то итог своим размышлениям о судьбе России и рус

134

ской нации. В 1993 году Солженицын несколько месяцев работал над большим очерком "Русский вопрос к концу XX века". Редакция "Нового мира" получила текст этого очерка еще до того, как сам писатель вернулся в Россию. По плану, составленному самим Солженицыным, его прибытие в Москву намечалось на июль 1994 года, и как раз в № 7 "Нового мира" был опубликован очерк писателя "Русский вопрос...". Вскоре он был издан и отдельной брошюрой. Эта работа Солженицына прошла, однако, почти незамеченной. Ее не обсуждали в печати ни либералы-западники, ни националисты, ни коммунисты. Российское общество еще не оправилось от потрясений 1993 года. Экономика и финансы страны разрушались. Политическая элита была расколота, и режим Ельцина искал спасения в небольшой победоносной войне в Чечне. Мы знаем, чем это кончилось. Солженицын был явно обижен невниманием к своим проповедям. Только через 4 года он вернулся к изложению своих взглядов на национальные проблемы России, опубликовав новую большую работу - "Россия в обвале". "При всей затяжности нового глубокого государственного и всежизненного кризиса России, - писал автор в предисловии, - я не надеюсь, что и мои

соображения могут в близости помочь выходу из болезненного размыва нашей жизни. Эту книгу я пишу как один из свидетелей и страдателей бесконечно жестокого века России - запечатлеть, что мы видели, видим и переживаем"¹¹. Отдельные главы из новой книги начали публиковаться в российских газетах уже в мае; вся книга поступила в продажу в конце июня, и тираж ее был невелик. Однако обсуждение новой работы Солженицына, едва начавшись, было прервано. Финансовый крах 17 августа, экономические и политические потрясения сентября 1998 года, т. е. новый "обвал" вновь отвлекли всех нас от национальных проблем. Но не только экономические неурядицы, политические трудности и военные конфликты помешали проведению сколько-нибудь широкой и основательной дискуссии вокруг идей и предложений А. Солженицына. Для всех почти течений и групп в российском образованном обществе не слишком привлекательными оказались и сами эти идеи. Солженицын никогда не был склонен и способен вести диалог. Но у него не нашлось и верных последователей, которые могли бы взять эту работу на себя. Такое одиночество Солженицына как национального мыслителя и идеолога не кажется удивительным, ибо оно связано с крайней неубедительностью всех главных концепций солженицынского национализма.

135

Идеальное русское государство по Солженицыну

Идеальное русское государство по Солженицыну - это не демократическое государство, а государство авторитарное, в котором не должно быть никаких политических партий, ограниченных и своекорыстных. Всеобщие выборы и многопартийный парламент - это бедствие для народа. Страной должны управлять не партийные демагоги и не алчные паразиты, богачи-"грязнохваты", а мудрые и совестливые люди. "Все добрые семена, какие на Руси еще чудом не дотоптаны, мы должны выберечь и вырастить". Есть еще рассеянные по всей России духовно здоровые люди, их надо собрать, и они "возрастая, взаимовлияя, соединяя усилия", постепенно оздоровят нашу нацию. Демократия пугает Солженицына гораздо больше, чем авторитарный строй. Еще в своем "Письме вождям" Солженицын предостерегал от "внезапного введения демократии", которое может повести к повторению горестных событий 1917 года. "Записывать ли нам себе в демократическую традицию - соборы Московской Руси, Новгород, казачество, сельский мир? - спрашивал Солженицын. - Или утешиться, что и тысячу лет жила Россия с авторитарным строем - и к началу XX века еще весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа?"¹². Невыносима не сама авторитарность, но навязанная народу повседневная идеологическая ложь, произвол и беззаконие. "Авторитарный строй, - пояснял писатель, - совсем не означает, что законы не нужны, что они не должны отражать понятия и волю населения. Все зависит от того, какой авторитарный строй ожидает нас и дальше"¹³. И это были не тактические уловки, рассчитанные на уровень понимания "вождей Советского Союза". В программных статьях Солженицына в сборнике "Из под глыб" можно было прочесть немало столь же удивительных заявлений. "Россия тоже много веков просуществовала под авторитарной властью нескольких форм и тоже сохраняла себя и свое здоровье. - И миллионы наших крестьянских предков за десять веков, умирая, не считали, что прожили слишком невыносимую жизнь". "Свою внутреннюю свободу, - заявлял автор "Архипелага" своим пораженным читателям, - мы можем твердо осуществлять даже и в среде внешне несвободной. В несвободной среде мы не теряем возможности развиваться к целям нравственным"¹⁴. Мы видим, что и свобода также не являлась и не является для Солженицына одной из базовых ценностей.

136

Но что же должно быть главным в идеальном русском государстве, что должно лежать в основе его законов, его морали, что должно быть определяющим для поведения и жизни его граждан? Это не просто вера в Бога. Это даже не современная православная церковь, которая по разным причинам ослабла. Нет, это "древнее, семивековое православие Сергия Радонежского и Нила Сорского, еще не издерганное Никоном, не оказанное Петром".

"Знала же когда-то и Россия, - восклицает Солженицын, - такие века в своей истории, когда общественным идеалом была не знатность, не богатство, не материальное преуспевание, а святость образа жизни. Россия была тогда напоена православием, сберегшим верность первоначальной Церкви первых веков. То древнее православие умело сохранять свой народ под двумя-тремя веками чужеземного ига. В те века православная вера вошла у нас в строй мысли и людских характеров, в образ поведения, в строение семьи, в повседневный быт, в трудовой календарь, в очередность дел, недели, года. Вера была объединяющей и крепящей силой нации"¹⁶.

Но возможно ли вернуть этот "золотой век" в современной России? Солженицын оценивает шансы России на спасение как 50 на 50. Россия сможет спастись духовно, если сумеет сочетать силу Русского Духа с правотой и могуществом Высшей Силы. Русские люди не должны ждать одной лишь милости от Высшего Духа, а тем более от разного рода властных благодетелей. Народ должен действовать и сам. "Мы сами, - заявляет писатель, - если имеем волю не сгинуть с планеты вовсе, должны своими силами подняться из нынешнего гибельного прозябания. Надо изменить само поведение наше: усталое безразличие к своей судьбе"¹⁷. Этот призыв верен. Но надо ведь более точно знать, что мы должны делать конкретно, что поднимать, чему помогать и чему препятствовать? Многие советы, которые мы слышали и продолжаем слышать на этот счет от Солженицына, вызывают большое сомнение.

Говоря о судьбе русской нации в современной России, Солженицын не забывал и не забывает о судьбе других средних и малых народов России, хотя и не слишком заботится о них. Писатель не приемлет понятия "россиянин", считая его ошибочным и чуждым как для русского, так и для чуваша или мордвина. А между тем это понятие не только прочно вошло в наш политический и литературный языки, но стало основополагающим для российского гражданского общества, подобно понятиям кана

137

дец, американец, индус, австралиец, применяемым в других многонациональных странах с федеральным устройством. Да, конечно, русские были гуманнее американцев и, заселяя обширные земли на юге и на востоке, они не уничтожали и не сгоняли оттуда другие коренные народы. В результате и после распада Советского Союза, который оставил за границами России более 20 миллионов русских людей, Россия не стала национальным государством, а осталась "сплетением наций", которое Солженицын считает не благом, не даром судьбы, не преимуществом, а бедствием. Для большинства разумных российских политиков и идеологов многонациональность России при несомненной и ведущей роли русской нации и русской культуры - это важный фактор, который позволяет укрепить страну, подобно тому как может укрепить металл хорошо подобранный сплав нескольких других металлов. Но для Солженицына это скорее проклятье, препятствие на пути к чистой православной жизни. "По вековому ходу событий, - утверждал писатель в 1998 году, - и по государствообразующей роли, и по перемежному географическому расселению - русские в России стали народом объемлющим, как бы протканной основой многонационального ковра, - не частое этническое явление. Это обернулось для русских бременем или роком сквозь всю российскую историю"¹⁸. И еще не раз и не два Солженицын писал о "нашем роковом историческом наследии - объемлющей нации". Что делать для ослабления этого "бремени" Солженицын знает не слишком хорошо. В любом случае надо избавиться от ленинского наследия и от "большевицких конструкций" и отменить всякого рода государственные автономии в России, оставив за татарами, чувашами, башкирами, якутами, осетинами и другими лишь культурную автономию.

Национально-территориальные автономии в России - это ошибка Ленина, которую Ельцин еще усугубил своей политикой суверенитетов. Спорить на этот счет с Солженицыным невозможно, ибо невозможно разделить его основных посылок и о современной, и о древней России - времен Ивана Калиты или Ивана Грозного.

Крайнее неодобрение вызывают у Солженицына все крупные российские города. И

дело не только в их размерах, в неприличной высоте зданий, в шуме транспорта, в искусственности их комфорта. Эти города уже не могут быть центрами национальной жизни, они смешали все религии и все нации. Именно горо

138

да стали в России местом жизни "безстатусных" народов - евреев, поляков, греков, а после распада СССР армян, азербайджанцев, грузин, выходцев из Средней Азии, даже китайцев и корейцев. Что же нужно делать в России, чтобы сберечь и спасти русскую национальную жизнь и русский дух? По мнению Солженицына, Россия должна укрепить и усилить свою изоляцию не только от стран Запада, но и от стран Востока. А для России Востоком являются сегодня многонациональный Кавказ и Средняя Азия. Поэтому Россия должна уйти из Закавказья, она должна убрать свои войска из Таджикистана, не вмешиваться в "чуждые нам междоусобицы" и не создавать никаких оборонительных союзов с этими странами, такие союзы "слишком отяготительны". Россия должны брать в этом пример с Японии, которая строго оберегает от всякого вмешательства свою национальную жизнь и свою цивилизацию. О Японии и ее склонности к самоизоляции Солженицын пишет с большим уважением. Россия, по его мнению, обидела Японию в 1945 году и должна ныне отдать ей безоговорочно Курильские острова. "Тут непростительная упорная тупость наших властей с Южными Курилами. Беспечно отдав десяток обширных русских областей Украине и Казахстану, они с несравненной лжепатриотической цепкостью и гордостью отказываются вернуть Японии острова, которые никогда не принадлежали России, и на которые до революции она никогда не претендовала"¹⁹. Это весьма спорный тезис, ибо до 1870 года Курильские острова не принадлежали и Японии, и решение всей этой проблемы не может быть столь простым, как думает Солженицын. Беспокоят Солженицына и отношения России с громадным Китаем. Как удержать Сибирь от ее "мирного освоения" Китаем? И здесь Солженицын снова возвращается к своей любимой мысли еще из "письма вождям" - надо сделать Сибирь центром национальных усилий и центром национальной жизни России, разом решив все те национальные проблемы, которые уже невозможно решить ни в многонациональной Москве, ни в чуждом для российского духа Санкт-Петербурге. "Нашей правящей олигархии, - утонувшей во внутренних интригах, ничтожных расчетах и жадном обогащении - хоть когда-нибудь оторваться бы и поднять глаза на эти Божьи просторы несказанной красоты, души и богатств, - которые по несчастному року, но лишь на отмеренный срок, достались в ее вредительное владение"²⁰. Еще в начале 70-х годов в сборнике "Из-под глыб" Солженицын написал своеобразное поэтическое эссе о россий

139

ском Северо-Востоке, который включает весь Север Европейской России, всю Сибирь и весь Дальний Восток, особенно "выше магистрали": - и бесконечные просторы тайги, и тундру, и вечную мерзлоту Колымы, Камчатки, Чукотки, Таймыра и Ямала. Северо-Восток, по Солженицыну, это "тот ветер, в котором вся судьба России", это тот вектор, который давно указан России для ее естественного движения и развития, но не угадан Петром и заброшен позднее. Мы Россия - "Северо-Восток планеты, и наш океан - Ледовитый, а не Индийский. Наших рук, наших жертв, нашего усердия, нашей любви ждут эти неохватные пространства, безрассудно покинутые на четыре века в бесплодном прозябании. Северо-Восток - ключ к решению многих якобы запутанных русских проблем. Не жадничать на земли, не свойственные нам, русским, или где мы не составляем большинство, но обратить наши силы, но воодушевить нашу молодость - к Северо-Востоку. Его пространства дают нам место исправить все нелепости в построении городов, промышленности, электростанций, дорог. Его холодные, местами мерзлые пространства еще далеко не готовы к земледелию, потребуют необъятных вкладов энергии, но сами же недра Северо-Востока и таят эту энергию, пока мы ее не разбазарили. Это путь самоограничения, это выбор вглубь, а не вширь, внутрь, а не вовне; все развитие свое - национальное, общественное, воспитательное, семейное и личное развитие граждан Россия направит здесь к расцвету внутреннему, а не внешнему. Это не значит, что мы закроемся в себе уже навеки. То не соответствовало бы

общительному русскому характеру. Когда мы выздоровеем и устроим свой дом, мы, несомненно, еще сумеем и захотим помочь народам бедным и отсталым"²¹.

Нет смысла спорить здесь с Солженицыным, доказывая ему, что именно в XX веке и особенно в советское время на Северо-Востоке и в освоении Ледовитого океана было сделано больше, чем в предыдущие 400 лет. Но что можно было сделать здесь еще больше, да еще без железных дорог и городов? Да и как жить здесь с дефицитом простого солнечного света? Кто согласится с мотивировками и сроками, которые предлагает писатель? Северо-Восток России - это работа на столетия, а Солженицын еще в 1973 году говорил о предельных сроках в 25-30 лет, пугая нас заселением сибирской тайги другими народами. Русские религиозные философы начала XX века также много говорили и писали о русском Севере. Но они имели в виду земли ар

140

хангельские и вологодские, новгородские и вятские, мурманские и карельские, где русские люди жили и 600 лет назад, не зная татарского ига.

Солженицын признавал в своих литературных дневниках, что не слишком много читал и не слишком хорошо знает работы русских религиозных мыслителей. Однако сам способ и логика рассуждений, основанных не на реальных фактах, а на иррациональных предположениях и националистических фантазиях, приводит к удивительным совпадениям в выводах и предложениях А. Солженицына и тех русских религиозных философов, которые писали о пути и предназначении России не в конце XIX века, а в 30-е годы XX века. Многие из этих мыслителей думали тогда о том - какой должна быть Россия после неизбежного, по их мнению, падения Советской власти. Так, например, Иван Ильин (1882-1954), выступая в начале 30-х годов в разных эмигрантских аудиториях с докладом "Творческая идея нашего будущего", говорил, что созданию крепкого русского национального характера, который мог бы устоять перед соблазнами большевиков, мешали не только бесконечные войны России и вызванный этими войнами крепостной уклад, но и "разноименная толща малых, преимущественно азиатских народностей". "Этот предел, - заявлял Ильин, - мы должны в ближайшие 50 лет преодолеть и перешагнуть". Размышляя о путях создания нового национального русского государства после падения власти большевиков, Иван Ильин писал о необходимости для этого национального и православного духовного воспитания. "Русская душа должна приобрести уклад волевой, достойный и царственный". Русские люди могут победить только "соборным усилием, огромным и длительным напряжением веры, воли и политической мудрости", и этот порыв должен начаться "от меньшинства, которое должно сплотиться под руководством единоличного вождя". Демократия - это не русский путь, ибо слишком много препятствий и отрицательных факторов надо преодолеть²². Такой известный русский философ "как Павел Флоренский (1882-1943), уже находясь в тюрьме на Соловках, написал с согласия или даже по требованию следствия, большую работу с изложением своих взглядов на будущее государственное устройство России. В этой рукописи, к счастью сохранившейся, можно было прочесть, что в основе внутренней политики будущего русского государства "должен лежать принципиальный запрет каких бы то ни было партий. Оппозиционные партии тормозят деятельность государства, партии же,

141

изъявляющие особо нарочитую преданность, не только излишни, но и разлагают государственный строй". Верховному правительству идеального русского государства нужны только собрания советников разного типа, но при том условии, что их состав устанавливается каждый раз особым актом. "Обсуждаемое государство, - писал Флоренский, - представляется крепким изнутри, могущественным вовне и замкнутым в себе целым, не нуждающемся во внешнем мире и по возможности не вмешивающимся в него, но живущим своею полною и богатою жизнью". Новой Россией, по Флоренскому, должны править мудрые люди, и это должна быть диктатура. Всякое демократическое представительство вредно, это обман и политиканство. Страна должна составлять единую, нераздробленную и нерассеянную волю. Речь не может идти о восстановлении дореволюционной монархии. Оно

может быть создано лишь в том случае, "если выдающаяся личность возьмет на себя бремя и ответственность власти и поведет страну так, чтобы обеспечить каждому необходимую политическую, культурную и экономическую работу над порученным ему участком"²³. Эта картина будущей России по Флоренскому, очень похожа и на диктатуру Сталина в Советском Союзе, и на диктатуру аятоллы Хомейни в Иране в конце 70-х, начале 80-х годов, и на идеальное государство по Солженицыну, где все главные вопросы должны решаться "не по большинству голосов, а по правоте доводов". Но кто и как определит эту правоту?

Конечно, не все русские мыслители думали так, как Флоренский или И. Ильин. Такой авторитетный русский мыслитель как Георгий Федотов (1886-1951) писал в 1929 году в эмигрантском журнале "Вестник Р.С.Х.Д.", что будущую Россию соединит не религия, а культура, и, прежде всего, русская культура. "Многоплеменность и многозвучность России не умаляла, а повышала ее славу. Россия - не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет - как Россия. Здесь верования не соединяют, а разъединяют нас. Но духовным притяжением для народов была и останется русская культура. Через нее они приобщаются к мировой цивилизации"²⁴. Сходные мысли высказывал в эмиграции и Николай Бердяев (1874-1948).

142

Российская история по Солженицыну

Нет необходимости доказывать, что и сегодня история продолжает оставаться полем достаточно жесткой политической и идеологической борьбы, и объективному рассмотрению событий нашего "непредсказуемого прошлого" мешает множество искусственных и ложных конструкций.

У большевиков была, как известно, своя концепция российской истории, в которой главное внимание уделялось тем лицам и событиям, которые прямо или косвенно содействовали революционному движению и прогрессу в его марксистском понимании. Нам много говорили в школе о Степане Разине и Емельяне Пугачеве, но мы ничего не знали о Сергии Радонежском или Ниле Сорском. Но и Александр Солженицын создает свою собственную концепцию истории России, не слишком заботясь об убедительности своих толкований и надежности источников.

В основе концепции Солженицына лежит идеализация древней и средневековой Руси. Такая идеализация древности свойственна многим народам. Еще в литературе античного Рима можно было найти описание "золотого века", когда люди жили в полном согласии с природой - в лесах и пещерах, добывая пропитание сбором плодов и охотой. У них не было ни рабов, ни господ. Для Солженицына такой "золотой век" в России был почти 400 лет - от конца XII до конца XVI века, когда православие "находилось в своей высокой жизненной силе и держало дух русского народа более полутысячи лет"²⁵. Да, конечно, это было время татарского ига, кровавых княжеских усобиц, эпидемий чумы и холеры, террора Ивана Грозного, - перечислять все эти беды, страдания и испытания можно долго. И тем не менее, по Солженицыну, "Россия до XVI века была могучей и избывающей здоровьем". Это могущество и здоровье страны и народа держали не князья и не московские великие бояре, даже не церковная иерархия, а такие праведники как Сергий Радонежский и Нил Сорский, которых народ и войско чтили больше, чем царей и митрополитов. "Самодержцы прошлых религиозных веков, - утверждал Солженицын, - при видимой неограниченности власти ощущали свою ответственность перед Богом и собственной совестью"²⁶. "И террор Ивана Грозного ни по охвату, ни тем более по методичности не разлился до сталинского во многом из-за покаянного опаматования царя"²⁷.

Благополучие России рухнуло в XVII веке и не столько из-за

143

40-летней Смуты с ее самозванцами и польским нашествием, сколько еще позже из-за церковного раскола, когда из-за бездушных реформ Никона началось вытравление и подавление русского национального духа, "началось выветривание покаяния, высушивание этой способности нашей. За чудовищную расправу со старообрядцами - кострами, щипцами,

крюками и подземельями, еще два с половиной века продолженную бессмысленным подавлением двенадцати миллионов безответных безоружных соотечественников, разгоном их во все необжитые края и даже за края своей земли, - за тот грех господствующая церковь никогда не произнесла покаяния. И это не могло не лечь валуном на все русское будущее"²⁸. Эти слова были написаны Солженицыным в 1974 году. Но и через 20 лет в 1994 году писатель утверждал, что Россию погубили "три великих и болезненных Смуты - Семнадцатого века, Семнадцатого года и нынешняя - ведь они не могут быть случайностью. Какие-то коренные государственные и духовные пороки привели к ним"²⁹, в результате чего Россия и ее народ целых четыреста лет растрчивали свои силы на ненужные и чуждые цели. Солженицын ничего не поясняет своим читателям насчет причин и мотивов Раскола, который был порожден не спорами о догматах или об устройстве Церкви, а деталями в обрядах и разночтениями в переписанных от руки монастырских книгах. Но различия были здесь не только между греческой и московской традициями, но даже между бывшими Московским и Владимирским княжествами. Солженицын явно преувеличивает и влияние Раскола на российскую историю, и влияние патриарха Никона, которого царь Алексей в конце концов сместил с поста патриарха. Очень сильно преувеличены Солженицыным и масштабы репрессий против старообрядцев.

Вокруг истории и значения Раскола, а также фигуры патриарха Никона существует большая литература, и мало кто из историков, религиозных философов и богословов толкуют эти эпизоды в истории России и в истории церкви сходно с Солженицыным. Многие согласны с тем, что в средние века в условиях раздробленности именно церковь объединяла Россию. Известный до революции философ и богослов Алексей Храповицкий, ставший митрополитом Антонием (1863-1936), писал: "Знакомые с отечественной историей знают, что целокупность русской жизни держалась в средние века не мирским правительством, не князьями и полководцами, а святителями стольного града. Более

144

трехсот лет России не было, как единой державы, но была Россия, как единая метрополия, да и впоследствии до времен Петра Первого единство России как религиозного общества, было гораздо действительнее, надежнее и крепче, нежели ее единство государственное, колебавшееся то самозванцами, то междуцарствиями". Это единство было, однако, нарушено, по мнению Антония не Никоном, а его противниками. Антоний считает Никона одним из величайших людей русской истории. Главной задачей его реформы было ослабление русского церковного провинциализма, ибо национальные различия и местные предания должны подчиняться общецерковному канону. Никон при поддержке царя исправил святыне книги, привлек в Москву патриархов и ученых, помог победить поляков и шведов, возведя Московию на степень величия "третьего Рима"³⁰. Есть, конечно, и другие точки зрения, которые Солженицын даже не упоминает, так как свои утверждения он не считает нужным как-то доказывать. Едва ли не самое гневное осуждение Солженицына вызывает деятельность Петра Первого, который, по мнению писателя, "в угоду экономике, государству и войне" подавил национальную жизнь и религиозный дух России. Именно Петр внедрил в России яд секуляризма, который постепенно пропитал ее образованные слои и тем самым открыл "широкий проход марксизму и путь к Революции". Православие испарилось из кругов образованных и было повреждено в необразованных³¹. Поэтому только по недоразумению можно называть Петра Первого "Великим". На Россию "налетел смерч Петра" и "сломал страну". "Петр по большевистски растоптал исторический дух, народную веру, обычаи. Петр уничтожил Земские соборы, взнуздal Православную церковь, ломал ей хребет. От мобилизаций Петра замерли малые города, надолго замерло российское земледелие. На 200 лет Петр создал слой управляющих, чуждых народу по мироощущению"³². Солженицын оценивает Петра Первого только как негативную силу в российской истории. Писатель отказывает Петру в уме, - царь обладал "вполне заурядным, если не дикарским умом", а также в звании реформатора, ибо настоящий реформатор "считается с прошлым при подготовке будущего"³³. Да, конечно, Россия нуждалась в

открытии выхода к морю, но в первую очередь, по мнению Солженицына, надо было искать выход не к Балтийскому, а к Черному морю и не пытаться заимствовать на Западе те элементы западной культуры и цивилизации, которые возникли в иной психологической обстановке

145

новке. Конечно же, Солженицын осуждает строительство Санкт-Петербурга, его дворцов, каналов и верфей, "загоняя вусмерть народные массы, так нуждающиеся в передышке". Это была "фантастическая постройка" и "безумная идея раздвоения столиц", "парадиз" - на удивление всей Европы" и т. д. Петр был к тому же "бездарным полководцем". Все это поспешное перечисление "ошибок" и "неудач" Петра, которые лишь по недоразумению были названы позднее "великими преобразованиями", Солженицын завершает ссылкой на народ, "в котором не случайно создалась устойчивая легенда, что Петр - самозванец и антихрист"³⁴. На самом деле такая легенда возникла лишь среди части старообрядцев, тогда как в сознании и памяти русского народа Петр Первый и до сегодняшнего дня остается наиболее уважаемой исторической фигурой, "отцом-преобразователем", величайшим из правителей страны. Известны критические высказывания о Петре историка В. Ключевского. Весьма критически отзывался о Петре в своих дневниках Лев Толстой. О жестокости и варварстве Петра писали многие из идеологов славянофилов. Идеализировать Петра нет никаких оснований, и спор об эпохе Петра и о самом царе не завершен и вряд ли в этом споре будет когда-либо поставлена точка. Литература о Петре огромна и продолжает пополняться. Но Солженицын не пытается более или менее объективно оценить эту литературу. Он ссылается в основном на книги, опубликованные русскими эмигрантами в Берлине и Праге. Основным же источником служит писателю неизвестная у нас книга Ивана Солоневича "Народная монархия", изданная в Буэнос-Айресе в 1973 году. Это вообще характерный прием исторической публицистики Солженицына; он разыскивает повсюду и цитирует лишь те источники, которые согласуются с его собственным уже сложившимся мнением. Остальные источники просто игнорируются. Но как можно со столь слабыми доводами пытаться изменить сложившееся за столетия отношение российских граждан к Петру? Писатель Даниил Гранин совсем недавно завершил роман о Петре, начатый 10 лет назад. Поясняя свой взгляд на героя романа, Д. Гранин говорил: "Масштаб личности Петра Первого огромен. У него была воля. Бесстрашный человек, он мог вопреки всем традициям, всем обычаям, всей косности и сложности народа повернуть Россию и добиться своего. Он знал, чего хотел - в этом великое преимущество Петра перед многими нашими правителями. И в этом его вечная заслуга - он знал, куда хотел вести Россию, он

146

хотел повернуть ее в Европу, хотел видеть земляков просвещенными"³⁵. До сих пор на вопрос: - "Какие периоды в истории страны вызывают у вас, как у россиян, наибольшее чувство гордости?" более 50% опрошенных называют эпоху Петра Первого. Лишь 7 и 8% российских граждан гордятся временами Ленина или Сталина, и только 3 и 4% соответственно называют в этой же связи эпохи Горбачева и Ельцина. Конечно, общественное мнение - это не истина в последней инстанции, и сами историки и социологи говорят о "мифе Петра". Но есть у историков и объективные показатели. Что останется через 100 лет от недавнего ускорения, перестройки, либерализации и приватизации? Но почти все реформы Петра вошли в национальную жизнь и остались в устройстве государства, общества, в институтах образования, в структуре армии. От Петра идет российская пресса и российская наука, российский флот и российский календарь. Этот перечень велик. От Петра идет и "петербургский период" истории России, который был, по мнению Солженицына, движением по неправильному пути. Многие историки различают понятия народа и нации. Как единый этнос, русская народность сложилась еще в IX-XII веках. Этому способствовало образование первых восточнославянских государств, принятие христианства, развитие древнерусского языка и культуры, самым значительным памятником которой можно считать

"Слово о полку Игореве". Не все, но многие из этих факторов были утрачены в последующие века феодальной раздробленности, которые вовсе не являлись для России и для русского народа "золотым веком". Новое сплочение русских уже как полноценной нации началось в XVII веке и завершилось ко второй половине XIX века. Именно в "петербургский период" сложился современный русский литературный язык, появились российские гуманитарные науки, русская живопись, музыка, архитектура, литература, т. е. все элементы богатой русской культуры. На иной уровень перешло и самосознание русских как одной из великих мировых наций, в жизни которой религия занимала важное, но все же не главное место. Но для Солженицына такой взгляд на становление русской нации неприемлем, и он считает весь "петербургский период" в развитии России потерянным временем - для внутреннего развития народа, для которого развитие экономики и просвещения имеют, по мнению писателя, второстепенное значение. Есть старинная китайская притча. - "Далеко ли до города Хань?" - спрашивает путник старца. - "Но ты идешь по другой дороге",

147

отвечает старец. - "Я хочу знать, далеко ли до города Хань? - повторяет путник, продолжая идти вперед. "Чем дальше ты будешь идти по этой дороге, отвечает старец, - тем дальше ты будешь от города Хань". Но примерно также говорит Солженицын о России после Петра. Что толку в достижениях экономики или государства, если народ все дальше отходил от истинного православия, забывая Бога. Эта дорога не вела к Храму. Даже слова Солженицын подбирает как можно более пренебрежительные. "За Петром - катил и остальной XVIII век, не менее Петра расточительный", "открылась бездна", "неразумные", "неудачные", "неуклюже ведомые войны", "неверные союзники", "дипломатические ошибки", "скудоумная дипломатия", "магия заниматься чужими делами" и т. д. Солженицын делает удивительный упрек императорам и императрицам - они управляли страной и решали дела не в интересах народа и не по святой правде, а в своих политических интересах. А кто и где в те века правил иначе? Гибельным было в XIX веке расширение империи, но "русские правители испытывали зуд колонизации, а не упорство концентрации". "Для какой русской надобности завоевывался Дагестан?". Не нужны были России Грузия и Армения, но "российские императоры влезали на Кавказе во все новые и новые капканы"³⁶. Не было у России, по мнению Солженицына, никаких интересов на Балканах, и не нужно было проливать кровь за южных славян, а тем более за румын и греков в войнах с Османской империей. Всего лишь несколько строк уделяет писатель Отечественной войне 1812 года, которой "могло и не быть", если бы Россия не вмешивалась в чуждые ее интересам европейские дела. Не о мужестве русской армии и ее полководцев пишет Солженицын, а о предательстве - при отступлении русской армии после Бородина она бросила, якобы, на произвол судьбы в московских госпиталях своих раненых солдат и офицеров, из которых 15 тысяч сгорело в московском пожаре. Но откуда взят этот явно придуманный страшный сюжет, которого нет ни в российских исторических хрониках, ни в романе Л. Н. Толстого? Солженицын ссылается лишь на французского историка Альфреда Рамбо (1842-1905), одного из главных авторов многотомной "Истории XIX века"³⁷. Но это один из множества вымыслов, которыми были полны донесения Наполеона, которые он посылал в Париж из покинутой жителями горящей Москвы. Многие из такого же рода диких вымыслов о варварской России и ее нравах попали из тех же источников в работы французских историков.

148

Но для чего их повторять русскому писателю?! По мнению Солженицына, России не следовало продвигаться в Среднюю Азию, а в начале XX века можно было бы избежать войн с Японией и Германией. Не на высоте оказалась в XIX и в начале XX века Церковь. "Русская православная церковь в неизменности достаивала уже отмерянный оставшийся исторический срок"³⁸. Началу XX века в России посвящен у Солженицына первый том "Красного Колеса" - "Август Четырнадцатого". Из всех российских "политиков" Солженицын выделяет премьера Петра Столыпина и не жалеет похвал в его адрес. "В оправдание фамилии, он был

действительно столпом государства. Он стал центром русской жизни, как ни один из царей. Это опять был Петр над Россией. Но это был совсем другой Петр, истинный русский царь и "под водительством нового Петра Россия выздоравливала непоправимо". И вот этого царя, надежду народа и России, убил в 1911 году в Киеве революционер, анархист, агент царской охраны, а главное еврей Мордка Богров, убил, "повинуясь трехтысячелетнему тонкому, уверенному зову". Тем самым, еврей-террорист убил не только российского премьер-министра, но он уничтожил одним выстрелом "целую государственную программу, повернув ход истории 170-миллионного народа"³⁹. Солженицын в данном случае крайне преувеличивает возможности и значение Столыпина, а соответственно и роль террористического акта в Киеве в истории России. Петр Столыпин был, несомненно, выдающимся государственным деятелем России, и он стремился к укреплению Российского государства после тяжелых поражений в борьбе с внешними и внутренними врагами Империи. Но он не был ни главой государства, ни лидером одной из влиятельных партий. Во многих отношениях он был одинок; за ним не стояло политического движения, и у него не было, по современной терминологии, своей команды. В 1911 году все ждали скорой отставки Столыпина: - наибольшим влиянием при царском дворе пользовался уже не Столыпин, а Григорий Распутин. В царском окружении Столыпина не любили, в кругах Государственной Думы относились к нему достаточно прохладно, а в революционной среде его ненавидели, так как на террор анархистов и эсеров Столыпин ответил также террором - тысячи революционеров разных направлений были повешены или отправлены на каторгу. За Столыпиным охотились: он пережил 8, а по другим данным 18 покушений на свою жизнь. И об убийстве Столыпина, и о его убийце Д. Г. Богрове имеется большая

149

литература: две солидных работы на эту тему вышли в свет совсем недавно⁴⁰. Значительная часть авторов придерживалась версии о том, что Богров убил Столыпина именно как агент охраны, и улики на этот счет более чем достаточно. Другие авторы доказывали, что убийцей Столыпина был революционер, стремившийся отомстить за смерть тысяч молодых революционеров. Короткое расследование показывало, что Богров стал агентом охраны из-за страха перед арестом. В 1911 году он был почти разоблачен своими товарищами, и убийством Столыпина хотел себя реабилитировать. Другой выход по этике революционной молодежи того времени был лишь в самоубийстве. Богров не был религиозен, он думал о карьере, о деньгах и женщинах, но не о судьбах еврейского народа. Об этом он сказал только перед казнью в беседе с раввином. Фраза из этой беседы: - "Передайте евреям, что я не желал причинить им зла, но боролся за благо и счастье еврейского народа", - была естественной в беседе с раввином. Об этом писали в сентябре 1911 года многие газеты, не пытаясь, однако, развивать "еврейскую версию", как это сделал через 60 лет Солженицын. Осуществить задуманное Богрову помогла не "гениальность", о которой пишет Солженицын, а служба в царской охране; один из высших чинов киевской охраны лично провел его в партер Киевского оперного театра, где в одной из лож был не только Столыпин, но и Николай II. Солженицын и в данном случае подстраивает все события сентября 1911 года под свою субъективную, а во многих отношениях нелепую схему. При этом он просто отбрасывает большую часть наиболее достоверных источников, используя наименее значительные, но подходящие к версии писателя. В истории таким образом можно было бы "доказать" что угодно.

Уже в своей новой книге "Двести лет вместе", возвращаясь к теме убийства Столыпина, Солженицын писал: "От убийства Столыпина жестоко пострадала вся Россия, но не помог Богров и евреям. Кто как, а я ощущаю тут те же великанские шаги Истории, ее поразительные по неожиданности результаты. Богров убил Столыпина, предохраняя киевских евреев от притеснений. Столыпин - и без того был бы вскоре уволен царем, но несомненно был бы снова призван в 1914-1916, и при нем - мы не кончили бы так позорно, ни в войне, ни в революции. Шаг первый: убитый Столыпин - проигранные в войне нервы, и Россия легла под сапоги большевиков. Шаг второй: большевики, при всей их свирепости,

оказались много бездарней царского прави

150

тельства, через четверть века быстро отдавали немцам пол-России, в том охвате и Киев. Шаг третий: гитлеровцы легко прошли в Киев и - уничтожили киевское еврейство". В том же Киеве в том же сентябре, только через 30 лет от богровского выстрела"41. "Не рой другому ямы", - замечает Солженицын не без злорадства. Называть все это "отстоянием неискаженной русской истории" нет никаких оснований.

Обо всей советской истории с 1917 по 1991 гг. А. И. Солженицын говорил много, в разных книгах и всегда только в высшей степени негативно. По Солженицыну главной задачей большевиков было планомерное и безжалостное уничтожение русского народа и православия. Я отмечу в этой связи лишь то странное обстоятельство, что Солженицын всегда, и непонятно для чего, преувеличивает численность жертв и потерь. Если погибли от сталинского террора в 30-40-е годы 5 миллионов человек, то Солженицын пишет о 50 миллионах погибших. Если число жертв страшной кампании "раскалывания" на Дону весной 1919 года приблизилось к 50-60 тысячам, то Солженицын уверенно заявляет о расстреле на Дону "по приказу Ленина и Троцкого более 1 миллиона 200 тысяч гражданского казачьего населения"42. Но всего гражданского казачьего населения - с детьми, женщинами и стариками было на Дону в 1918 году 1,5 миллиона человек, остальных российская статистика относил к коренным крестьянам и иногородним. Более чем в 2 раза увеличивает Солженицын и без того огромную цифру боевых потерь Советской армии в Великой Отечественной войне.

Сам Солженицын признает, что он видит в российской истории мало примечательного или достойного патриотической гордости. Подводя итог своей главной работе по истории России, он отмечал: "Краткий и частный обзор русской истории четырех последних веков, сделанный выше в этой статье, мог бы показаться чудовищно пессимистическим, а "петербургский период" несправедливо развенчанным, если бы не нынешнее глухое падение"43. Ссылаясь на мнение русского религиозного философа С. Н. Булгакова (1871-1944), Солженицын заявляет, что именно любовь к России и принадлежность к русской нации дают ему право на "национальное самозаушение", даже на "поношение родины". Этот тезис весьма спорен. К тому же мы видим, что в своих "кратких и частных" очерках по российской истории писатель далеко уходит от исторической реальности, заимствуя свою методологию, а порой и концепции у создателей другого

151

"Краткого курса". Да и чем, собственно, отличается главный тезис всей почти современной идеологии Солженицына: - "Именно православие только оно и истинно" от знаменитого тезиса Ленина: - "Марксистское учение всесильно, потому, что оно верно"?

Александр Солженицын и русские националисты

Неприязнь Солженицына к "февралистам-демократам" или "лжедемократам" хорошо известна. "И вот мы докатились, - писал Солженицын, - до Великой Русской Катастрофы 90-х годов XX века". В нее впились все прежние катастрофы столетия, но прибавился и "нынешний удар Доллара по народу в ореоле ликующих, хохочущих нуворишей"44. Но и демократические публицисты и идеологи отвечают Солженицыну нескрываемой неприязнью. По их мнению, это ретроград и лжепророк, взгляды которого пронизаны религиозным обскурантизмом. "Солженицын - это иностранец в своей стране, - писал Михаил Новиков. - Ему чужда новая Россия, похожая сразу и на ненавистный СССР и на нелюбимый Запад"45. "Разберитесь с самим собой, - восклицал бывший поклонник писателя и редактор "Комсомольской правды" Александр Афанасьев. - Вы хотите быть новым Суловым. Кто Вас собственно вызывал, чтобы вы констатировали мнимую смерть организма еще могучего, способного побороться за свою жизнь. Но вы еще раньше Гайдара стали разрушать Россию"46. "Под внешне благообразным обликом мудрого старца, - утверждал Олег Давыдов, - в Солженицыне живет и другой человек, жестокий и хитрый. Он заносчив, консервативен и вздорен"47. С обеих сторон все это главным образом не доводы, а

эмоции.

Нет ничего неожиданного и в решительном осуждении идеологии Солженицына современными коммунистами. еще в середине 1998 года профессор Владимир Юдин из Твери попытался развернуть в одной из коммунистических газет дискуссию на тему: - "Александр Солженицын: наш или не наш?". "Не надо отдавать Солженицына нашим врагам и Западу, - писал В. Юдин, - он писатель-патриот, он болеет за Россию, он - явление глубоко русское, национальное, как магнит притягивающее к себе полярные общественно-политические силы. Да, он лютый враг коммунистов, но очень многие его идеологемы удивительным образом взаимодействуют с национально-патриотическими

152

лозунгами нынешних коммунистов"⁴⁸. Это предложение было решительно отвергнуто "Советской Россией", ибо с "державниками роялистско-клерикального толка коммунисты не могут сотрудничать"⁴⁹. Отвергли, однако, сотрудничество с Солженицыным и почти все русские националисты. Это течение не имеет сегодня в России ни признанных авторитетов, ни общей идеологии, оно представлено сотнями мелких групп и организаций и десятками малоизвестных газет. Как признавал один из активных участников русского движения Александр Севастьянов, "это движение пока не структурировано и нафаршировано подставными фигурами и амбициозными псевдолидерами, не имеющими за душой ничего, кроме жажды власти. У него нет единой аутентичной идеологии и единой стратегии. Нет финансов. Нет действенных политических инструментов. Словом, нет почти ничего, кроме интенций миллионных масс, стремительно сознающих свое положение, свои интересы и цели"⁵⁰. Нет поэтому ничего удивительного в том, что некоторые из участников русского национального движения призывали других националистов сплотиться вокруг Солженицына как наиболее известного в мире национального лидера. Особенно настойчиво этот призыв повторял в газете "Завтра" и в других изданиях Владимир Бондаренко. Однако этот призыв не поддержали ни националисты других направлений, ни сам Солженицын. В. Бондаренко об этом глубоко сожалеет. "России был крайне нужен наш национальный аятолла Хомейни, - писал Бондаренко в одной из газет. - И Александр Солженицын вполне мог, а в силу взятой на себя ответственности, в силу Божьего замысла и обязан был стать этим нашим Хомейни. Он должен был стать духовным лидером национального русского сопротивления и возглавить так называемый белый патриотизм. У нас были сотни национальных организаций, движений и фронтов, но не было единого духовного лидера. И если бы Солженицын по возвращении в Россию занял бы не олимпийскую надмирную позицию, а жесткую требовательную позицию духовного лидера белого русского патриотизма, наше национальное движение состоялось бы, как "Саюдис" или "Рух", как польская "Солидарность". На беду свою и нашу, Александр Солженицын не пожелал делать то самое, к чему он призывает в книге "Россия в обвале"⁵¹. Эти упреки не слишком справедливы. Сам характер и драматургия возвращения Солженицына в Россию свидетельствовали о его огромных амбициях и сознании своей исключительности. Но его проповедь не встретила поддержки,

153

даже отдаленно сравнимой с той поддержкой, которую встретили в Иране конца 70-х годов проповеди аятоллы Хомейни. Почти все русские националисты гордятся русской и российской историей, а для "белого патриотизма" представляются особенно важными все те достижения Российской Империи, которые Солженицын осуждает. Как можно совместить представление Солженицына о России как о государстве русского или по крайней мере "трехславянского" народа с представлениями Александра Проханова о России как о "многонациональной империи, смысл которой в создании многоязыкого вселенского хора, в соединении разрозненного человечества для великих вселенских деяний"⁵². Солженицын призывает русский народ к самоограничению и временной изоляции на просторах Северо-Востока, а идеолог российского христианского возрождения Виктор Аксюциц призывает "найти формулу сверхидеала и на ее основе разработать идеологию русского прорыва или

идеологию мирового лидерства"⁵³. Известный философ-традиционалист и главный идеолог общероссийского политического движения "Евразия" Александр Дугин также, как Солженицын, выступает против партий и партийной демократии, за земскую форму народного представительства. Но, во-первых, Дугин выступает за тесную интеграцию с государствами Средней Азии и Закавказья, чего не приемлет Солженицын, во-вторых, по мнению А. Дугина, все русские политики должны иметь эстетически приятные лица. "У российских политических деятелей, - заявлял А. Дугин, - лица должны соответствовать хотя бы минимальным параметрам симметрии. Ведь раньше в политике были хорошие, классические лица"⁵⁴. Такого рода требований к российским политикам не предъявляет даже Солженицын, хотя и ему, как и Дугину, очень не нравятся Жириновский и Зюганов, Немцов и Гайдар. Александр Севастьянов, радикальные националистические проповеди которого по многим положениям совпадают с проповедями Солженицына, предлагает будущей России сказать "нет" только Западу, но не Востоку. Но для Солженицына Восток представляется даже более опасным, чем Запад.

О том, что большевики и Советская власть отражают многие качества именно русского национального характера, писали не раз такие русские философы как Г. Федотов и Н. Бердяев. Эту же линию продолжает и известный русский поэт Станислав Куняев, который писал, что суть русского человека как раз в большевиках - они хотели достигнуть недостижимого и замахнулись на то,

154

на что другие народы не решались замахнуться⁵⁵. Но для Солженицына именно большевики ненавистны. Для националистов всех почти направлений совершенно неприемлемы оценки Солженицыным генерала А. Власова, перешедшего на сторону Гитлера и создавшего РОА - Русскую освободительную армию. Солженицын приветствовал даже тех русских людей, которые вступили в ряды РОА в самые последние месяцы Гитлера - зимой 1944/1945 года - "вот это был голос русского народа. Историю РОА заплевали как большевистские идеологи, так и с Запада, однако она войдет примечательной и мужественной страницей в русскую историю"⁵⁶. Кто из российских патриотов самых различных направлений может поддержать этот тезис?! Все почти высказывания Солженицына об Отечественной войне 1941-1945 гг. вызывают возражения. Поражения Красной Армии летом и осенью 1941 года Солженицын считает результатом антисталинских настроений в войсках. Этим же объясняет Солженицын и обилие пленных в первые месяцы войны. "Прогремело 22 июня 1941 года, прослезил батя Сталин по радио свою потерянную речь, - и все взрослое население, и притом всех основных наций Советского Союза, задышало в нетерпеливом ожидании: ну, пришел конец нашим паразитам! Теперь-то вот скоро освободимся. Кончился проклятый коммунизм!"⁵⁷. Так объяснял неудачное начало Отечественной войны Солженицын в одной из своих программных статей в американском журнале "Foreign Affairs", озаглавленной: - "Чем грозит Америке плохое понимание коммунизма?". Но кто из русских патриотов, "красных" или "белых", может согласиться с этими нелепыми тезисами? По мнению Солженицына, только помощь Черчилля и Рузвельта спасла Сталина и СССР от поражения. А надо было бы западным демократиям воевать и против Гитлера, и против Сталина. Эти примеры удивительных по своей примитивности рассуждений и утверждений Солженицына во всех его публикациях, связанных с "русским вопросом", можно приводить на многих страницах. Но именно здесь лежит причина полного одиночества Солженицына в его национализме. Газета "Завтра" решительно осудила даже Валентина Распутина за то, что он согласился принять премию Солженицына за 2000-й год. Выбор был для Распутина не прост, но он преодолел свои колебания, "хотя по крови своей он не из той армии. Но народ простит ему это за его талант"⁵⁸. Перечислив все доводы "против" и "за", Сергей Кара-Мурза из "красных" патриотов - утверждал в той же газете, что он не может считать такого человека как Солжени

155

цын патриотом⁵⁹. И уж совсем нельзя найти каких-либо поводов для сотрудничества

между Солженицыным и националистами из партии В. Жириновского, которые мечтали об Индийском океане, а не о мерзлых землях Чукотки и Таймыра. Национализм никогда не был и не мог быть массовым народным движением в многонациональной Российской империи. И славянофильство середины XIX века, и русская религиозная философия начала XX века объединяли вокруг себя лишь небольшие группы людей. В Советском Союзе русский национализм также не имел никаких шансов стать сколько-нибудь сильным и влиятельным движением. Но и сегодня проповеди Солженицына могут привлечь лишь очень немногих людей. В книге А. Солженицына "Россия в обвале" есть одна очень горькая строчка из читательского письма: "Страшно, что Россия что-то другое, не то, что мы себе напридумывали"⁶⁰. Но эти же слова возникают и тогда, когда начинаешь знакомиться со всеми статьями и книгами А. И. Солженицына по "русскому вопросу".

Литература и примечания

- 1 Солженицын А. И. Публицистика. Ярославль, 1996. Т. 1. С. 64.
- 2 Солженицын А. И. "Россия в обвале". М., 1998. С. 202.
- 3 "Новый мир", 1994, № 7. С. 172-174.
- 4 Солженицын А. Публицистика. Т. 3. С. 481-482.
- 5 "Новый мир", 2000, № 9. С. 137.
- 6 СмитХ. "Русские", 1978. Иерусалим. С. 766, 767, 782.
- 7 "Чикаго Таймс", 22 июня 1975 года.
- 8 Нива Жорж. "Солженицын", Лондон, 1984. Перевод с французского.
- 9 Штурман Дора. "Городу и миру". Париж-Нью-Йорк, 1988.
- 10 "Солженицын и американская демократия", Вашингтон, 1980. Цитировано по сборнику "Телекс", 1982, № 2. С. 102.
- 11 Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998. С. 3.
- 12 Солженицын А. Публицистика. Т. 1. Ярославль, 1996. С. 181.
- 13 Там же, с. 182.
- 14 Там же, с. 45, 46.
- 16 Солженицын А. Публицистика. Т. 1. С. 449.
- 17 Солженицын А. "Россия в обвале". С. 203.
- 18 Солженицын А. "Россия в обвале". С. 115.
- 19 Там же, с. 45.
- 156
- 20 Там же, с. 47.
- 21 Солженицын А. Публицистика. Т. 1. С. 85-86.
- 22 Цит. по газете "Завтра", № 14 за 2000 год.
- 23 Цит. по "Независимой газете" от 19 октября 2000 года. Публикация Сергея Земляного.
- 24 Федотов Г. П. "Лицо России", книга первая, Париж, 1988. С. 293.
- 25 Солженицын А. "Русский вопрос к концу XX века". М., 1995. С. 7.
- 26 Солженицын А. Публицистика. Т. 1. С. 47.
- 27 "Новый мир". 1991, № 5. С. 17.
- 28 Там же, с. 17.
- 29 Солженицын. А. "Русский вопрос...". С. 104.
- 30 "Вопросы истории", 2001, № 6. С. 54-55.
- 31 Солженицын А. Публицистика. Т. 1. С. 449.
- 32 Солженицын А. "Русский вопрос...". С. 9.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 "Известия", 6 сентября 2000 года.
- 36 Солженицын А. "Русский вопрос...". С. 32.
- 37 Лависс и Рамбо А. История XIX века. М., 1936. Т. 2. С. 269.
- 38 Солженицын А. "Русский вопрос..." С. 76.

39 Солженицын А. Собрание сочинений. Т. 12. Париж, 1983. С. 146, 223, 226, 233.
Подчеркнуто Солженицыным.

40 Джанибеков Виктор. Тайна гибели Столыпина. М. 2001. Столыпин. Жизнь и смерть. Саратов. 1997.

41 Солженицын А. И. Двести лет вместе. М., 2001. С. 444.

42 Солженицын А. Публицистика. Т. 3, Ярославль, 1996. С. 389.

43 Солженицын А. Русский вопрос... С. 104.

44 Там же, с. 105.

45 "Коммерсантъ", 11 декабря 1998 года.

46 "Российская газета", 25 июля 1998 года.

47 "Независимая газета", 19 мая 1998 года.

48 "Правда-пять", 3 июня 1998 года.

49 "Советская Россия", 3 декабря 1998 года.

50 "Независимая газета", 11 октября 2000 года.

51 "Книжное обозрение", 1998, № 39. С. 5. 52 "Завтра", 2001, №22.

53 "Независимая газета", 12 августа 2000 года.

54 "Литературная газета", 12-18 сентября 2001 года.

55 "Советская Россия", 19 июля 2001 года.

56 Солженицын А. "Русский вопрос...". С. 85-86.

57 Солженицын А. Публицистика. Т. 1. С. 360.

58 "Завтра", 2000, № 30.

59 "Завтра", 2000, №31.

60 Солженицын А. И. "Россия в обвале". С. 110.

157

Приложения

Из дискуссий прошлых лет 1974-1976 гг.

О книге "Архипелаг ГУЛАГ" А. И. Солженицына

Общая оценка книги

В данной статье я попытался выразить лишь краткое предварительное суждение о новой книге А. И. Солженицына. И не только потому, что из трех томов автор опубликовал лишь первый. Уже опубликованное слишком значительно, чтобы охватить и оценить его сразу. Книга Солженицына до предела наполнена страшными фактами, и много меньшее количество которых с трудом укладывается в голове. В нем - конкретное описание необычных и трагических судеб сотен людей, столь типичных, однако, для прошедших десятилетий. Эта книга полна мыслей и наблюдений, как глубоких и верных, так и не всегда верных, но родившихся в чудовищных страданиях десятков миллионов людей, страданиях, каких еще не переживал наш народ за всю многовековую историю. Никто не выходил из страшного "Архипелага" сталинских лагерей и тюрем таким, каким он входил туда, и не только по возрасту и здоровью, но и по своим представлениям о жизни и людях. Думаю, мало кто встанет из-за стола, прочитав эту книгу, таким же, каким он раскрыл ее первую страницу. В этом отношении мне просто не с чем сравнить книгу Солженицына ни в русской, ни в мировой литературе.

О фактах, лежащих в основе повествования Солженицына

Некто И.Соловьев пишет в "Правде" (14/1), что факты, приводимые в книге Солженицына, недостоверны, что они плод

158

больного воображения или циничной фальсификации автора. Это, конечно, не так. Я не могу согласиться со многими оценками и выводами Солженицына. Но нужно твердо сказать, что все основные факты, приведенные в его книге, а тем более все подробности жизни и мучений заключенных от их ареста и до смерти (а в более редких случаях - до выхода на свободу) полностью достоверны.

Конечно, в столь обширном художественном исследовании, которое основано не

только на наблюдениях самого автора, но на свидетельствах и рассказах (и пересказах) более чем 200 бывших заключенных, неизбежно встречаются некоторые неточности, тем более, что Солженицын вынужден был создавать свою книгу в глубокой тайне и не имел возможности обсудить ее до публикации даже со многими из близких своих друзей. Но этих неточностей очень мало для такой значительной книги. Я думаю, например, что размеры выселения из Ленинграда ("кировский поток") в 1934-1935 гг. были меньше, чем указывает Солженицын. Были выселены десятки тысяч людей, но не четверть населения этого уже тогда 2-х миллионного города. Но и у меня нет точных цифр, я руководствуюсь лишь отрывочными свидетельствами и собственными впечатлениями (я жил в Ленинграде больше 15 лет). Трудно поверить в рассказ безвестного информатора Солженицына об обычае Орджоникидзе разговаривать со старыми инженерами при двух пистолетах, лежащих справа и слева на письменном столе. Чтобы вылавливать чиновников старого царского аппарата (и не всех вовсе, а главным образом из судебных органов, жандармерии и т. п.) ГПУ не требовалось пользоваться какими-то случайными записями случайных людей: соответствующие списки можно было найти и в местных архивах и в опубликованных справочниках. Думаю, что Солженицын преувеличивает число крестьян, выселенных в годы коллективизации (15 миллионов). Но если добавить к жертвам этих лет и крестьян, умерших от голода в 1932-1933 годах (только на Украине не менее 3-4 миллионов человек), то может получиться цифра и сравнимая с той, которую приводит Солженицын. После смерти Сталина были посажены в тюрьму или расстреляны (во многих случаях без открытого суда) не десять, а что-то около сотни ответственных работников МГБ-МВД. Но это все равно ничтожно мало в сравнении с количеством преступников из "Органов", которые остались на свободе и даже получили различные ответственные должности или крупные и почетные пен

159

сии. Бухарин в 1936-1937 гг. не был уже членом Политбюро, как пишет Солженицын, а лишь кандидатом в члены ЦК. Во фразе о том, что кровь "штрафных рот" была "цементом фундамента Сталинградской победы", Солженицын явно пропустил небольшое слово "тоже".

Но все эти и некоторые другие неточности несущественны для столь грандиозного художественного исследования, которое предпринял Солженицын. С другой стороны, в книге Солженицына есть и другие "недочеты", о которых он сам пишет в Посвящении: - он не все увидел, не все вспомнил, не обо всем догадался. Он пишет, например, об аресте амнистированных и репатриированных казаков в конце 20-х годов. Но ведь была еще страшная по своим последствиям кампания "расказачивания" и массового террора на Дону и Урале в зиму и весну 1919 года. Эта кампания продолжалась "всего" два с лишним месяца, но затянула гражданскую войну со всеми ее эксцессами не менее чем на год, дав белым армиям десятки новых конных полков. А расстрел 500 заложников в Петрограде, о котором в "Еженедельнике ВЧК" говорится всего в двух строчках... Чтобы все это описать, нужно еще много книг. Я верю - они будут написаны.

Если "Правда" пытается доказать, что факты, приведенные Солженицыным, недостоверны, то "Литературная газета" (16/1) пытается убедить своих читателей, что в книге Солженицына не содержится ничего нового. И это неверно. Хотя я занимаюсь изучением сталинизма более десяти лет, я нашел в книге Солженицына много для себя неизвестного. Если не говорить о старых лагерниках, то советскому человеку, даже хорошо помнящему еще XX и XXII съезды КПСС, вряд ли известна десятая часть фактов, о которых пишет Солженицын. А молодежь, пожалуй, не знает и сотой части этих фактов.

Солженицын о власовцах

Многие газеты пишут, что Солженицын оправдывает, обеляет и даже воспекает власовцев.

Это сознательное и злонамеренное искажение. Солженицын пишет в "Архипелаге", что власовцы стали жалкими наемниками гитлеровцев, что "власовцев можно судить за измену" (С. 249), что они взяли оружие врага и, попадая на фронт, дрались с отчаянием обреченных.

Сам Солженицын со своей бата

160

реей был едва не уничтожен в Восточной Пруссии огнем власовцев. Но Солженицын не упрощает этой проблемы власовцев и других подобных им подразделений фашистской армии.

В многочисленных "потоках" сталинских репрессий у многих из нас есть и свои особые трагедии. Я знаю, например, что для А. Твардовского это было "раскулачивание", под которое попал и его отец, старательный крестьянин из бедняков, недавний боец Красной Армии, защитник Советской власти. Он был выселен за Урал со всей семьей, случайно уцелел лишь его средний сын, ушедший учиться в город - будущий наш великий поэт. И приходилось Твардовскому тогда отказываться от отца. Обо всем этом он пишет в своей последней поэме "По праву памяти".

Для моей семьи трагедией стали репрессии 1937-1938 гг., особенно среди командиров и комиссаров Красной Армии, в числе последних был арестован и погиб мой отец, дивизионный комиссар и преподаватель Военно-политической академии РККА. Эти люди были бесконечно преданы Советской власти, социализму и большевистской партии, как участники гражданской войны они казались мне романтическими героями, и я никогда не верил, что они - "враги народа".

Для Солженицына такой глубоко личной трагедией стал не его собственный арест, а жестокая и страшная судьба миллионов советских военнопленных, ровесников Солженицына, ровесников Октября, составлявших в июне 1941 года большую часть нашей кадровой армии. Эта армия была разбита и окружена в первые дни и недели войны из-за преступных просчетов Сталина, не сумевшего подготовить ни армию, ни страну к войне, из-за нелепых и глупых распоряжений Сталина в первый же день войны, из-за его фактического ухода со своего поста в первую неделю войны, из-за недостатка в армии опытных командиров и комиссаров, уничтоженных Сталиным. Около трех миллионов солдат и командиров попали тогда в плен и еще около миллиона позднее - в "котлах" под Вязьмой, под Харьковом, на Керченском полуострове, под Волховом. Но правительство Сталина предало своих солдат и в плену, отказавшись признать подпись России под международной конвенцией о военнопленных, из-за чего не шла помощь советским пленным (и только им) через Международный Красный Крест, и обречены они были умирать от голода в германских концлагерях. И еще раз предал Сталин тех из этих пленных, кто выжил, когда после победы почти все они были арестованы и пополнили население "Архипелага ГУЛАГа". Это

161

тройное предательство своих же воинов считает Солженицын самым тяжким и гнусным преступлением сталинского режима, невиданным за всю историю нашего тысячелетнего государственного существования. "Я ощутил, - пишет Солженицын, - что эта история нескольких миллионов русских пленных пришивает меня навсегда, как булавка таракана" (С. 245).

Лишь десятая часть пленных завербовалась во власовские части, в полицейские подразделения, в рабочие батальоны, в отряды "добровольных" помощников вермахта. Большинство завербованных искренне надеялись, подкормившись и получив оружие, перейти на сторону Советской армии или к партизанам. Это были, как скоро оказалось, ложные надежды, возможностей к такому переходу было слишком мало.

Солженицын не оправдывает и не воспекает этих отчаявшихся и несчастных людей. Но он просит суд потомков учесть и некоторые смягчающие их вину обстоятельства, эти молодые и часто не слишком грамотные, в большинстве своем деревенские парни были деморализованы поражением армии, им твердили в плену, что "Сталин от вас отказался", что "Сталину на вас наплевать", и они хорошо видели, что это так и есть и что их ждет голодная смерть в немецком лагере.

Конечно, не во всем можно согласиться и с Солженицыным. Я не испытываю,

например, никакой жалости к некоему Юрию Е., советскому офицеру, по рассказу Солженицына, не голодавшему в лагере и перешедшему на сторону гитлеровцев совершенно сознательно, ставшему немецким офицером и даже возглавившему школу разведчиков. Из книги Солженицына видно, что этот Юрий Е. перешел на сторону Советской Армии, уже видя полный разгром немцев, и не столько потому, что "Родина его поманила", а рассчитывая передать нашей разведке "секреты немецкой разведки", т. е. фактически перевербоваться из немецкой разведки в советское МГБ. Да еще уверен этот Юрий, что война СССР с союзниками вспыхнет сразу же после разгрома Германии и что Красная Армия в этой войне потерпит быстрое поражение.

Что касается жестокого сражения под Прагой нескольких крупных власовских подразделений с немецкими частями эсесовского генерала Штейнера, то это исторический факт, который нельзя отрицать. Что было, то было.

Почти все "власовцы" получили 25 лет лагерей, их не коснулась ни одна амнистия и почти все они погибли в заключении и

162

в ссылке на Севере. Я также думаю, что для большинства из них это слишком тяжелая кара. Ибо Сталин повинен в этой трагедии гораздо больше, чем кто-либо другой.

О "либерализме" гитлеровцев и русского царизма

Обвиняют Солженицына и в том, что он умаляет злодеяния гитлеровцев и жестокость русского царизма.

Изучение немецкого "Архипелага ГУЛАГа" не входило в задачу Солженицына, хотя он и говорит в ряде случаев о пытках в гестапо и о бесчеловечном обращении фашистов с советскими военнопленными. Но Солженицын, право же, нисколько не отступает от истины, когда пишет, что Сталин начал массовые репрессии, миллионные депортации, пытки и фальсифицированные процессы задолго до того, как Гитлер пришел к власти. И все это продолжалось у нас еще много лет спустя после разгрома германского фашизма.

Тем более русским царям в этом отношении трудно сравниться со Сталиным. О царской тюрьме и каторге Солженицын немало говорит в своей книге, это была частая тема разговоров между заключенными, особенно если среди них оказывался старый большевик (заключенные из других социалистических партий почти все вымерли по лагерям еще до войны). В этих разговорах старая тюрьма или ссылка представлялись заключенным 40-х годов чем-то вроде дома отдыха. Да и размах репрессий... В годы революции (1905-1907 гг.) и в годы последующей реакции царские палачи расстреливали за год столько же рабочих, крестьян и солдат, сколько в 1937-1938 годах расстреливалось в нашей стране или умирало узников в лагерях и тюрьмах в течение одного дня. Что уж тут сравнивать!

Лучшая глава книги

Я думаю, что на разных людей в книге Солженицына произведут наибольшее впечатление различные главы. Для меня были особенно важны главы "Голубые канты" и "К высшей мере".

Здесь автор достигает исключительной глубины в психологическом анализе поведения и тюремщиков, и их жертв. Солженицын идет здесь глубже, чем Достоевский.

163

Я вовсе не хочу сказать этим, что Солженицын более гениальный художник, чем Достоевский. Я не литературовед. Но, очевидно, что сталинские тюрьмы и лагеря, этапы и пересылки, которые Солженицын прошел через сто лет после ареста и каторги Достоевского, дали автору "Архипелага ГУЛАГа" в десятки раз большие возможности исследования различных форм и видов развращения человека злом и насилием, чем имел автор "Записок из Мертвого дома". И, конечно, Солженицын использовал эти трагические возможности так, как это мог сделать только великий писатель.

Солженицын о Сталине

В книге Солженицына в различных местах содержится немало глубоких и точных, но высказанных как бы мимоходом характеристик Сталина и замечаний о его личности. Автор

считает, однако, личную роль Сталина в постигшей нашу страну катастрофе и даже в создании изучаемого Солженицыным "Архипелага" настолько незначительной, что большая часть его высказываний о Сталине выносятся из основного текста книги в короткие сноски и примечания. Так, в примечаниях на предпоследней 605-й странице тома Солженицын пишет: "И в предтюремные и в тюремные годы я тоже долго считал, что Сталин придал роковое направление ходу советской государственности. Но вот Сталин тихо умер - и уж так ли намного изменился курс корабля? Какой отпечаток собственный, личный он придал событиям - это унылую тупость, самодурство, самовосхваление. А в остальном он точно шел стопой в указанную стопу".

Говоря очень кратко, во второй главе о репрессиях 1937-1938 годов (зачем говорить подробно о том, "что уже широко написано и еще будет многократно повторено"), когда в застенках НКВД были уничтожены основные кадры партийного руководства, партийной интеллигенции, командного и политического состава Красной Армии, большинство крупнейших хозяйственных руководителей, руководители комсомола, когда сменились насильственным образом верхи советского управления, верхи самого НКВД, дипломатического аппарата и т. д., Солженицын пишет (опять в примечании): "Теперь, видя китайскую культурную революцию (тоже на 17-м году после окончательной победы), мы можем с большой вероятностью заподозрить тут историческую зако

164

номерность. И даже сам Сталин начинает казаться лишь слепой и поверхностной исполнительной силой" (С. 80).

С таким взглядом на роль и значение Сталина в трагедии 30-х годов согласиться трудно. Конечно, было бы ошибочным полностью отрывать эпоху сталинского террора от предшествующей революционной эпохи. Какой-то коренной, резко очерченной границы между этими эпохами не было ни в 1937 году, как думают многие, ни в 1934 году, как утверждал Хрущев, ни в 1929 году, как это думал ранее сам Солженицын, ни в 1924 году, когда умер Ленин и была разбита троцкистская оппозиция, ни в 1922 году, когда Сталин был избран Генсеком ЦК РКП (б). И вместе с тем, в каждый из этих годов, да и в некоторые другие происходил все же весьма существенный поворот в политике, что требует особого рассмотрения.

Конечно же, существует преемственная связь между той партией, которая взяла власть в октябре 1917 года, и той, которая стояла во главе СССР в 1937 году, в 1947 году, в 1957 году и в 1967 году, когда Солженицын заканчивал "Архипелаг ГУЛАГ". Но эта связь не означает идентичности или "гармонического развития". Не "стопа в стопу" шел Сталин. Он и в первые годы революции не всегда следовал ленинской "стопе". А уж потом он с каждым шагом уводил партию в другую сторону. Внешнее сходство в данном случае лишь маскирует очень большое внутреннее различие, в некоторых отношениях даже противоположность, и переход в эту противоположность вовсе не был закономерным, детерминированным, неизбежным. Более глубокий научный анализ, которому, несомненно, будут еще подвергнуты события, о которых пишет в своем художественном исследовании Солженицын, неоспоримо покажет, что даже внутри и в рамках той системы партийных, государственных и общественных отношений, которая была создана в России при Ленине, Сталин произвел в несколько приемов коренной переворот, сохранив лишь внешнюю оболочку так называемых ленинских норм, лишь терминологию марксизма-ленинизма. Сталинизм во многих отношениях есть отрицание и кровавое уничтожение большевизма и всех революционных сил. В определенном смысле сталинизм - это самая настоящая контрреволюция. Разумеется, мы вовсе не считаем, что система, созданная в первые годы советской власти, была верхом совершенства и что ленинское наследие и ленинский период в истории нашей революции не нуждается в самом серьезном критическом анализе.

Солженицын не ставит своей задачей исследовать феномен

165

сталинизма, его природу, особенности, историю его развития, его предпосылки.

Вероятно, для Солженицына просто не существует такого понятия как сталинизм, ведь Сталин лишь "точно шел стопой в указанную стопу".

В книге Солженицына почти нет того, что можно было бы назвать историческим фоном. Эта книга начинается главой "Арест", чем автор сразу подчеркивает, что он исследует и описывает лишь мир заключенных, мир отверженных, таинственную и страшную страну ГУЛАГ, ее географию, структуру, общественное устройство, ее писанные и неписанные законы, ее население, ее нравы, ее владык и ее подданных. Да и не очень нужен Солженицыну этот исторический фон, ведь по представлению Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ" появился еще в 1918 году и развивался с тех пор по каким-то своим внутренним законам.

Эта односторонность, нарушаемая, правда, отдельными, нередко весьма глубокими по мысли замечаниями, сохраняется на протяжении всего тома. Конечно, такой подход - законное право автора.

И все же, не говоря ни слова о сталинизме и как бы отрицая правомерность такого понятия вообще, Солженицын своим художественным исследованием одной из самых главных частей сталинской системы очень помогает изучению и всей преступной и бесчеловечной системы сталинизма. Солженицын не прав, полагая, что эта система сохранилась в своих основных чертах и сегодня, но она и не ушла еще совсем из нашей общественной, политической и духовной жизни. Книга Солженицына наносит по сталинизму и неосталинизму удар очень большой силы. Никто из нас не сделал в этом отношении больше, чем Солженицын.

Солженицын о Ленине

Еще во времена своей комсомольской молодости Солженицын сомневался в мудрости и честности Сталина. Это сомнение, высказанное в одном из писем с фронта, и было причиной ареста и осуждения капитана Советской Армии Солженицына в 1945 году. Но он нисколько не сомневался тогда в том, что "Октябрьская революция была великолепна и справедлива, и что вели ее к победе люди высоких намерений и вполне самоотверженные" (С. 229). Теперь Солженицын думает иначе и об Октябрьской революции, и о Ленине.

166

Из всех обвинений, которые Солженицын прямо или косвенно предъявляет сегодня Ленину, мы остановимся только на двух.

Солженицын считает, что Ленин настоял в 1917 году на проведении в России новой "пролетарской и социалистической" революции, хотя ни Россия, ни русский народ не были готовы к такой революции и не нуждались в ней.

Солженицын также считает, что Ленин злоупотреблял террористическими методами борьбы против своих политических противников.

Легко разбирать ошибки революционера через 50 лет после революции.

Но революционная ситуация обычно не дает политическим вождям времени для спокойного академического анализа. Впрочем, и сейчас можно предположить, что если бы российские буржуазные партии оказались способными осуществить в 1917 году хотя бы собственные буржуазно-демократические задачи (и вывести Россию из войны), то народ не пошел бы тогда на новую революцию. Но русская буржуазия по трусости и корыстности не смогла решить этих столь назревших проблем, эти проблемы взялись решить большевики во главе с Лениным, и русский народ, как показала история, их тогда поддержал.

Крайне сложен вопрос о методах революционной борьбы. Ибо первая социалистическая революция - это неизбежно шаг в неизвестное. Ее не с чем сравнить, и ее вождям не у кого перенимать опыт. Здесь невозможно все заранее рассчитать, взвесить и только затем принимать решения. Предвидеть события можно чаще всего на несколько дней или недель вперед. Основные решения и методы революционной борьбы принимаются или корректируются только в ходе событий. Ленин хорошо это понимал и нередко повторял слова Наполеона: "Сначала ввязаться в бой, а там посмотрим". Такая революция невозможна без риска, без риска поражения и без риска ошибок. Но и не дать сигнал к революции, когда

она стала возможной, - это тоже очень большой риск для революционной партии.

Неудивительно поэтому, что у Ленина и возглавляемого им Советского правительства было немало ошибок и просчетов. Эти ошибки затянули гражданскую войну в России и сделали ее более ожесточенной. Эти просчеты затянули переход к НЭПу и усилили на первых порах хозяйственную разруху. Не оправдались и надежды Ленина на скорую революцию в Европе, которая даст России техническую и культурную помощь. Советское пра

167

вительство пошло слишком далеко в ограничении демократии в нашей стране.

Этот список просчетов и ошибок можно продолжить. Однако никакая кибернетика не поможет доказать, что вооруженное восстание 24 октября 1917 года было исторически преждевременным шагом, и что все последующие злодеяния сталинского режима вытекали из этой роковой ошибки Ленина. Ибо и после смерти Ленина путь нашей партии вперед был движением по никем не изведанной дороге. К сожалению, те, кто сменил Ленина во главе партии, не имели его ума, знаний, умения находить в большинстве трудных ситуаций верное решение. Поэтому они не использовали и малой части тех возможностей, которые давала Октябрьская революция для быстрого продвижения вперед к подлинно социалистическому и демократическому обществу. Мы и сегодня еще далеки от этой цели. Сталин не только не шел "стопой в точно указанную стопу" (таких "точно указанных стоп" в истории не бывает). Но и те несколько вешек, которые наметил Ленин в своих последних заметках, Сталин очень быстро отбросил в сторону.

В условиях революции и в условиях гражданской войны ни одно правительство не может обойтись без тех или иных форм насилия. Но и самый беспристрастный историк должен будет сказать, что разумная мера в использовании насилия была многократно превышена уже в первые годы Советской власти. С лета 1918 года нашу страну захлестнула волна как белого, так и красного террора. Большая часть этих актов массового насилия была совершенно излишней и вредной даже с точки зрения логики и интересов классовой борьбы. Этот террор лишь ожесточил враждующие стороны, затягивал войну и порождал новые ненужные насилия. К сожалению, и Ленин в первые годы революции гораздо чаще произносил слово "расстрел", чем это вынуждалось складывающейся обстановкой. Солженицын цитирует Ленина не искажая, но лишь неодобрительно комментируя. Но вряд ли кто-нибудь сегодня одобрит такой, например, приказ Ленина председателю Нижегородского губсовета Г. Федорову: "Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п." (подчеркнуто Лениным) (ПСС. Т. 50. С. 142). Вывезти - да, но зачем убивать женщин?

Об этих злоупотреблениях властью можно пожалеть, их следует осудить. И все же этот террор времен гражданской войны не предопределил страшный террор сталинской эпохи.

168

Ленин совершил немало ошибок, многие из которых он сам признавал неоднократно. Честный историк несомненно должен отметить все эти ошибки и злоупотребления властью. Однако общий итог деятельности Ленина, как мы уверены, был положительным. Солженицын думает иначе. Это его право. В социалистической стране каждый должен иметь возможность высказывать свои взгляды и свои мнения о деятельности любого политического руководителя.

Солженицын о Крыленко

Солженицын не жалуется в своей книге ни одну из русских революционных партий. Эсеры - это террористы и краснобаи, "никогда достойно не возглавляемые". Меншевики, видимо, только краснобаи. Но более всего достается от Солженицына большевикам, которые хотя и сумели захватить и удержать власть в России, но проявили при этом чрезмерную и совершенно ненужную жестокость. Из большевистских руководителей Солженицын особенно выделяет Н. В. Крыленко, председателя Верховного революционного трибунала и прокурора Республики, главного обвинителя на многих "показательных" судебных

процессах в первые годы Советской власти. Этим процессам Солженицын посвящает почти полностью две главы ("Закон - ребенок" и "Закон мужает"), да и в других главах имя Крыленко встречается часто.

Конечно, можно сказать, что первые годы Советской власти были временем самой ожесточенной борьбы Советской республики за свое существование. И если нужна была революция и Советская власть, то ее нужно было защищать от многочисленных и беспощадных врагов, а этого нельзя было бы сделать без военно-революционных трибуналов и без ВЧК. Но и при этих оговорках нельзя все же не видеть, сколь несправедливы и бессмысленно жестоки были во многих случаях эти "судебные" и внесудебные расправы, сколь много было и в ВЧК, и в трибуналах случайных, неумных и до предела озлобившихся людей. И Крыленко стал здесь скоро одним из главных режиссеров, мало отличаясь при этом от председателя яковинского трибунала Коффеналья, который вместе с активными роялистами отправлял на гильотину и простых обывателей, в том числе 70-летних старух и 18-летних девушек, и революционеров, недовольных Робеспьером, и знаменитого химика Лавуазье, просившего хотя

169

бы позволить ему закончить важную серию опытов ("Нам не нужны ученые", ответил Коффеналь).

Конечно, Крыленко не был исключением среди большевиков. Но и не все руководители этой партии были похожи на Крыленко. К сожалению, революционерами становятся не только самые честные и мужественные люди своего времени. К революции, особенно в пору подъема, примыкают и люди озлобленные, тщеславные, честолюбивые, корыстолюбивые, люди с холодным сердцем и нечистыми руками, а также много просто неумных и тупых фанатиков, способных на все. Но это вовсе не повод, чтобы осуждать всякую революцию и всех революционеров.

Нужно учесть и другое. Для революционеров главным испытанием оказались не тюрьмы или каторга, не смелые атаки под пулеметным огнем белогвардейцев, не голод и холод, а власть, и при этом власть на первых порах почти ничем не ограниченная. Давно известно, что власть развращает и портит нередко и самых хороших людей. Приходится с сожалением отметить, что очень многие из большевиков не выдержали этого испытания властью. Задолго до своей гибели в мясорубке сталинских репрессий эти люди сами оказались руководителями и участниками многочисленных и жестоких репрессий, в большинстве своем ничем не оправданных, ненужных и вредных. Но из этого вовсе не следует, что и до революции все эти большевики были такими же несправедливыми и жестокими, равнодушными к страданиям людей, что они и тогда не руководствовались самыми лучшими побуждениями и самыми высокими целями и идеалами.

Надо полагать, что и Крыленко, вступивший в партию в 1904 году, был тогда не тем человеком, каким он стал в 1929 году.

Солженицын понимает это развращающее влияние власти над людьми. С предельной откровенностью он пишет, что и сам он после года тяжелой и голодной солдатской жизни, после года муштры и изматывающей шагистики, пережив немало несправедливостей от самых младших командиров, начисто все это забыл, едва лишь стал лейтенантом, а вскоре и капитаном. В своем сознании он стал резко отделять себя от подчиненных ему солдат, он все меньше понимал тяготы их фронтовой жизни, все более отделял себя от них, как человека иной породы и иной касты. Он не задумываясь пользовался всеми офицерскими привилегиями, называл на "ты" отцов и дедов, понукал своего денщика и даже был иногда настолько суров с солдатами, что какой-то старый полковник счел необходимым во время ревизии сделать

170

ему выговор. "Оказалось, - признается Солженицын, - что от офицерских погон, всего два годика вздрагивавших на моих плечах, натряслось золотой ядовитой пыли мне в пустоту между ребрами" (С. 551). Более того, едва не стал Солженицын и офицером НКВД, его

убеждали пойти в училище НКВД, и если бы сильнее нажали, то согласился бы. И вспоминая свое офицерство, Солженицын, беспощадный и к себе, признается: "Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем был - вполне подготовленный палач. И попади я в училище НКВД при Ежове - может быть у Берии я вырос бы как раз на месте" (С. 175).

Но если за два года младшего офицерства так изменился Солженицын, то что говорить о Крыленко, который за срок намного меньший взметнулся от прапорщика до Верховного главнокомандующего всей русской армией, а затем и до председателя Верховного трибунала, заместителя наркома юстиции и главного прокурора РСФСР. Хотя и окончил Крыленко до революции два факультета, но от такой чрезвычайной власти опьянел и поглупел до неузнаваемости.

"Видимо злодейство, - пишет Солженицын, - есть тоже величина пороговая. Да, колеблется, мечется человек всю жизнь между злом и добром, оскользается, срывается, карабкается, раскаивается, снова затемняется - но пока не преступлен порог злодейства - в его возможностях возврат, и сам он "еще в объеме нашей надежды. Когда же густотой злых поступков или какой-то степенью их или абсолютностью власти он вдруг переходит через порог - он ушел от человечества. И может быть - без возврата" (С. 182).

"Пусть захлопнет здесь книгу тот читатель, кто ждет, что она будет политическим обликом, - пишет в другом месте Солженицын. - Если б это было так просто! - что где-то есть черные люди, злокозненно творящие черные дела, и надо только отличить их и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?.. В течение жизни одного сердца эта линия перемещается и на нем, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство рассветающему добру. Один и тот же человек бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То к святому. А имя - не меняется, и ему мы приписываем все" (С. 175-176). В этом глубоком замечании Солженицына мы видим по крайней

171

мере частичное объяснение той драмы и того грехопадения очень многих большевиков, которые еще до того, как они стали жертвой сталинского террора, были уже отнюдь не последними винтиками в созданной Сталиным машине произвола.

Что предлагает Солженицын ?

Но если власть развращает и портит людей, если политика, как думает Солженицын, - "это даже не род науки, это - эмпирическая область, не описываемая никаким математическим аппаратом, да еще подверженная человеческому эгоизму и слепым страстям", если все профессиональные политики это "чиры на шее общества, мешающие ему свободно вращать головой и двигать руками" (С. 393), то к чему мы должны стремиться, как строить справедливое человеческое общежитие?

Солженицын говорит об этом мимоходом, он заключает свои мысли в скобки, не разъясняя и не растолковывая их подробно. Но и из этих кратких замечаний видно, что Солженицын считал бы самым правильным такое построение общества, "когда его возглавляют те, кто могут разумно направить его деятельность" (С. 392-393). Такими людьми являются в первую очередь инженеры и ученые (а рабочие, по мнению Солженицына, лишь подсобники инженеров в промышленности). Но кто возьмет на себя нравственное руководство обществом? Из всех рассуждений Солженицына вытекает, что нравственное руководство обществом способна осуществлять не какая-либо политическая доктрина, но только религия. Только вера в Бога может служить опорой человеческой нравственности и только глубоко верующие люди смогли лучше других пройти через все тяготы сталинских лагерей и тюрем.

Эти мысли отдают утопией, они даже не слишком оригинальны. Солженицын наносит страшные по силе удары по всем видам политической лжи. Он справедливо призывает советских людей, и прежде всего молодежь не способствовать лжи и не сотрудничать с

ложью. Но нужно не только убедить людей в ложности тех или иных политических доктрин, но и дать людям правду, убедить их в истинности тех или иных взглядов. Однако для подавляющего большинства советских людей религия уже не является и не может стать истиной, и молодежь XX века вряд ли найдет для себя руководство в вере в Бога. Да и как без политики

172

и без политической борьбы инженеры и ученые смогут взять на себя управление общественными делами или хотя бы одной только экономикой? Но если бы это и было возможно, как предотвратить перерождение такого общества в диктатуру технократов? А разве передача религии функций нравственного руководства обществом не приведет со временем к возникновению самой худшей формы теократического государства?

Касаясь репрессий 1937 года, Солженицын пишет: "Может быть 37-й год и НУЖЕН был для того, чтобы показать, как малого стоит все их МИРОВОЗЗРЕНИЕ, которым они так бодро хорохорились, разворачивая Россию, громя ее твердыни, топча ее святыни" (С. 138). Речь идет, как можно легко понять, о марксизме. Но Солженицын не прав. Не марксизм породил извращения сталинизма, и преодоление сталинизма вовсе не будет означать крушения марксизма и научного социализма. Да и хорошо знает Солженицын, и говорит в другом месте о том, что и религиозная идеология облегчила двухсотлетние зверства инквизиции, сожжение и пытки еретиков.

Во всяком случае меня очень мало устраивают эти идеалы Солженицына. Я глубоко уверен, что в обозримом будущем наше общество должно строиться на сочетании социализма и демократии, и что именно развитие марксизма и научного коммунизма позволит создать наиболее справедливое человеческое общежитие.

Инженеры и ученые должны иметь гораздо больший вес в нашем обществе, чем они имеют сегодня. Но это вовсе не исключает и научно организованного политического руководства. Оно предполагает, в частности, отмену большинства привилегий для руководителей, разумное ограничение политической власти, эффективный народный контроль, самоуправление везде, где оно только возможно, расширение полномочий местных органов власти, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, ограничение любых политических полномочий определенными сроками, полную свободу слова и убеждений, включая, естественно, и свободу религиозных убеждений и религиозной проповеди, свободу организаций и собраний для людей и групп всех политических направлений, свободные выборы с одинаковым правом на выдвижение своих кандидатов для всех политических группировок и партий, свободу передвижения по стране и свободу выезда и т. д., и т. п. Только такое общество, свободное, разумеется, и от эксплуатации человека че

173

ловеком и основанное на общественной собственности на все главные средства материального производства, сможет обеспечить беспрепятственный и всесторонний (в том числе и нравственный) прогресс как всего человечества, так и отдельной человеческой личности.

И пока нет у нас такой подлинно социалистической демократии, развитие нашей страны будет по-прежнему медленным, односторонним и уродливым, и не часто будут появляться у нас такие гиганты духа как Солженицын.

Перед арестом Солженицын считал себя марксистом. Пройдя через жестокие испытания, описанные с такой беспощадной правдивостью в "Архипелаге ГУЛАГе", Солженицын утратил веру в марксизм. Это дело его совести и его убеждений. Солженицын никому не изменял и никого не предавал. Сегодня Солженицын противник марксизма, и он не скрывает этого.

Марксизм, конечно, не погибнет, потеряв одного из своих бывших приверженцев. Мы думаем даже, что марксизм только выиграет от полемики с таким противником как Солженицын. Иметь такого противника все же гораздо лучше для марксизма, чем иметь таких "защитников" как Пospelов и Ильичев, Кочетов или Сафронов. Ничего не стоила бы

идеология, которую нужно навязывать людям только силой или угрозой применения силы. К счастью, подлинно научный социализм в этом не нуждается.

20-27 января 1974 года

О высылке А. И. Солженицына за границу

14 февраля читатели "Правды" и "Известий", а также других газет прочли на последней странице краткое сообщение ТАСС о том, что "лишен гражданства СССР и выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А. И.". Кто такой Солженицын, в сообщении ТАСС не указывалось. Впрочем, уже с 15 февраля все газеты стали публиковать письма и заявления как известных деятелей культуры, так и рядовых рабочих и служащих в поддержку Указа Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства. Ничего не зная о книгах Солженицына, которые в последние 8 лет публиковались только за границей, эти люди считают своим гражданским долгом послать ему вдогонку самые отборные ругательства и даже прокля

174

тья. И в эти же дни тысячные толпы простых граждан и почитателей Солженицына встречали его в городах Европы с возгласами: "Браво Солженицын!", а сотни корреспондентов преследовали его по пятам, стараясь поймать каждое его слово. Главы почти всех стран Запада уже заявили о готовности предоставить Солженицыну политическое убежище. Поистине "нет пророка в своем отечестве".

Некоторые из зарубежных друзей и почитателей писателя, осуждая в принципе решение Советского правительства, говорят и о том, что, узнав об этом решении, они все же вздохнули с облегчением. Несомненно, вздохнули с облегчением и многие из руководителей СССР; им кажется, что они сумели, наконец, вырвать столь болезненную для них занозу. И хотя рана еще долго будет кровоточить и причинять беспокойство, они надеются, что она постепенно заживет и забудется.

Публикуя "Архипелаг ГУЛАГ", Солженицын знал, что это вызовет негодование в правящих кругах СССР, и что он идет на большой риск. Он заявил, что он и его семья готовы ко всему. Любое наказание за взгляды и убеждения, изложенные в художественном, публицистическом или научном произведении, незаконно. Но если бы Солженицын имел бы возможность выбора, он предпочел бы, несомненно, не изгнание, а ссылку в Сибирь или даже тюрьму. Но это означало бы и длительное молчание, тогда как высылка за границу при всей болезненности этой акции и для всех нас, и для самого писателя, не закрывает ему дороги к дальнейшему творчеству. Ошибаются те западные газеты, которые пишут, что Солженицына ждет на Западе духовная смерть.

Высылка Солженицына за границу - это моральное поражение нашего руководства, которое не могло ответить на брошенное ему обвинение, но и не решилось на привлечение Солженицына к судебной ответственности, хотя бы и при закрытых дверях.

Но, конечно, трудно считать эту акцию и победой Солженицына; он стал жертвой произвола, над ним совершено насилие, он потерял возможность ходить по родной земле, слышать вокруг себя русскую речь, общаться с друзьями. И, конечно, голос Солженицына будет звучать из Швейцарии, Франции или Норвегии гораздо слабее, чем он звучал из Москвы. Высылка Солженицына - это невосполнимая потеря для внутренней оппозиции всех направлений. Но это также важный выигрыш для российской эмиграции, которая в последние годы все более пополняет

175

ся за счет людей, имеющих не только друзей, но и немалый авторитет на своей родине - обстоятельство, последствия которого сегодня трудно предсказать.

Нетерпимое к оппозиции советское руководство не слишком часто высылало за границу своих политических противников, критиков и оппозиционеров, предпочитая просто лишать их свободы (а в прежние времена и жизни) или вынуждая к молчанию одной лишь угрозой лишения свободы или работы. Но еще более редки в нашей стране случаи, когда человека, активно выступающего против власти имущих и предпочитающего тюрьму, ссылку

или даже насильственную смерть, силой выдворяют за границу. Пожалуй, в нашей истории был один случай, сходный с выдворением Солженицына. Я имею в виду судьбу Л. Д. Троцкого, отправленного сначала в Казахстан, а затем на Принцевы острова в Мраморном море.

Западная печать уже давно называла Солженицына "видным лидером оппозиции в СССР". Но на этом, пожалуй, и кончается его сходство с Троцким. Ибо Солженицын не возглавлял никакого политического движения, никакой группы, никакой организации. Однако со своим могучим талантом, несравненным мужеством, твердостью характера, со своей поразительной трудоспособностью Солженицын один заменил собой целую партию или движение; он бросил вызов самому сильному государству на земном шаре и в течение многих лет вел единоборство, за которым с вниманием и волнением следил весь мир.

У Троцкого в 1928 году было еще много последователей и приверженцев внутри нашей страны, особенно среди партийной интеллигенции и молодежи. Когда в Москве распространился слух о возможной высылке Троцкого, тысячи людей собрались у Ярославского вокзала, и некоторые из них ложились на рельсы. Пришлось отложить на несколько дней высылку этого опального политика. Но у Солженицына не так уж много приверженцев в нашей стране, так как его главные книги практически неизвестны советскому читателю. Но он сумел завоевать себе мировую аудиторию, его читают и чтут десятки миллионов людей доброй воли во всем мире, и с этим нельзя было не считаться. Главным оружием Солженицына было слово, и он владел этим оружием с поразительным искусством. Судьба Солженицына показывает огромную роль и большие возможности слова в наше время, но она показывает также силу тех барьеров, которые стоят на пути свободного слова в нашей стране, барьеров, через которые не

176

смог проникнуть и столь могучий голос. По степени отрицания существующих в нашей стране политических институтов и господствующей идеологии Солженицын стоял на самых радикальных позициях. Он был сторонником "Вех" или веховцем только в своих оценках революционных деятелей и революционных партий прошлых эпох. Применительно к сегодняшним условиям и порядкам в нашей стране как раз Солженицын больше всего похож на самых неистовых революционеров, тогда как большинство из нас является всего лишь скромными реформистами.

Лично я не разделяю ни политических, ни религиозных убеждений Солженицына. Я думаю, что с солженицынских позиций невозможно создать реальную альтернативную политическую и нравственную платформу для развития нынешнего советского общества. Но я не только отношусь к взглядам Солженицына с уважением и пониманием, но считаю даже, что его позиция позволяет ему видеть и критиковать многие из тех недостатков, которых мы не видим или с которыми мы привыкли мириться. Главное в книгах Солженицына это тема несвободы. Как писал недавно один из друзей Солженицына, именно ему удалось лучше других высказать то, чего не сказали миллионы умолкших: казненных, убитых, замученных пытками, каторжным трудом, чего не говорят миллионы безмолвных: - обманутых, запуганных или скованных вязкой рутинной.

Уже "Один день Ивана Денисовича" и несколько рассказов Солженицына, опубликованных "Новым миром", составили важный этап не только в литературной, но и в политической жизни Советского Союза. Конечно, Солженицын сказал тогда лишь малую часть того, что он хотел сказать и что он сумел сказать позднее, но в книгах, опубликованных только за границей. Если бы все эти книги были опубликованы в нашей стране, они несомненно оказали бы огромное воздействие на сознание всего народа. Однако и в этом случае книги Солженицына, как я уверен, не побудили бы подавляющее большинство советских людей отказаться от социализма и социалистической идеологии. Перемены, которые произошли в нашей стране после Октября, необратимы. Мы видим сегодня, что насильственная революция это не только благо, но и зло для страны, в которой она происходит. Эта революция вызывает к жизни не только созидательные силы, и она

разрушает не только устаревшие и отжившие институты и взгляды. Она уничтожает нередко и важные национальные традиции, она разрушает порой и те материальные и духов

177

ные ценности, которые составляют важное достояние народа и которые могли бы служить людям и в новом обществе. Революция поднимает наверх нередко недостойных людей, которые продолжают творить несправедливость и произвол, порой даже в больших масштабах, чем прежде. Но она означает также социальный и экономический переворот, переход общества в новое качество, на новую ступень развития, она создает новые реальности, которые нельзя игнорировать. "Извержения революции, - как писал один из западных публицистов, - создали в России новый ландшафт". И это верная мысль. Можно, конечно, переделывать этот ландшафт, улучшать его, но его нельзя устранить. Неразумно также ждать или стараться породить какое-то новое извержение.

Неверно, что наша страна и наше общество находятся в тупике. Советский Союз может развиваться и двигаться вперед, но такое развитие возможно лишь на основе уже произошедших социальных, экономических и идеологических сдвигов. У нашей страны есть только два возможных пути: или создавать казарменный лжесоциализм или строить социализм "с человеческим лицом", т. е. демократический социализм. Солженицын, как и многие из нас, отвергает первый путь, но он не верит и в возможность второго пути. Однако его критика, его деятельность, его мужество и его произведения увеличивают возможности для победы именно этого демократического социализма.

Что будет делать Солженицын за границей? Конечно же, он будет жить интересами и судьбами своей Родины, он будет продолжать писать о ней, он будет по-прежнему влиять на наши мысли и чувства. Его книги будут по-прежнему интересны и важны для нас, хотя их путь к читателю в Советском Союзе будет гораздо более трудным, а чтение их будет для многих из нас сопряжено с опасностью и риском. Но Солженицын покинул свою страну не навсегда. Не исключено, что он вернется на родную землю еще при своей жизни, и мы сможем устроить ему почетную и дружескую встречу. Но при любых обстоятельствах и поворотах судьбы Солженицын вернется в нашу страну в своих книгах, и он по праву займет место в рядах самых великих сыновей России.

17 февраля 1974 года. Москва

178

Что нас ждет впереди?

(О "Письме" А. И. Солженицына)

Опубликованное А. И. Солженицыным "Письмо вождям Советского Союза" документ разочаровывающий. Полемизировать с автором в данном случае нетрудно - уж очень нереальны и ни с чем несообразны многие его предложения.

Однако как ни велико первое чувство недоумения и разочарования, как ни явственно, что с этими утопическими и некомпетентными предложениями согласиться невозможно, - все же от этого нового документа Солженицына нельзя просто отмахнуться, как от наивных рассуждений "реакционного романтика и националиста". Не все так просто в этом документе. Нельзя не видеть, что письмо Солженицына - пусть в крайне искаженной форме - отражает многие реальные и острые проблемы нашего общества и государства. Да и то мироощущение, которое в предельно заостренной, даже гротескной форме выражено в этом письме, присуще многим людям в нашей стране. Вот почему мы считаем необходимым остановиться на некоторых затронутых в этом документе действительно серьезных проблемах современности и ближайшего будущего.

О национальной жизни русского народа

А. Д. Сахаров уже справедливо критиковал национализм и изоляционизм Солженицына. Последний пишет только о "русской надежде на выигрыш времени и выигрыш спасения", заявляя, что "с нас после всего перенесенного хватит пока заботы - как спасти наш народ". Судьба других наций Советского Союза мало волнует Солженицына. Как можно судить по одному из примечаний, он считал бы желательным отделение "окраинных

наций" от СССР, за исключением лишь Украины и Белоруссии.

Я не могу разделить ни этих взглядов, ни этих настроений. Но они не случайны. Их, хотя и не в столь резкой форме, высказывают многие русские люди.

Конечно, самый многочисленный и самый мощный русский народ занимает в Советском Союзе весьма видное место. Его и сегодня называют в печати "старшим братом"; русский язык и русская культура быстро распространяются по всей территории СССР. И все же собственно национальная жизнь рус

179

ского народа, как это ни странно, затруднена гораздо больше, чем, скажем, армянского, грузинского или узбекского народов.

Так, села и деревни основных русских областей несравненно более запущены, чем, например, села Украины, Молдавии, Закавказья или Прибалтики. К тому же русский народ фактически лишен своей столицы. Москва, ставшая столицей многонационального Союза, почти утратила черты национального русского города, центра собственно русских земель, каким она была до революции, когда столицей империи являлся более европеизированный, чиновный и промышленный Петербург. Это превращение Москвы в интернациональный центр, лишенный четких национальных очертаний, нельзя считать положительным для русской нации.

Наблюдающееся ослабление русских национальных начал не является в настоящее время ни закономерным, ни прогрессивным. Конечно, во всем мире происходит сейчас частичное слияние всех наций. При этом некоторые небольшие нации, не имеющие старой развитой культуры, постепенно ассимилируются, сливаясь с нациями более крупными и развитыми. Но, как правило, национальная культура, самосознание и обычаи представляют огромную ценность, которую нужно развивать и лелеять - отнюдь не в ущерб, конечно, интернациональной экономической, научной и технической интеграции. Еще до революции Ленин писал, что "целью социализма является не только сближение наций, но и слияние их". Пожалуй, это было слишком поспешное суждение. Во всяком случае, за прошедшие 57 лет основные национальности СССР, безусловно, не исчерпали возможностей развития своей национальной культуры и национальной жизни - и трудно сказать, произойдет ли это вообще, по крайней мере в ближайшие столетия.

Каким образом следовало бы способствовать не только сохранению, но и развитию национальной самобытности русского народа? Это вопрос, требующий специального рассмотрения. Во всяком случае, следует отметить, что давнее предложение о разделении столиц СССР и РСФСР (за которое при Сталине было осуждено немало людей) не является столь уж беспочвенным. И, безусловно, необходимо принять широкие и срочные меры для поднятия сельского хозяйства и культуры в коренных русских областях - особенно в центре и на севере Европейской части РСФСР.

У Солженицына есть, однако, иное предложение. "Наш вы

180

ход один, - пишет он, - ... перенести центр государственного внимания и центр национальной деятельности (центр расселения, центр поисков молодых) с далеких континентов и даже из Европы, и даже с юга нашей страны - на ее Северо-Восток" (Северо-восток Европейской части, север Азиатской части и главный массив Сибири). "Построение более чем половины государства на новом свежем месте, - продолжает свою мысль Солженицын, - позволяет не повторить губительных ошибок XX века - с промышленностью, с дорогами, с городами". На громадных просторах Северо-Востока Солженицын предлагает создавать небольшие предприятия, основанные на "дробной, хотя и высокой технологии" и на "принципах стабильной, непрогрессирующей экономики". Но главной задачей переселенцев из Европейской России было бы "на пространствах Северо-Востока ставить (с большими затратами, конечно) такое сельское хозяйство, которое будет кормить своим естественным экономическим ходом".

Несколько лет мне довелось жить и учительствовать в небольшом поселке на Северо-

Востоке. Это был богатый поселок, в нем жили в основном рабочие соседнего золото-платинового прииска. На сотни километров вокруг простирались нетронутые леса. Большинство семей имело небольшие огороды и скот. Однако главная часть продуктов питания завозилась сюда с юга, так как для сельского хозяйства вся наша зона была мало пригодна: последние заморозки случались в июне, а первые - уже в августе. Но ведь это типично для всего Северо-Востока; этот край наименее приспособлен для ведения сельского хозяйства, да еще "естественным экономическим ходом". Солженицын предлагает, правда, "растеплить и отморозить Северо-Восток", используя для этого часть военного и весь космический бюджет. Но даже если бы это было возможно, какой же разумный государственный деятель согласится расходовать десятки миллиардов народных денег на сельскохозяйственное освоение северо-восточной целины, когда так еще запущено сельское хозяйство в Смоленской, Псковской, Вологодской, Новгородской, Кировской, Калужской, Рязанской областях? Когда так еще неблагоустроены десятки старинных русских городов - Тула, Калуга, Калинин, Вологда, Смоленск, Астрахань, где целые районы состоят из покосившихся деревянных домов, построенных еще в начале века? Можно ли вкладывать миллиарды в создание какой-то фантастической "новой цивилизации" на Северо-Востоке, не добившись

181

процветания экономики в Европейской части СССР, не наладив здесь сносную жизнь для всего населения?

Конечно, постепенно осваивать Северо-Восток необходимо, и кое-что в этом направлении делается. Но это освоение не может быть самоцелью, природные богатства этого громадного края следует использовать преимущественно для улучшения жизни в старых районах заселения: в Европейской части России, на Украине, в Прибалтике, Белоруссии, в Средней Азии, в Закавказье. И все республики СССР должны принять участие в освоении богатств Сибири и иметь право использовать эти богатства в своей экономике.

Да вряд ли под силу будет поднять это дело одним только русским добровольцам! Так ли уж много людей согласится добровольно уехать из Москвы и из других центральных городов (тяготы жизни в столице Солженицын явно преувеличивает) на постоянное жительство в северо-уральскую тайгу или в Якутию? Крупные города притягивают людей из деревни не только более высокими заработками, не только театрами. Немалую роль играет и то, что в городах люди имеют несравненно большие возможности общаться с теми, кто близок им по духу и настроениям. Эта тяга к людям не в последнюю очередь предопределяет исчезновение крошечных деревень "в три избы", о судьбе которых так сокрушается Солженицын.

О положении православной церкви

Я не разделяю религиозных взглядов Солженицына. Но его тревога по поводу положения церкви в СССР не беспочвенна.

Православная церковь в течение тысячи лет была важным элементом русской национальной жизни, и нелепо было бы отрицать, что она для многих продолжает им быть. В стране и сегодня живут десятки миллионов верующих, для которых религия составляет главную часть их духовного мира, выполняет функцию утешения и, выражаясь научно, регулирующую и коммуникативную функции.

Известна драматическая судьба православной церкви после революции. Известно и то, что церковь не была нейтральной в развернувшейся тогда жестокой политической и военной борьбе и в основном выступала против советской власти. Тем не менее значительная часть обрुшившихся на нее репрессий была не

182

оправданной и излишней. Еще более достойны осуждения те репрессии, которым подверглась церковь уже в мирное время, в конце 20-х годов и в 1937-1938 годы, в результате чего в РСФСР осталось всего несколько сот действующих храмов. Положение православной церкви изменилось к лучшему лишь в годы войны. Однако в начале 60-х годов

снова были закрыты, а то и разрушены многие храмы. К счастью, эти вопиющие акты произвола вскоре прекратились. Однако разнообразные утеснения православной (как, впрочем, и других) религии, а также ряда сект все еще продолжают, и это причиняет страдания многим верующим.

Как марксист, я считаю церковь пережитком прежних эпох. Я убежден, что нравственное и духовное возрождение и развитие русского народа (как и других народов нашей страны) произойдет не на основе христианства, вообще - не на религиозной основе. Мои надежды связаны с развитием политической свободы, свободы слова и информации, т. е. с развитием социалистической демократии. Однако в понятие этой демократии для меня входит и свобода совести. Пока у нас в стране есть верующие, они должны иметь возможность беспрепятственно выполнять все предписанные их религией обряды. И поскольку верующие такие же граждане нашей страны, как и неверующие, притеснения церкви, открытые и скрытые подавления свободы совести граждан есть одна из форм нарушения демократии - тем более непростительная, что все религиозные организации в стране давно уже отказались от вмешательства в политическую жизнь общества. Марксизм не должен в этом отношении брать пример с самой церкви, которая в прежние века упорно и жестоко преследовала все формы инакомыслия.

Сейчас можно наблюдать известный рост влияния церкви, и, возможно, в ближайшие годы это влияние возрастет. Несомненно, это является реакцией на антидемократические процессы, происходящие в нашем обществе. Есть люди, много лет считавшие себя атеистами, которые теперь обращаются к религии, стараясь заполнить образовавшийся у них духовный вакуум. Для многих интеллигентов обращение к церкви представляет легальную форму протеста против усиления политического и идеологического давления. Для атеистического государства - это серьезная проблема. Но ее нельзя решить, усиливая гонения на церковь: эта проблема решается только идейным, нравственным соревнованием, без малейшего административного давления. Зафиксированное в Конституции отделение церкви от государства означает

183

не только обязательства церкви не вмешиваться в политические дела, но и обязанность государства не вмешиваться в дела церковные. Везде, где этого просят верующие, нужно вернуть церкви отобранные у нее храмы и разрешить (опять же, если этого просят верующие) строительство новых церквей там, где их нет. Государство должно отказаться от вмешательства в процедуру назначения, избрания и рукоположения духовных лиц. Церковные общины должны сами распоряжаться церковными доходами, которые следует освободить от налогов (как не облагаются налогами, скажем, пожертвования на Красный Крест). Нужно облегчить издание и продажу религиозной литературы. Родителям-верующим надо предоставить легальные возможности организовать (конечно, на собственные средства) религиозное обучение своих детей. Разумеется, это повысит моральную ответственность школы за воспитание юных граждан, но можно быть уверенными, что при хорошем школьном воспитании мало кто из детей последует примеру своих родителей. Усвоение атеистического или религиозного мировоззрения должно быть результатом свободного выбора, а не принуждения с той или другой стороны. Должна быть обеспечена и свобода сект - разумеется, кроме изуверских.

Я уверен, что у православной церкви в нашей стране нет будущего, как уверен, что будущего - далекого будущего - нет у религии вообще. Но религиозные убеждения могут быть у людей еще сотни лет, и сотни лет может еще просуществовать на Руси православная церковь. Если ей суждено умереть пусть это будет естественная смерть.

Военно-промышленный комплекс и угроза войны

Я согласен, что угроза войны с Западом почти исчезла, хотя никак не могу согласиться с Солженицыным, что западный мир как единая весомая сила перестает противостоять СССР. Совсем еще недавно холодная война, таившая в себе угрозу "горячей" термоядерной войны, была реальностью, с которой нельзя было не считаться. Тогда многие политики и граждане

западных стран искренне думали, что главная угроза исходит от тоталитарного сталинского режима, а многие советские политики и советские граждане были не менее искренне уверены, что главная угроза исходит от западного империализма.

С уравниванием стратегического ядерного потенциала как те,
184

так и другие опасения явно уменьшились. Это и проложило путь к разрядке и экономическому сотрудничеству и обмену, закрепляющему разрядку. Эти позитивные процессы развиваются - правда, с большими перерывами - уже с 1955 года, однако решительный перелом к лучшим отношениям наметился только с 1970 года.

Конечно, процесс разрядки мог бы идти быстрее и сопровождаться более заметным сокращением армии и стратегических арсеналов. Этому мешают не только накопившееся недоверие, различные предрассудки, возникновение (не без вмешательства великих держав) опасных кризисов на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в Центральной Европе. Явно мешает разрядке и давление военно-промышленных комплексов как в США, так и в СССР. Роль военно-промышленного комплекса в США широко известна. Что же до советских военных и военно-промышленных кругов, то, хотя их влияние на принятие основных политических решений после смерти Сталина несомненно возросло, его все же не следует не только преуменьшать, но и преувеличивать. Не думаю, чтобы давление отдельных консервативных военных лидеров помешало продолжению разрядки, включая и жизненно важную проблему сокращения военных бюджетов и стратегических ядерных потенциалов.

Уже сегодня большая часть советских дивизий, расположенных западнее наших границ, служит не столько щитом от возможной агрессии западных стран, сколько гарантом сохранения советского влияния в странах Восточной Европы. Гораздо более прочной, дешевой и эффективной гарантией экономического и политического сотрудничества и союза всех социалистических стран послужило бы расширение социалистической демократии в СССР и в самих странах Восточной Европы.

Более серьезна в настоящее время угроза советско-китайской войны. Но и эту угрозу не следует преувеличивать. Военно-техническое превосходство СССР пока еще настолько велико, что война была бы губительной прежде всего для Китая. Поэтому можно надеяться, что ни нынешние китайские лидеры, ни те, кто скоро придет им на смену, не решатся спровоцировать войну с СССР. У Китая еще много неосвоенных земель и вряд ли он рискнет на попытку решать свои демографические проблемы за счет Сибири. Тем более не может вспыхнуть эта война из-за каких-либо идеологических разногласий. Конечно, военная необходимость должна стимулировать более энергичное заселение

185

советских областей, примыкающих к границам Китая (эти районы, кстати, и более пригодны для заселения, и для ведения сельского хозяйства). Но было бы неразумным расточительством, ссылаясь на "китайскую угрозу", бросать громадные средства на "растепление и отморожение" русского Северо-Востока.

Я - не военный, но и для меня ясно, что в случае войны с Китаем, ни советская, ни китайская армии не могли бы долго вести военные действия на территории противника. Даже при успешном прорыве к основным жизненным центрам Китая наши армии вскоре должны были бы уйти опять на советскую территорию. Но и китайская армия, даже если бы ей вначале сопутствовал успех, не могла бы долго вести военные действия в малонаселенных и обширных пространствах Сибири, Казахстана и Дальнего Востока - и ей пришлось бы вскоре уйти обратно в Китай. Поэтому советско-китайская война, если она, к несчастью, возникнет, будет очень мало напоминать вьетнамскую. Эта война отнюдь не будет сыграна по нотам, написанным Амальриком или Солженицыным.

Я полностью, однако, согласен с Солженицыным, что надо сделать все возможное, чтобы избежать этой войны. И я согласен также, что и при нынешних отношениях с Китаем у нас есть достаточный запас сил, чтобы не бояться значительного сокращения военных

бюджетов. Нужно иметь в виду также, что разрядка на Западе уменьшает угрозу войны на Востоке.

Развитие социализма и развитие демократии

Солженицын предлагает сохранить в России на будущее время "устойчивый и покойный" авторитарный строй, ибо "и воля большинства не защищена от ложного направления". Высказываясь за свободу искусства, литературы и философии, Солженицын не желает, однако, свободного издания политической литературы, свободных выборов и прочих свобод, к которым будто бы не готов русский народ. По существу Солженицын отвергает для СССР - даже в перспективе - не только социалистическую демократию, но и всякую демократию вообще. Между тем социалистическая демократия - это единственная разумная альтернатива и единственный возможный путь положительного жизнеустройства для всех наций нашей страны.

Конечно, нельзя не признать, что существующая ныне в на

186

шей стране экономическая и социальная система существенно отличается от идеалов, которыми воодушевлялись русские революционные партии, включая большевиков. Но ведь и буржуазное общество XIX века существенно отличалось от идеалов просветителей и революционеров XVIII века. И так же, как нереально было бы пытаться "лечить" капитализм XIX века воскрешением дореволюционных феодальных структур, так же безнадежно искать выход из создавшегося у нас положения в переносе на советскую почву экономических и социальных структур, существующих в капиталистических странах, или в возвращении к национальным и религиозным ценностям России XVII века.

При всех планах и прогнозах исходить следует лишь из возможностей того общества, которое реально имеется в СССР и которое не является ни обществом государственного капитализма, как заявляют одни, ни обществом "развитого" или "зрелого" социализма, как утверждают другие. И при этом необходимо учитывать то общественное сознание, которое уже сложилось у нашего народа и которое не повернуть ни к капитализму, ни к древнему православию. Подавляющее большинство советских граждан безусловно стоит за социалистический путь развития, хотя представления о социализме у многих людей различны. Поэтому у Советского Союза нет другого реального пути развития, кроме совершенствования социалистического общества, кроме перехода от примитивных бюрократических вариантов лжесоциализма к подлинному социализму, к социализму с человеческим лицом.

Социализм - общественный строй, при котором свободное развитие каждого человека является условием развития всего общества. Это - азбучная истина научного социализма. И неверно, что социалистическое общество преследует только цели материального порядка. Задача социализма - обеспечить человеку человеческое существование, т. е. максимально удовлетворить не только материальные, но и духовные потребности людей, причем развить эти духовные потребности и у тех, кто их лишен, ибо занят борьбой за то, чтобы выжить. Это означает, что в социалистических странах должны быть обеспечены не только все экономические и социальные права трудящихся (в этом отношении прогресс в социалистических странах очевиден), но и все политические и гражданские права.

Для меня, как и для всякого мыслящего марксиста, социалистическая демократия означает гарантию прав не только боль

187

шинства, но и меньшинства, в том числе и права меньшинства формулировать и отстаивать свои взгляды и убеждения. Без права на оппозицию не может существовать никакая демократия, и социалистическая демократия также немыслима при преследовании инакомыслия и оппозиции. Однопартийная система может быть лишь временным эпизодом в развитии социалистического общества, а его постоянным и характерным свойством должна быть предоставленная всем гражданам свобода собраний и демонстраций и возможность объединяться в различные ассоциации и организации, включая и политические. И уж само

собой разумеется, социалистическая демократия означает гарантию свободы совести, слова и печати, свободы научного и художественного творчества, получения и распространения информации. Все основные государственные и общественные должности следует замещать лишь на основе свободных выборов, в которых должны принимать участие различные кандидаты. Должны быть обеспечены гласность судебного разбирательства и право на защиту на всех этапах суда и следствия. Граждане социалистических стран должны иметь свободу передвижения и свободу выбора места жительства - и в пределах своих стран, и за их пределами, т. е. должны иметь право свободно уезжать из своей страны и возвращаться в нее.

Разумеется, никакие свободы не бывают абсолютными и безоговорочными; каждая из перечисленных выше свобод нуждается в некоторых ограничениях, связанных с безопасностью и правами других граждан, с интересами общественной нравственности, с необходимостью обеспечить государственную безопасность и общественный порядок. Но если в этих ограничениях не соблюдается разумная мера, если они простираются слишком далеко, то ими сводятся на нет реальные права и свободы, а гарантирующая их конституция превращается в формальную декларацию.

Следует отметить, что в различные периоды жизни общества некоторые из свобод и прав личности приобретают особое значение, и требования их соблюдения выдвигаются на первый план. Было время, когда в качестве таких главных требований выдвигались обеспечение права на труд и на справедливое вознаграждение его, социальное обеспечение, ликвидация социального и национального неравенства. Нельзя сказать, чтобы этот период в нашей стране закончился, однако сейчас все более важными, по нашему мнению, становятся требования обеспе

188

чить такие права и свободы, как свобода слова и печати, получения и распространения информации, свобода оппозиции и обеспечение прав политических меньшинств.

Конечно, очень важным элементом демократии является свобода эмиграции. Однако вряд ли ее можно считать, как это делают некоторые, ключевой проблемой. Люди, выдвигающие этот вопрос на первый план, утверждают, что обеспечение свободы эмиграции заставит правительство СССР поднять уровень жизни своих граждан до европейских стандартов и обеспечить все остальные права и свободы. Все это не более, чем иллюзия. В царской России начала XX века право эмиграции почти не ограничивалось, и сотни тысяч русских, евреев, украинцев ежегодно покидали свою родину, уезжая главным образом в США и Канаду. Но разве эта эмиграция хоть в малой степени способствовала улучшению положения трудящихся России, ее демократизации?

Португалия десятки лет поставляла в другие страны Европы дешевую рабочую силу, но это никак не способствовало обновлению ее отсталых социально-политических структур. То же можно сказать о Южной Италии, Турции и некоторых других странах. Для большинства авторитарных режимов свобода эмиграции является даже желательной и поощряется ими, так как способствует, как правило, ослаблению внутреннего напряжения, ибо покидают страну обычно наименее обеспеченные и наиболее недовольные граждане. Свобода эмиграции это такое право, на которое легче всего соглашаются авторитарные режимы, и есть признаки того, что это начинают понимать и правящие круги СССР.

Свобода эмиграции приобретает сейчас решающее значение лишь для евреев и немцев Поволжья. Эти национальные меньшинства продолжают чувствовать оскорбительную дискриминацию, но у них, в отличие, например, от крымских татар, имеется вторая "историческая" родина за пределами СССР. Что касается других национальностей СССР, то среди них серьезного движения за эмиграцию нет.

Изменение внутреннего положения в СССР может произойти не в результате эмиграции, а в результате борьбы за демократизацию внутри советского общества (при важной для нас поддержке извне). Сколько-нибудь массовая эмиграция русских, украинцев и белорусов (если бы такое движение и возникло) неизбежно создала бы проблемы, более

сложные для Запад

189

ной Европы, для США и для самих эмигрантов, чем для нынешнего режима в СССР.

Как и всякая наука, марксизм имеет право на ошибки

Солженицын отвергает марксизм, и нет нужды повторять здесь все эпитеты, которыми он награждает это учение. Легко убедиться, однако, что Солженицын плохо знает марксизм, ибо приписывает ему положения, ничего общего с марксизмом не имеющие. Ни Маркс, ни его последователи, например, никогда и нигде не утверждали, что "пролетариат никогда ничего не добьется при буржуазной демократии". Экономическая теория марксизма никогда не объявляла, что "только рабочий создает ценности", и что не имеет значения труд "ни организаторов, ни инженеров, ни транспорта, ни аппарата сбыта". Солженицын пишет даже, что "именно марксизм велит не осваивать Северо-Восток и оставить наших женщин с ломami и лопатами, но торопить и финансировать мировую революцию". Эти рассуждения слишком несерьезны, чтобы их опровергать.

Солженицын пытается все недостатки и пороки, существующие в Советском Союзе, отнести за счет марксизма-ленинизма, но это, конечно же, не соответствует действительности. Так, в марксистской теории не существует положения, согласно которому в социалистическом обществе не может быть никакой личной хозяйственной инициативы, и все небольшие предприятия и артели (в том числе и в сфере услуг) должны запрещаться. И за неразумную централизацию культурной жизни нашей страны, при которой хиреет культура многих больших городов, тоже не несет ответственности марксизм. И за конфликт между СССР и КНР.

Марксизм никогда не утверждал, что при социализме может существовать только одна партия и не должна допускаться никакая оппозиция.

И никак нельзя винить марксистскую идеологию в гибели тех 20 миллионов человек, кровь которых была злодейски пролита в СССР в годы сталинских репрессий (Солженицын пишет о 66 миллионах, но это преувеличение).

Примеры необоснованного нагромождения Солженицыным обвинений марксизму можно продолжить.

Но это отнюдь не значит, что марксизм - теория безоши

190

бочная и что ее создатели никогда ни в чем не оступались, ничего не проглядели и все точно предвидели. Такой теории вообще не существует на свете. Да, и в сочинениях Маркса и Энгельса, и в сочинениях Ленина есть и положения неточные, односторонние и даже ошибочные, есть и такие, которые применимы лишь к определенному историческому периоду, а в настоящее время потеряли свое значение. Да, некоторые предсказания марксизма не сбылись, а некоторые осуществились не так, как представляли это себе его основоположники. Но разве может вообще существовать наука без ошибок, без недостаточно точных предположений, без временных гипотез, без экспериментов? И в естествознании таких наук нет, а тем более в науках об обществе.

Неопровержимым фактом является то, что марксизм оказал гигантское влияние на общественные, социальные и политические движения XX века, и что под воздействием его идей изменился весь облик планеты. Пусть не все произошло так, как хотелось бы самим марксистам. Ясно одно - мертвая идеология не способна была бы воодушевить и побудить к действию столько людей в нашем бурном столетии.

Маркс и Энгельс были основателями научного социализма, и марксизм остается исходным пунктом развития научного социализма и научного коммунизма. Но именно исходным пунктом. Последователи Маркса (как и последователи Ленина) не могут и не должны оставаться в кругу лишь тех представлений и теорий, которые были разработаны в XIX веке (а если говорить о Ленине, - в начале XX века) этими великими мыслителями. Люди, считающие себя марксистами сейчас, современные ученики и последователи Маркса, исходя из принципов марксистского мышления, естественно, выдвигают порой такие

положения, которые вовсе не содержатся в произведениях Маркса и которые в ряде случаев даже не вполне согласуются с тем, что говорил Маркс 100 лет назад. Но это - обычный путь для любой науки, которая в развитии своем неизбежно далеко выходит за круг представлений, установленных ее основателями. Во второй половине XIX века понятия "дарвинизм" и "научная биология" были почти синонимами. Сегодня научная биология далеко шагнула - и вширь и вглубь - по сравнению с учением Дарвина. Но это отнюдь не отменяет того, что именно Дарвин был основателем научной биологии и именно его учение было исходным пунктом ее развития. Точно также обстоит дело с марксизмом. Солженицын относится к марксизму как к вероучению, полагая,

191

что стоит указать на его неточности, ошибки и неправильные предсказания - и от него отвернутся его последователи. Это наивно и неверно. В годы нашей учебы - и моей, и Солженицына - марксизм-ленинизм действительно преподносился нам как вероучение. Но марксизм-ленинизм, научный социализм не вероучение, не свод догматов. Это - наука, и, как всякая наука, она должна развиваться, иметь свои достижения и ошибки, что-то отбрасывать и что-то открывать заново.

Технико-экономический прогресс и ресурсы планеты

В своем письме Солженицын призывает остановить промышленный и экономический прогресс. Учение "мечтателей Просвещения" о бесконечном прогрессе было, по мнению Солженицына, ложным и губительным. Небывалый по сравнению с прежними веками научно-технический и экономический прогресс человечества в XIX и особенно в XX веках, раскрывший гигантские возможности человеческого разума, Солженицын считает лишь "безумным, напряженным, нерассчитанным рывком человечества в тупик". А созданная этим прогрессом цивилизация - это всего лишь "жадная цивилизация", которая уже "захлебнулась и находится при конце". Большими буквами Солженицын пишет "ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НЕ ТОЛЬКО НЕ НУЖЕН, НО И ГУБИТЕЛЕН". Он предупреждает, что человечество ждет неминуемая гибель между 2020 и 2070 годами, "ЕСЛИ ОНО НЕ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА".

Подобные взгляды высказывались различными мыслителями еще в XVIII веке, но, к слову сказать, ни тогда, ни сейчас не сопровождались убедительной аргументацией.

Конечно, в своем быстром продвижении вперед человечество столкнулось с огромными опасностями, порожденными не столько самим продвижением, сколько плохим управлением процесса продвижения. Об этих опасностях и о предполагаемых способах их преодоления немало говорится в мировой печати. Но способы, предлагаемые Солженицыным и некоторыми другими противниками экономического прогресса, как раз ни от чего не спасают.

Солженицын прав, когда говорит, что не может продол

192

жаться долго экономический прогресс, основанный на растущем использовании невозобновимых ресурсов планеты. Но, допустим, человечество последует советам "антипрогрессистов" и сократит в несколько раз масштабы добычи и применения нефти и газа, меди и ртути... Все равно ведь эти полезные ископаемые в конце концов кончатся, если не через 20-30, то через 100-200 лет.

Видимо, выход не в отказе от экономического прогресса, а в разумном управлении им. Положение человечества вовсе не так безнадежно и безвыходно, как думает Солженицын. Конечно, необходимо более рациональное использование невозобновляемых ресурсов планеты и более твердое регулирование численности населения, но это отнюдь не означает остановки технико-экономического прогресса. Пожалуй, наоборот. Здесь не место писать обо всех выдвигаемых в печати предложениях, но несомненно, что важным направлением научно-технической мысли должна стать перестройка энергетики с использования угля, нефти и урановой руды (запасы которых не безграничны) на использование возобновляемых и практически безграничных источников энергии (солнечного и подземного тепла, течения

рек, ветра, морских приливов, энергии ядерного синтеза и т. п.). Не менее важным направлением технико-экономического прогресса должна стать разработка методов полной утилизации отходов (отходов производства и бытовых), что попутно позволит кардинально решить и проблемы загрязнения среды. Наконец, в качестве третьего важнейшего направления научно-технического и экономического прогресса следует назвать разработку и использование заменителей, т. е. внедрение в производство таких видов сырья и материалов, количество которых на земле практически не ограничено и которыми можно заменить дефицитные и истощаемые виды. Можно назвать и другие направления научно-технического и экономического прогресса, которые будут способствовать повышению благосостояния и духовного развития людей без губительного нарушения сложившихся природных балансов (к примеру, уменьшение веса и размеров машин, механизмов и приборов без снижения их эффективности; замена части книг и журналов микрофильмами и т. п.).

Отказ от хищнической разработки природных ресурсов вовсе не идентичен отказу от экономического прогресса. При разумном регулировании возможен подлинный прогресс сельского хозяйства, не сопровождающийся истощением почвы и не

193

требующий беспрерывной распашки новых земель, а, наоборот, увеличивающий плодородие земли. Эффективное рыбное хозяйство предполагает не хищническое истребление рыбных богатств, а непрерывное увеличение этих богатств. Человечество должно, наконец, использовать силу своего разума, чтобы планомерно включиться в естественный кругооборот ресурсов и сил природы, а не постоянно нарушать его.

Наша Земля - еще не изглоданное червями яблоко, как думает Солженицын. Затронута пока лишь небольшая часть его кожуры, лишь очень тонкий слой поверхности Земли. Правда, при неумелом и хищническом хозяйничаньи и этого достаточно, чтобы вызвать необратимые и губительные изменения в биосфере Земли и привести человечество к катастрофе. Можно ли предотвратить эту катастрофу и найти пути разумного использования природных ресурсов? Да, безусловно, возможно, и для этого требуется отнюдь не остановка экономического прогресса, а его научное регулирование, возможности которого практически безграничны.

Цели разумного устройства человеческой жизни на Земле могут и должны служить также различные космические программы, столь возмущающие Солженицына. Разумеется, и космические эксперименты, как и любые исследования, можно превратить в пустое безумное расточительство, если проводить их преимущественно в порядке "престижа" или поставить на службу главным образом военным целям. Но они необходимы и полезны людям, если проводятся в порядке сотрудничества и с целью улучшить жизнь на Земле.

Экономический прогресс не излишен, не вреден и тем более не губителен. Этот неизбежный прогресс необходим человечеству. С ним связаны его надежды не только на рост материального благосостояния всех наций, но также и на духовный и нравственный прогресс.

Об основном противоречии советского общества

Таким основным противоречием в настоящее время является, по-видимому, растущее несоответствие между требованиями быстрого научно-технического и экономического прогресса и чрезмерно централизованной, а главное бюрократизированной системой управления экономической и общественной жизнью

194

страны. Сложившаяся у нас система управления не в состоянии своевременно и правильно решать многие важные для общества проблемы. К тому же аппарат управления в такой системе имеет тенденцию обособляться от масс и принимать решения, исходя из своих аппаратных интересов, а не из интересов общества.

Замедляя прогресс во всех сферах общественной, экономической и культурной жизни народа, эта система управления создает основу для недовольства, для возникновения и

расширения различных общественных движений.

Ускорить развитие нашей страны невозможно без разумной децентрализации управления, без передачи права решения по многим вопросам в более низшие инстанции, без расширения прав и ответственности всех местных органов, без расширения самоуправления, без участия общественности в разработке решений, без свободных дискуссий по всем вопросам общественной и государственной жизни, словом, без демократизации общества.

В развитых капиталистических странах экономический и научно-технический прогресс требует, напротив, не только решения проблемы "участия", но и расширения государственного регулирования в области экономики и во многих других областях общественной жизни, включая национализацию важнейших отраслей промышленности и общенациональных предприятий. Показательно, что даже такой экономист как Гэлбрайт говорит сегодня не только о планировании и национализации военной промышленности, но и о социализме (конечно, в ином, чем у нас, понимании).

Обостряющееся в СССР противоречие между требованиями экономического, научно-технического и культурного развития и бюрократизированной кастово-олигархической системой управления создает объективную необходимость демократических реформ.

Способно ли нынешнее руководство к проведению таких реформ? Будут ли они проведены в обозримом будущем? Я продолжаю надеяться на это, хотя изменения в политике "верхов" происходят весьма медленно и непоследовательно.

Я надеюсь и на усиление демократических движений различных оттенков. Не исключаю при этом и возможности появления на нашей политической арене новой социалистической партии, отличной от нынешних социал-демократических и от нынешних коммунистических партий. Такая новая социалистическая партия могла бы образовать лояльную и легальную оппо

195

зицию существующему руководству и тем самым косвенно способствовать обновлению и оздоровлению КПСС. Не являясь преемником старых русских социалистических партий, такая новая социалистическая партия могла бы положить в основу своей идеологии лишь те положения Маркса, Энгельса и Ленина, которые выдержали испытание временем. Такая партия, не будучи связана характерным для нашей официальной науки догматизмом, могла бы свободно развивать теорию научного социализма и научного коммунизма в соответствии с требованиями современной эпохи и с учетом пройденного нашей страной исторического пути. Свободная от ответственности за преступления прошедших десятилетий, такая партия могла бы более объективно оценить как прошлое, так и настоящее нашего общества и разработать социалистические и демократические альтернативы его развития.

Разумеется, это не более чем гипотеза, предположение об одном из возможных путей развития общественного сознания.

Мы рассмотрели выше лишь некоторые из вопросов, поставленных в недавнем письме А. И. Солженицына.

Многие из великих писателей России - да и других стран - обладали трудным характером и придерживались крайне отсталых для своего времени идеологических и политических концепций. Это не помешало им оставить неповторимый след не только в истории художественного творчества, но и в общественно-политической истории человечества. Феномен Солженицына не является в этом отношении каким-то исключением в мировой литературе.

1-20 мая 1974 года. Москва

Второй том книги А. И. Солженицына

"Архипелаг ГУЛАГ"

Содержание и общая оценка

Вышел в свет второй том книги А. И. Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ". Если первый том содержал подробное исследование всего того, что предшествовало появлению

ветских людей в сталинских концлагерях: системы арестов, судебных и внесудебных расправ, этапов и пересылок, то во втором томе своей книги автор исследует уже главную и основную часть империи ГУЛАГа - исправительные или, как их справедливо называет Солженицын, "истребительно-трудовые лагеря". Ничто не проходит здесь мимо внимания автора. История возникновения лагерей, экономика принудительного труда, структура управления, категории заключенных и повседневный быт лагерников, положение женщин и малолеток, взаимоотношение рядовых эков и придурков, уголовных и политических, охрана, конвоирование, осведомительская служба, вербовка стукачей, система наказаний и "поощрений", работа больниц и медпунктов, различные формы умирания, убийства и несложная процедура похорон заключенных - все это находит свое отражение в книге Солженицына. Автор описывает разнообразные виды каторжного труда эков, их голодную пайку, он изучает не только лагерный, но и ближайший прилагерный мир, особенности психологии и поведения заключенных и их тюремщиков (по терминологии Солженицына "лагерщиков").

Как и первый том, вышедший в свет в декабре 1973 года, этот второй том книги Солженицына заслуживает самой высокой оценки, тем более, что это тщательное художественное исследование основано на достоверных фактах. Правда, вторая книга не вызывает такого ошеломления, потрясения, нравственного шока, как первая - может быть потому, что она вторая. А может быть, это впечатление связано с тем, что я уже раньше прочел десятки и десятки мемуаров бывших лагерников (в большинстве своем, конечно, нигде не опубликованных) и записал сотни различных рассказов и свидетельств о лагерной жизни. Имеет значение и то, что при достоверности основных фактов (мелких фактических неточностей во второй книге "Архипелага" заметно меньше, чем в первой) многие оценки и суждения автора слишком односторонни и категоричны, а его обобщения отнюдь не всегда обоснованы. В частности это относится к явному сгущению красок при изображении "вольного мира" в главе "Замордованная воля".

Но, конечно, все недостатки второго тома, о котором речь ниже, не перекрывает ни художественной, ни социальной значимости этой книги, которая не имеет равных во всей нашей литературе о лагерях.

Несколько лет назад от одного из бывших "сынов ГУЛАГа", посетившего Воркуту уже в качестве вольного (многих лагерников

тянет побывать в тех местах, где они годами работали за колючей проволокой, об этом пишет и Солженицын), я услышал об одном из обычных для тех мест фактов. Когда здесь начали копать котлован для фундамента новой школы, то ковш экскаватора, едва сняв тонкий верхний слой почвы, обнаружил огромное количество человеческих костей. Это была, конечно, не стоянка первобытного человека, и никто из археологов сюда не прибыл. Это была одна из громадных братских могил, возникавших возле северных лагерей, когда в большие, еще с осени вырытые котлованы всю зиму сбрасывали тысячи трупов умерших или расстрелянных заключенных, чтобы закопать их затем лишь с наступлением короткого северного лета. Строительство школы временно прервали, но не для того, конечно, чтобы поставить памятник безвестным узникам. Ночью кости эков увезли и закопали где-то за чертой города (ничем заметным не обозначив и этого нового кладбища). А на месте прежней братской могилы достроили школу.

Увы, у нас мало надежды, что там, где стояли хотя бы самые крупные концлагеря, будут сооружены мемориалы, что здесь будут восстановлены лагерные бараки, зоны, вышки и шахты, что будут как-то отмечены бесчисленные лагерные кладбища, где погребено, вероятно не меньше советских людей, чем их пало в годы Великой Отечественной войны. Мало надежды, что здесь будет гореть вечный огонь и на мраморных плитах будут высечены фамилии умерших и убитых. Возможно, что памятником этим людям останутся лишь книги.

Легко переживет своих гонителей и никогда не будет забыт и "Архипелаг ГУЛАГ", который посвящен автором всем тем, кто погиб в лагерях и "кому не хватило жизни об этом рассказать".

О лагерных мифах

В нашей стране, где нет свободы печати и свободы информации, где большая часть информации распространяется по каким-то закрытым каналам, неизбежно возникает множество слухов, в обществе распространяются десятки различных мифов, которые многими людьми принимаются за несомненные истины. Тем более в условиях лагерей должны были плодиться эти часто очень далекие от действительности легенды, слухи и мифы. Наталья Решетовская пыталась недавно утверждать, что книга Солженицына построена в основном на этой лагерной

198

мифологии. Это, конечно, не так. Разумеется, многое из того, что Солженицын узнал от своих сокамерников и от более поздних корреспондентов и рассказчиков, он не имел возможности (не по своей вине) проверить документально. Однако и собственный его лагерный опыт и интуиция исследователя и художника в большинстве случаев позволяют ему достаточно четко отделить в записанных рассказах правду от домыслов. Если и попадают, хотя и очень редко, некоторые легенды на страницы солженицынского "Архипелага", то главным образом там, где речь идет о далеком прошлом или о жизни и "делах" верхушки "Органов" (например, о министре МГБ Абакумове).

Думаю, что к таким именно мифам следует отнести и рассказ Солженицына о 14-летнем мальчике, который 20 июня 1929 года при посещении Горьким Соловецкого лагеря особого назначения попросил Горького остаться с ним наедине и затем полтора часа рассказывал писателю обо всех беззакониях, творимых в этом лагере. По словам Солженицына, Горький вышел из комнаты после разговора с мальчиком со слезами на глазах. Но он не только ничего не сделал для заключенных на Соловках, но много раз затем восхвалял соловецких чекистов, тогда как мальчик-правдолюбец был в ту же ночь расстрелян этими чекистами. Но ведь сам Солженицын пишет, что первые подростки прибыли на Соловки только в середине марта 1929 года. Откуда же новоприбывшим обитателям детколонии было узнать обо всем том, что творилось на Соловках многие годы? Однако если этот, рассказанный Солженицыным эпизод и является сомнительным, то не вызывает сомнений его собственный рассказ о многих беззакониях и произволе на Соловках, подтверждаемый и другими рассказами и свидетельствами.

Откуда пошли лагеря ?

Возникновение в нашей стране концентрационных лагерей для политических противников Солженицын датирует 1918 годом. Это не клевета, как заявляют некоторые его оппоненты. Солженицын цитирует телеграмму Ленина председателю Пензенского губкома Евгении Бош, где Ленин советует "сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города" (ПСС. Т. 50. С. 143-144). Можно было бы привести и другие официальные документы. Так, в специальном постановлении СНК РСФСР от 5

199

сентября 1918 года, в частности говорилось: "...Необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях" ("Еженедельник ЧК". № 1, 22 сентября 1918 г., с. 11). В феврале 1919 года член ЦК РКП(б) и РВС Южфронта Г. Сокольников, возражая против директивы ЦК о "расскачивании" (о массовом расстреле казаков, помогавших Краснову или служивших в белой армии), предлагал не расстреливать казаков, а использовать их для общественных работ в угольных районах, для постройки железных дорог, разработки сланца и торфа. Для этой цели Сокольников телеграфно просил "немедленно приступить постройке оборудованию концентрационных лагерей" (ЦПА. ф. 17, оп. 4, д. 53, л. 54). Концлагеря времен гражданской войны были весьма примитивными сооружениями. Иногда заключенные в них люди привлекались к труду. Были случаи, когда в прифронтовых районах просто огораживался

какой-то участок за городом, заключенные здесь "социально-опасные элементы" не работали, а еду им приносили и передавали через ограду родственники и друзья. К концу 1920 года большинство заключенных в концлагерях, как это видно и из документов ВЧК, составляли крестьяне, арестованные за "спекуляцию". С окончанием гражданской войны многие из таких лагерей были ликвидированы, а их узники отпущены по домам. К началу НЭПа концлагеря для политических были, по-видимому, ликвидированы почти повсеместно (кроме Соловецкого лагеря особого назначения и некоторых политизоляторов, о которых пишет и Солженицын).

Мы не имеем возможности разбирать здесь вопрос о том, что в этой ранней истории политических концлагерей диктовалось суровой необходимостью тех лет, а что было явно излишней и ненужной жестокостью. Но было бы ошибочно ставить знак равенства между концлагерями времен гражданской войны и сталинских времен или сознательно игнорировать тот факт, что в 1918-1920 гг. Советская республика вела войну сразу с несколькими поддержанными интервентами белыми правительствами и, что многочисленные концлагеря, создаваемые на территориях, занятых белыми армиями и интервентами, были чаще всего гораздо более жестокими, чем созданные в РСФСР. Во времена же Сталина лагерный террор был направлен против людей беззащитных, безоружных и не враждебных существующей в стране единственной и крепкой власти. Для Солженицына этой разницы как будто не существует.

200

О потоке 1937 года

Солженицын не скрывает своей неприязни к тем советским, партийным и хозяйственным руководителям, к высшим командирам Красной Армии, к руководящим кадрам ВЛКСМ и ВЦСПС, а тем более к руководящим работникам НКВД и Прокуратуры, которые сами стали объектом жестоких репрессий в 1937 и 1938 годах. Еще в первом томе "Архипелага" Солженицын писал: "Если подробно рассматривать всю историю посадок и процессов 1936-1938 годов, то главное отвращение испытываешь не к Сталину с его подручными, а к унизительно-гадким подсудимым - отвращение к душевной низости их после прежней гордости и непримиримости" (С. 138-139). Все эти люди, по утверждению Солженицына, были в годы гражданской войны или в годы коллективизации и индустриализации безжалостны к своим политическим противникам, и потому они не заслуживают сострадания теперь, когда "система" повернулась и против них самих.

Такое же отношение автора к "потоку 1937 года" мы ощущаем и на страницах второго тома "Архипелага". Солженицын с явным удовлетворением и даже злорадством приводит фамилии десятков крупнейших деятелей коммунистической партии, расстрелянных в 1937-1938 гг. по приказу Сталина. Они-то уж заслужили свою участь, они получили то, что готовили и делали для других. "Если на молодого Тухачевского, - пишет Солженицын, - когда он победно возвращался с подавления разоренных тамбовских крестьян, не нашлось на вокзале еще одной Маруси Спиридоновой, чтоб уложить его пулей в лоб - это сделал недоучившийся грузинский священник через 16 лет" (С. 327).

Но мы никак не можем разделить этих настроений и высказываний Солженицына.

Во-первых, никак нельзя игнорировать, что среди погибших в 30-е годы руководителей были люди, далеко не одинаковые не только по своим личным качествам, но и по степени своей ответственности за преступления предшествовавших лет. Здесь были люди, уже глубоко переродившиеся, уже захваченные сталинской системой настолько, что они, не рассуждая, выполняли самые жестокие и бесчеловечные приказы, не думая ни о стране, ни о народе, а только о себе и своей власти. Эти люди не только выполняли приказы, но и сами "проявляли инициативу", помогая Сталину и органам НКВД "разоблачать" и уничтожать "врагов народа". Но было немало людей, которые ошибались, которые были одновре-

201

менно и орудием, и жертвой другого культа - культа партийной дисциплины. Среди них было много честных, самоотверженных и смелых людей, которые слишком поздно

многое поняли. Было немало думающих и мучающихся тем, что делается в стране, но веривших и партии, и партийной пропаганде. Вероятно, можно говорить сегодня об исторической и политической вине всего партийного актива за события 20-х и 30-х годов. Но никак нельзя всех этих людей огульно зачислять в преступники, получившие по заслугам. Судьба большинства революционеров-большевиков остается одной из самых страшных трагедий в истории нашей страны, и мы никак не можем поддержать Солженицына, который с издевкой предлагает писать в некрологах, помещенных в нашей печати, вместо слов "трагически погиб в годы культа личности" слова "комически погиб"... Лучшие русские писатели никогда не позволяли себе глумления над мертвыми. Вспомним Пушкина: "Риэго был пред Фердинандом грешен. Согласен я, но он зато повешен. Пристойно ли, скажите, сгоряча, ругаться нам над жертвой палача".

Еще при чтении первого тома "Архипелага" меня неприятно удивили слова Солженицына, что мысль об унижениях, которым подвергся в Бутырской тюрьме перед расстрелом нарком юстиции Н. Крыленко, обрекавший ранее на эти унижения других людей, - что эта мысль как-то "успокаивала" Солженицына во время описания судебных процессов, на которых Крыленко выступал обвинителем. Думается, что такая позиция автора очень далека от простой человечности, не говоря уже о тех христианских принципах "всепонимающей мягкости" и "некатегоричности суждений", которые декларирует Солженицын в конце второго тома.

Позиция Солженицына кажется нам ошибочной не только потому, что, как хорошо известно, на смену уничтоженным советским и партийным руководителям пришли чаще всего еще худшие. Поэтому во времена Ежова и Берия можно было пожалеть и о таких чекистах, как Лацис или Петерс. Жестокость Лациса и Петерса - когда оправданная, а когда и неоправданная, никогда все же не была своекорыстной, садистской и угоднической, эти люди, вероятно, не смогли бы пойти так далеко по пути преступлений, как пошли Ежов, Берия, Заковский и им подобные.

Нужно просто сказать, что той страшной участи, которая выпала на долю арестованных в 1937-1938 гг. руководителей, не заслужил никто. И невозможно испытывать удовлетворение при мысли об их унижениях и мучениях, даже если знать, что многие из

202

этих людей заслуживали смерти. В одном из рассказов В. Шаламова говорится о судьбе заместителя начальника Ленинградского УНКВД Никонова, сподвижника Ежова и Заковского, которому во время "следствия" раздавили яички (об этом методе, как о самой страшной пытке, которую невозможно выдержать, писал в первом томе Солженицын). Читая рассказ Шаламова, я не испытывал никакого удовлетворения. Вероятно, этот Никонов вполне заслужил за свои преступления расстрел по суду. Но и он не заслужил столь страшных мучений и издевательств. Это глубокая нравственная ошибка - думать, что расправа Сталина с основными кадрами коммунистической партии и советского государства была, пусть и в крайне извращенной форме, торжеством какой-то исторической справедливости. Нет, гибель этих людей стала прологом к торжеству еще более страшных несправедливостей - не только по отношению к партии, но и ко всему народу нашей страны.

Солженицын странным образом готов признать, что и весь советский народ, все русские и нерусские народы заслужили свою нелегкую участь, выпавшую им в 20-40-е годы. Еще в первом томе он восклицает, имея в виду уже не партию, а самых простых людей нашей страны: "Мы истратились в одной безудержной вспышке семнадцатого года, а потом СПЕШИЛИ покориться. С УДОВОЛЬСТВИЕМ покорялись... Мы просто ЗАСЛУЖИЛИ все дальнейшее" (С. 27, разрядка Солженицына). Немало подобных же высказываний можно найти и во втором томе "Архипелага". Ошибочность и несправедливость такой позиции кажется слишком очевидной, чтобы тратить время на ее опровержение.

О коммунистах - узниках ГУЛАГа

Коммунисты составляли, по-видимому, большинство среди расстрелянных в 1937-1938 годах. Однако сотни тысяч арестованных рядовых коммунистов и партийно-комсомольских

кадров среднего звена были вместе с другими заключенными отправлены в лагерь. Их судьбе Солженицын посвятил одну из глав второго тома, да и в других главах этого тома о коммунистах говорится немало. Очень кратко коснувшись тех коммунистов, для которых "коммунистические убеждения" были интимны, а не постоянно на языке, которые не выставляли своей "партийности" напоказ и не отделяли себя от других заключенных, Солженицын главное

203

свое внимание уделяет тем "ортодоксам" и "благонамеренным" (глава о коммунистах так и называется - "Благонамеренные"), которые и в лагере пытались оправдать Сталина и его террор, которые пели на этапах: "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек", которые считали чуть ли не всех эков осужденными справедливо и только себя случайно пострадавшими. Солженицын находит немало поводов поиздеваться над такими "благонамеренными" и "ортодоксами". Иногда его ирония вполне заслужена. Действительно, среди арестованных в 1937-1938 гг. коммунистов было немало таких, кто продолжал верить не только Сталину, но и Ежову, кто держался обособленно или даже враждебно по отношению к другим заключенным. Но прозрение, по понятным причинам не всегда полное, наступало очень быстро, и уже через несколько месяцев "следствия" количество "благонамеренных" и "ортодоксов" среди арестованных членов партии быстро сокращалось. А в лагерях их и вовсе было немного. Но, разумеется, осуждение Сталина и органов НКВД для большинства коммунистов вовсе не означало отказа от своих социалистических и коммунистических убеждений.

Солженицын явно грешит против истины, когда, описывая судьбу коммунистов в лагере, он заявляет, что они "никогда не возражали против засилья блатных на кухне и в придури" (С. 337) и что "ортодоксы все скоро хорошо устроятся" (С. 329). Автор "Архипелага" высказывает даже следующую гипотезу: "Да не было ли письменной или хотя бы устной директивы: коммунистов устраивать поприличнее?" (С. 339).

Нет, Александр Исаевич, такой директивы никогда не существовало, и Вы хорошо знали это, когда в повести "Один день Ивана Денисовича" рассказали о судьбе коммуниста Буйновского, ни за что брошенного в холодный карцер. По лагерной судьбе Бориса Дьякова и Галины Серебряковой нельзя делать выводы о положении и поведении основной части коммунистов, оказавшихся в сталинских лагерях. Во многих отношениях их положение было даже худшим, чем положение других категорий заключенных, и гибли их в лагерях никак не меньше, а, пожалуй, и больше, чем других заключенных. На этот счет нет, конечно, достоверных статистических данных. Однако из материалов партийных конференций, проходивших после XXII съезда КПСС, мы знаем, что в Москву в 1955-1957 гг. возвратилось лишь около 6% членов партии, арестованных здесь в 1936-1939 гг. Остальные 94% были реабилитированы посмертно. Да и в целом по СССР из

204

одного миллиона членов партии, арестованных во второй половине 30-х годов, вернулось после 15-18-летнего заключения едва ли более 60-80 тысяч человек. Пережитые страдания оставили в этих людях глубокий след, и среди них очень мало осталось людей, сколько-нибудь похожих на тех, о которых с таким сарказмом пишет сегодня А. И. Солженицын.

Социализм, революция или религия ?

В четвертой части своей книги ("Душа и колючая проволока") Солженицын говорит, в частности, о своем духовном перерождении в лагере, о возвращении к привитой ему еще в отрочестве вере в Бога, от которой он в юности отказался в пользу марксизма. Хотя и с оговорками, автор неожиданно высказывает даже благодарность лагерю, ибо именно пережитые в нем страдания помогли возвращению Солженицына в лоно христианства. "БЛАГОСЛОВЛЕНИЕ ТЕБЕ, ТЮРЬМА!" - пишет автор большими буквами, заканчивая главу "Восхождение" (С. 604).

В этой части книги Солженицын высказывает некоторые глубокие, хотя и очень

горькие мысли. Но многое здесь звучит (во всяком случае для меня) фальшивой нотой. Все эти крайне пристрастные отзывы о марксизме, как "непогрешимом, нетерпеливом учении, которое требует только результата, только материи, но не ДУХА" (С. 598), все эти рассуждения о том, что только вера в Бога спасала и возвышала дух человека в лагере, а вера в грядущее торжество социальной справедливости, в лучшее общественное устройство не препятствовала духовному рабству и чуть ли не вела прямой дорогой в ступачи, - все это звучит бездоказательно и высокомерно. Достойная сожаления жестокость ведет автора к той именно "нетерпеливости и непогрешимости", в которой он обвиняет марксизм.

Отождествляя социализм и сталинизм, Солженицын, естественно, не может понять людей, для которых пережитая ими или их соотечественниками трагедия может стать стимулом лишь к усилению борьбы за социальную справедливость, за лучшее будущее для человечества на этой земле, за уничтожение всякого порабощения человека человеком, включая и псевдосоциалистические формы такого порабощения. Солженицын не может понять, что основой подлинно гуманистической нравственности и глубоко человеческой морали могут быть социалистические убежде

205

ния. И если на сегодня проблемы этики и морали не нашли еще в марксизме-ленинизме вполне удовлетворительного решения, то это вовсе не означает, что научный социализм по своей природе неспособен создавать нравственные ценности.

Подводя итоги своим размышлениям в лагере, Солженицын пишет: "С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить.

С тех пор я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла (а, не разбирая впопыхах - и носителей добра) само же зло, еще увеличенным, берут себе в наследство" (С. 612).

Это противопоставление не кажется мне ни правильным, ни справедливым. Ибо необходимо бороться и со злом в каждом человеке, и с современными нам носителями зла, и с несправедливыми общественными установлениями. Эта борьба протекает в различных формах. Хорошо, если она осуществляется в форме мирного соревнования идеологий, при помощи реформ и постепенных изменений к лучшему. Но бывает неизбежным пока еще прибегать и к революционным формам борьбы, которые хотя и могут сопровождаться многими жертвами и разочарованиями, но вовсе не обязательно должны вести к увеличению зла в этом мире. Исказить и повернуть против человека и человечества можно не только социалистическое учение, но и положения любой религии. История дает тому немало примеров, в том числе и история русского православия, у которого тоже есть свои традиции обскурантизма. Кстати, в поведении и поступках Сталина можно найти не только свойственное многим революционерам прагматическое отношение к насилию, к применению крайних средств, но и догматизм, изворотливость, нетерпимость и другие качества, несомненно носящие в какой-то мере следы шестилетнего обучения в православном духовном училище и пятилетнего обучения в православной духовной семинарии.

Ужасны картины преступлений, нарисованные Солженицыным в его книге, и в осуждении этих преступлений все мы единодушны с ним. Но я продолжаю думать, что только победа подлинно социалистического общества, подлинно социалистических общественных и этических отношений может прочно гарантировать человечество от повторения подобных преступлений.

3-13 августа 1974 года

206

О третьем томе книги А. И. Солженицына

"Архипелаг ГУЛАГ"

Предварительные замечания

Через 2,5 года после вызвавшего сенсацию издания на Западе первого тома "Архипелага ГУЛАГа" и последовавшей затем высылки писателя из СССР, в Париже на

русском и французском языках вышел в свет третий том этого величественного произведения.

Казалось бы, первые два тома уже исчерпали в основном тему художественного исследования Солженицына. Не только история и структура ГУЛАГа, все стороны жизни и заключенных, и их тюремщиков, типы концлагерей и характер различных "потоков" несчастных людей, миллионными массами пополняющих "население" этого страшного "Архипелага" - обо всем этом говорилось в первых томах книги Солженицына. Но прав был автор, когда в предисловии ко второму тому писал, что даже с помощью сотен бывших эзков, предоставивших ему свои рассказы, письма, воспоминания и свидетельства, он смог пробить лишь "шель смотровую на Архипелаг, а не обзор с башни". Много книг и мемуаров было написано о сталинских лагерях еще до солженицынского исследования, только на Западе опубликовано из них более 30. Но и все они вместе взятые еще не смогли исчерпать эту страшную тему. Неудивительно поэтому, что Солженицын не испытывал недостатка в материалах при создании своего третьего тома.

Одна из важных тем третьего тома "Архипелага" - послевоенный период его истории: - возрождение каторги (даже как юридического понятия), создание на основе прежних "исправительно-трудовых лагерей" системы Особлагов, где содержались главным образом лишь политические заключенные разных "потоков". Подробно описывает Солженицын разные виды ссылки. При этом, вновь обращаясь к истории, он рассказывает о выселении в годы коллективизации богатых крестьян и "подкулачников", а также о выселении на восток многих неугодных Сталину народностей. Начав первый том своей книги главой "Арест", он заканчивает шестую часть "Архипелага" главой "Эки на воле" - описанием освобождения тех заключенных, которые сумели дожить до реабилитации 1955-1957 гг. Последняя, сравнительно короткая седьмая часть книги дает читателю представление о нынешней

207

системе ГУЛАГа, где уже мало осталось "политических", но где еще по-прежнему далеко до справедливости и гуманности, которой заслуживают даже те уголовные преступники, о которых с такой неприязнью писал сам Солженицын в первых томах своей книги. Безусловной заслугой автора является первое подробное описание трагических событий в Новочеркасске в 1962 году и ряда других замолчанных трагедий послесталинских лет.

Однако главной темой нового тома является подробное описание постепенного, медленного, но неуклонного изменения настроений и поведения заключенных, о разных формах пассивного и активного сопротивления, начиная от побегов и протестов и кончая попытками вооруженных восстаний. С волнением читаем мы скрупулезное описание некоторых известных Солженицыну побегов (чаще всего неудачных) из тюрем и лагерей. Что касается Кенгирского восстания заключенных, по-видимому, самого крупного за всю историю ГУЛАГа, то его описание составляет центральную и наиболее впечатляющую часть третьего тома разбираемой книги. Солженицын с удовлетворением отмечает, что в Особлагах большинство обнаруженных эками стукачей тайно убивались. Он радуется каждому факту сопротивления произволу. Он не скрывает своего торжества при описании Кенгирского восстания и сожалеет, что не все бараки и не все категории заключенных приняли в нем участие. Даже заголовки говорят сами за себя: "Ветерок революции", "Когда в зоне пылает земля", "Цепи рвем наощупь", "Сорок дней Кенгира". И было бы, конечно, несправедливо в отношении Солженицына отмечать, что в данном случае он сам (вопреки своей, изложенной во втором томе концепции) оправдывает право угнетенных подниматься и восставать против своих угнетателей, отвечая насилием на насилие, что он оправдывает право рабов на революцию во имя свободы и справедливости.

В своих рецензиях на первый и второй том "Архипелага" я уже высказывал оценку этой книге, как об одном из ценнейших свидетельств эпохи, как об одной из самых великих книг XX века. Нет никаких оснований изменять эту оценку после прочтения третьего тома. Сам Солженицын в "Послесловии" извиняется перед читателем за чрезмерную громоздкость

своего произведения и его некоторые художественных недостатки. Эти извинения, однако, в меньшей мере можно принять как раз в отношении третьего тома. Ибо этот том в гораздо большей степени, чем первые два опирается на личный опыт автора, что придает ему

208

скорее характер художественных мемуаров, чем исследования. Но Солженицын, как писатель, особенно силен как раз в описании событий, которые он сам видит и помнит, и именно это делает центральные главы третьего тома наиболее художественно достоверными и впечатляющими. Однако, несмотря на то, что третий том достойно завершает громадный труд автора "Архипелага", общее отношение к этой книге и в западных странах, и в СССР в последние год-полтора неуловимо изменилось. Выход третьего тома "Архипелага" уже не был сенсацией, и многие органы печати западных стран посвятили этому событию лишь краткие сообщения. И хотя теперь перед читателем лежит законченной вся книга Солженицына, которая, как я уверен, навсегда останется главной книгой его жизни, о ней говорят, пишут и спорят гораздо меньше, чем при выходе в свет одного лишь первого тома. Этому обстоятельству, видимо, есть несколько причин.

Говорит ли Солженицын правду?

Резонно спросить - почему вообще перед читателем может возникнуть такой вопрос? Ведь мы знали Солженицына как страстного правдолюбца, как автора призыва "Жить не по лжи", как бесстрашного критика и разоблачителя тех преступлений и той лжи, которые он видел вокруг себя. И все же такой вопрос возникает, причем в первую очередь в Западной Европе, где он теперь живет, и где он имеет возможность в полный голос говорить все то, что он думает и печатать все, что выходит из-под его пера.

Солженицын сам не раз заявлял, что в прошлом он совсем иначе представлял себе Запад, чем сегодня, когда он видит его вблизи. Но и Запад в последние годы стал глядеть на Солженицына во многом иначе, и это касается в первую очередь интеллигенции, студенчества, не говоря уже о политически активной части рабочего класса. В своих многочисленных политических статьях, пресс-конференциях, письмах, телевизионных и иных выступлениях и речах Солженицын, как известно, высказывал в последние два года так много реакционно-утопических идей и явно нелепых концепций, проявляя незнание элементарных фактов как русской, так и мировой истории, что как политик или как пророк Солженицын дискредитировал себя как раз в наиболее читающей и традиционно либеральной части западного общества.

209

"Ретроград ли Солженицын? Ретроград ли автор "Архипелага ГУЛАГа"? спрашивает в одной из своих статей Ефим Эткинд. - Это повторяют все более и более часто. Солженицын часто раздражает свою аудиторию, бросая ей ложные лозунги и провоцирующие утверждения. Но судят ли Бальзака по его антиреспубликанским и легитимистским статьям? Прав ли был Виктор Гюго, признавший в нем писателя-революционера" ("Монд", 10 марта 1976 г.) Это верно, однако, лишь отчасти. Ибо Солженицын все менее и менее выступает на Западе как писатель и художник и все более втягивается как раз в политическую деятельность, выступая здесь с позицией, шокирующей порой даже самых правых политических деятелей Западного мира. По существу почти все из чисто художественных произведений, опубликованных Солженицыным в последние три года (включая и "Архипелаг ГУЛАГ"), были написаны в СССР еще до высылки писателя.

Но дело, к сожалению, не только в реакционно-утопических концепциях Солженицына. Дело также и в методах, какими Солженицын защищает свои взгляды в тех полемических приемах, которое он себе позволяет в борьбе со своими оппонентами. Возмущаясь большевиками за многие из тех негодных средств, которые они применяли для достижения благой, по их мнению, цели, Солженицын сам нисколько не стесняется в средствах. В полемическом пылу он слишком часто стал прибегать и к явным искажениям, и к передержкам, к сознательному замалчиванию фактов, а также к тенденциозному очернению людей, с чьими взглядами он не согласен. Это пренебрежение моральными категориями со

стороны Солженицына-политика подрывает доверие значительной части читателей и к Солженицыну-художнику. Вот почему многие из них спрашивают себя - не преувеличивает ли он и в "Архипелаге", не прибегает ли он и здесь к фальсификации? Видимо, в этом состоит одна из главных причин падения популярности Солженицына и его "Архипелага".

Не принадлежа к числу единомышленников Солженицына и не разделяя его политических взглядов, я должен подтвердить, что все основные факты, касающиеся "Архипелага ГУЛАГа", которые приводятся в третьем томе этой книги, соответствуют истине. Солженицын рисует нам страшные картины сталинских каторжных лагерей, в которые порой трудно поверить. Однако именно такова и была действительность, а многое было даже еще

210

страшней, ибо немалое число "островов" "Архипелага" Солженицын не описал, о некоторых из них он даже не знает.

Конечно, и в третьем томе "Архипелага" есть ряд неточностей, когда за факт выдается то, что на деле является лишь лагерным мифом. Так, например, ошибочной является легенда, которую-то и Солженицын приводит только как слух, не ссылаясь ни на одно свидетельство, насчет калек Отечественной войны.

"А в какое ожерелье вплести, - пишет он, - к какому разряду ссылки отнести ссылку калек Отечественной войны? Почти ничего мы не знаем о ней, да и мало кто знает. (Подчеркнуто мной. - Р. М.)... Их сослали на некий северный остров - за то сослали, что во славу отечества они дали обезобразить себя на войне, и для того сослали, чтобы оздоровить нацию, так победно проявившую себя во всех видах атлетики и играх с мячом. Там, на неведомом острове этих неудачливых героев войны содержат естественно без права переписки (редкие письма прорываются оттуда известно) и естественно же на пайке скудном, ибо трудом своим они помогут оправдать изобильного. Кажется и сейчас они там доживают" (С. 390).

Да, война оставила много калек. Я помню как много этих несчастных людей уже к концу первого года войны побирались в поездах, близ рынков и чайных или просто на улицах. Их выписали из госпиталя, но они не знали, где их семья, а часто и не хотели возвращаться калеками к своим женам или невестам. К концу войны эти люди действительно как-то незаметно исчезли с улиц больших городов. Но не на неведомый северный остров увезли их умирать, "чтобы оздоровить нацию". Уже к концу войны по всем крупным городам страны была развернута сеть специальных госпиталей для неизлечимых инвалидов, для беспомощных калек, у которых не было семьи или не было желания жить в семье. Когда я учился в Ленинградском университете, в первые послевоенные годы наш факультет шефствовал над одной из таких больниц для "хроников", как называли здесь этих инвалидов войны. Участь этих людей была, конечно, незавидной, лишь немногие из них могли работать в находившихся при больнице мастерских. Однако никто не морил их голодом, дабы "оправдать изобильного".

Из других неточностей отмечу сказанное мимоходом, но многозначительное замечание Солженицына, что вот прибалтийцев или западных украинцев встречал он в Особлагах немало, но почти не было грузин, а уж в ссылке хотя и были "какие-то

211

кавказцы, но среди них не вспомнить ни одного грузина" (С. 389). Можно, однако, привести множество свидетельств о том, что террор 30-х годов свирепствовал в Грузии даже сильнее, чем в большинстве других республик, и здесь гораздо чаще выносились именно смертные приговоры, а пытки отличались особой изощренностью. Во время известной Керченской катастрофы летом 1942 года несколько грузинских полков оказались в окружении, и тысячи солдат-грузин сдались в плен. Большинство из них после войны были направлены на тот же "Архипелаг". И если мало встречал в ссылке Солженицын грузин, то главным образом потому, что выросшие на юге и темпераментные по характеру грузины почти все погибли в лагерях еще до окончания своих лагерных сроков.

Однако подобных неточностей в третьем томе "Архипелага", пожалуй, даже меньше, чем в первом и втором томах. И все-таки если следовать формуле, принятой при приведении к присяге в американском (и, кажется, также в английском) суде: "Клянусь говорить только правду, одну только правду, ничего кроме правды", - то двух последних частей этой формулы Солженицын повторить бы не смог. Ибо та страшная правда, которую открывает миру великий художник в своей книге, прослоена незначительным по количеству, но внушительным по составу элементом тенденциозной неправды. И объясняется это в первую очередь некоторыми новыми (по крайней мере впервые высказываемыми в "Архипелаге") концепциями Солженицына и его стремлением подтянуть действительность к этим концепциям.

Новые мотивы и новые влияния в "Архипелаге"

В послесловии к "Архипелагу" пишет автор: "Надо объяснить: ни одного разу вся эта книга, все ее Части не лежали на одном столе!" (С. 579). Но это было написано в 1967 году. Однако третий том "Архипелага" вышел в свет в 1976 году, его издание автор готовил в Цюрихе, где не "горит у него ни земля, ни стол". И хотя нигде не говорит об этом Солженицын, нетрудно убедиться из сравнения первого и третьего томов, что теперь-то вся книга лежала на столе перед автором и немало страниц, да и большая часть первой главы включены в нее уже в последние годы на Западе.

Я писал в своей рецензии на первый том "Архипелага", что Солженицын нигде не обеляет, не оправдывает и не восхваляет

212

власовцев, да и всех тех бывших граждан СССР, которые воевали на стороне гитлеровцев против Советской Армии. Солженицын пытался лишь указать на некоторые из обстоятельств, как бы смягчающих вину этих людей и делающих слишком жесткой расправу с ними в послевоенные годы. Однако в третьем томе автор решительно изменил эту свою концепцию. Теперь он вполне определенно и обеляет, и оправдывает власовцев. Более того, он особенно выделяет тех советских солдат и командиров, которые перешли на сторону фашистов не в 1943, а в 1941 году, сразу же после начала войны, в те первые месяцы, когда немецкая армия победоносно и быстро двигалась на Восток. Солженицын заботливо собирает сведения о тех военных и полувоенных формированиях, которые были созданы задолго до власовских частей, о создании в Белоруссии для "защиты" от партизан "народной милиции". Он готов понять, простить и оправдать бургомистров, старост, полицаев и даже карателей, не говоря уже о казачьих полках и дивизиях, сформированных гитлеровцами на Дону и Кубани. При этом презрительно называя "телятами" молодых советских людей (и себя в том числе), рвавшихся на фронт защищать Родину, Солженицын считает тех, кто перешел на сторону врага, не изменниками, а героями, поднявшимися на героическую борьбу со сталинской тиранией, порыва которых, однако, не понял, не оценил и не использовал из-за своей тупости ни Гитлер, ни германский Генеральный штаб.

У читателя "Архипелага" невольно возникает вопрос - как объяснить эту разительную перемену позиции автора? Солженицын выходит из этого положения очень просто. Он пишет: "В 1-й части этой книги читатель еще не был подготовлен принять правду всю... Там, вначале, пока читатель с нами вместе не прошел всего лагерного пути, ему была выставлена только на-сторожка, приглашение подумать. Сейчас, после всех этапов, пересылок, лесоповалов и лагерных помоек быть может читатель станет посогласнее" (С. 30).

В искренность подобного объяснения поверить невозможно, и оно невольно рождает у большинства во всяком случае советских читателей и даже почитателей Солженицына протест и недоверие к автору.

Как известно, после нападения Гитлера на СССР, даже старая белогвардейская эмиграция раскололась в своем отношении к этой войне. Часть ее во главе с лидером кадетов П. Милюковым и генералом Деникиным выступала за победу СССР, другая

213

часть заняла нейтральную позицию, и лишь меньшая часть пошла вместе с фашистами.

Все сочувствие Солженицына на стороне этих последних, и он сожалеет лишь о том, что было их слишком мало и что не пользовались эти люди полным доверием у немецких оккупантов. Хорошо понимает Солженицын, что гитлеровцы стремились уничтожить не только большевизм, но и Россию как государство и что не все в наших довоенных газетах было неправдой. Хорошо понимает Солженицын, "что для пришедших была Россия еще ничтожней и омерзительней, чем для ушедших. Что только соки русские нужны вурдалаку, а тело замертво пропади" (С. 28). И тем не менее в той же книге можно привести немало страниц, содержащих поразительную в устах русского писателя апологию предательства. Вот что пишет, например, Солженицын о полициях и карателях: "Откуда они? Почему? Может это снова прорвалась непогасшая гражданская война? Недобитые беляки? Нет! Уже было упомянуто, что многие белоэмигранты (в том числе злопроклятый Деникин) приняли сторону Советской России против Гитлера... Эти же десятки и сотни тысяч полицаев и карателей, старост и переводчиков - все вышли из граждан советских. И молодых было среди них немало, тоже возросших после Октября.

Что же их заставило? Кто это такие?

А это прежде всего те, по чьим семьям и по ним самим прошли гусеницы 20-х и 30-х годов. Кто в мутных потоках нашей канализации потерял родителей, родных, любимых. Или сам тонул и выныривал по лагерям и ссылкам... А еще не забудем, - продолжает Солженицын, - что среди тех наших соотечественников, кто шел на нас с мечом и держал против нас речи, были и совершенно бескорыстные, у которых имущества никакого не отнимали, и которые сами в лагерях не сидели и даже из семьи никто, но которые давно задыхались от всей нашей системы, от презрения к отдельной судьбе; от преследования убеждений; от песенки этой глумливой: - "где так вольно дышит человек"; от поклонов этих богомольных Вождю; от дерганья этого карандаша - дай скорей на заем подписаться! от аплодисментов, переходящих в овацию" (С. 18, 22).

И этого всего, по Солженицыну, вполне достаточно, чтобы хорошие и даже порой благородные люди пошли на сотрудничество с оккупантами, на службу бургомистров и карателей, чтобы они предпочли богомольные поклоны другому фюреру - Гитлеру и другую песенку - "Германия превыше всего"? Как-то даже

214

неловко опровергать все эти аргументы, которые один за другим нагромождает Солженицын.

Конечно, жизнь нашего народа в 20-е, 30-е годы была нелегкой, и страшные преступления сталинского режима нанесли миллионам советских людей незаживающие раны. Однако лишь малое меньшинство из тех, кто пострадал в эти годы, пошли на сотрудничество с врагом, и это была как раз не лучшая, а худшая часть из пострадавших. Можно назвать сотни тысяч людей от Веры Хорунжей и Нины Костериной до С. В. Руднева или К. Рокоссовского, по которым также "прошли гусеницы 30-х годов", и которые мужественно сражались, защищая свою Родину от гитлеровцев. Однако для нынешнего Солженицына это не довод для него эти люди либо "телята", либо "ортодоксы". Он всецело стоит сегодня на стороне тех людей, у которых естественные для всякого честного человека негодование и возмущение по поводу сталинских преступлений перешли в тупую злобу, привели их в тупик бессмысленного ожесточения, когда человек думает уже не о том, чтобы уничтожить или изменить порочную или плохую систему в своей стране, а из ненависти к одному сатане и тирану готов отдать даже всю страну другому дьяволу. Вот только дьявол не торопился почему-то покупать души этих людей и отнесся с подозрением к их целям. Подумать только, с негодованием свидетельствует Солженицын, в испуге распустили фашисты антисоветскую "народную милицию" в Белоруссии, а в одном из лагерей для военнопленных офицеров из 730 человек, выразивших желание вступить во власовскую армию, немцы освободили и привлекли к военным действиям только 8 человек! "Сколько характерно это, - пишет Солженицын, - для немецкой тупости" (С. 34). Солженицын неправ, когда считает коллаборационизм явлением, характерным лишь для СССР. Немало

предателей вербовали на свою сторону фашисты и во всех других оккупированных странах Европы. Можно с уверенностью сказать, что если бы не было в нашей стране ни массового террора 30-х годов, ни принудительной коллективизации, ни голода 1932-1933 гг., то меньше бы смогли оккупанты вербовать себе сторонников в захваченных ими советских областях. Точно также и партизанское движение было бы меньшим, если бы фашисты не проводили столь тотального грабежа и террора на завоеванных ими территориях СССР и в странах Европы. Но ведь для того и начал Гитлер войну, чтобы установить господство Германии во всей Европе и расширить для нее "жизненное пространство"

215

ство" в первую очередь за счет славянских "низших" наций, которые действительно планировалось частично истребить, отбросить на Восток, лишить государственности и независимости и превратить в рабов "высшей" "арийской" расы.

Солженицын знал это, когда он храбро воевал в качестве офицера Советской армии, он знает это и сегодня. Тем более непонятно то воодушевление, с каким он пишет об измене не только отдельных солдат, но целых подразделений Красной Армии в первые недели войны, выдавая это предательство за героизм и даже за спасение национальной чести русского народа.

Ведь так прямо и заявляет Солженицын: "Так вот, на гордость нашу показала советско-германская война, что не такие-то мы рабы, как нас заплевали во всех либерально-исторических исследованиях: не рабами тянулись к сабле снести голову Сталину-батюшке... Эти люди, пережившие на своей шкуре 24 года коммунистического счастья, уже в 1941 году знали то, чего не знал еще никто в мире: что на всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем более лукаво-изворотливого, чем большевистский.., что не может сравниться с ним никакой другой режим, ни даже ученический гитлеровский, к тому времени затмивший Запад все глаза. И вот - пришла пора, оружие давалось этим людям в руки - и неужели они должны были смирить себя, дать большевизму пережить свой смертный час, чтобы снова укрепиться в жестоком угнетении и только тогда начать с ним борьбу (и посегодняя не начатую нигде в мире)? Нет, естественно было повторить прием самого большевизма: как он вгрызся в тело России, ослабленное Первой мировой войной, так и бить его в подобный же момент во Второй" (С. 31).

"...Возьму на себя смелость сказать, - продолжает Солженицын, - да ничего бы не стоил русский народ, был бы народом безнадежных холопов, если бы в эту войну упустил бы хоть замахнуться, да матюгнуться на Отца родного. У немцев был генеральский заговор, а у нас? Наши генеральские верхи были ничтожны, растлены партийной идеологией и корыстью, и не сохранили в себе национального духа, как это бывает в других странах. И только низы солдатско-мужицко-казацкий замахнулись и ударили. Это были сплошь низы, так исчезающе мало было участие бывшего дворянства из эмиграции, или бывших богатых слоев, или интеллигенции. И если бы дан был этому движению свободный размах, как он потек с первых дней войны, то это стало бы новой пугачевщиной: по широте и уровню захваченных слоев, по поддержке на

216

селения, по казачьему участию, по духу - рассчитаться с вельможными злодеями, по стихийности напора при слабости руководства... Но не суждено было ему развернуться, а погибнуть позорно с клеймом: измена священной нашей Родине!" (С. 35).

Все это измышления и фантазии, не основанные на действительности. При тех настроениях, которые Солженицын приписывает "низам", т. е. большинству народа, никакая армия не могла бы не только побеждать, но и просто существовать. Солженицын, который сам прошел через войну и не раз высказывал гордость своими боевыми заслугами (эта гордость чувствуется и в первом томе "Архипелага"), не мог не видеть, сколь самоотверженно воевали советские солдаты против фашистской армии. Ибо при вдесятеро больших потерях, чем в Первую мировую войну, при несравненно более страшных поражениях, чем самсоновская катастрофа в 1914 году, потеряв едва ли не половину России,

народ наш не поддавался на фальшивые посулы гитлеровцев и не только устоял против громадной немецкой военной машины, поддержанной экономическими ресурсами всей Европы и десятками дивизий союзных Гитлеру стран, но и одолел врага.

Та злобная идейная мешанина насчет возглавляемой гитлеровцами пугачевщины должно быть и могла возникнуть в кругах бежавших на Запад бывших прислужников Гитлера, полицаев и карателей, которые ищут в этих галлюцинациях какого-то оправдания своей не слишком-то чистой деятельности в годы фашистской оккупации, и которые выдают себя теперь за "идейных противников" советской власти. Видимо, из этих людей и состоит сегодня значительная часть нынешнего окружения Солженицына. И, видимо, по этой причине три года пребывания на Западе не слишком благотворно подействовали на Солженицына-художника.

Влиянию нового окружения Солженицына мы склонны приписать и многие другие страницы третьего тома "Архипелага", ибо просто трудно поверить, что он не только написал их в СССР, но и, как сказано во втором "Послесловии", сумел все-таки дать прочесть немногим своим друзьям (С. 581).

Солженицын, например, полностью оправдывает тех директоров школ и учителей, которые продолжали и в оккупированных городах и селах учить детей по предложенной фашистами программе. Что же в этом плохого? - спрашивает Солженицын.

"Конечно, за это придется заплатить и, может быть, внести портреты с усами. Елка придется уже не на Новый год, а на

217

Рождество, и директору придется на ней (и в какую-нибудь имперскую годовщину вместо Октябрьской) произнести речь во славу новой замечательной жизни - а она на самом деле дурна. Но ведь и раньше говорились речи во славу замечательной жизни, а она была тоже дурна" (С. 16).

И это пишет автор призыва "Жить не по лжи!". Да, многое из того, что говорили своим ученикам в 20-30-е годы учителя и директора, мягко выражаясь, не вполне соответствовало истине. Но подавляющее большинство педагогов искренне верило в то, что они тогда говорили; эти люди также верили в истины марксизма-ленинизма, как верил в них тогда молодой Солженицын. И они также мало знали о преступлениях сталинской клики, как не знал о них и Солженицын с его умом и с его тогда уже возникшим недоверием и к Сталину, и к организованным в 1936-1938 гг. "открытым" политическим судебным процессам. Но не знать о преступлениях оккупантов, живя на захваченной гитлеровцами территории, было нельзя. О них знали и дети, и учителя. Вот почему лучшие из них, подобно герою повести В. Быкова "Обелиск", шли в партизаны, а не произносили речи во славу оккупантов.

Не оставляет своим вниманием Солженицын и судьбу молодых женщин, которые становились наложницами немецких солдат и офицеров. Это старый сюжет, и он блестяще развернут еще Г. Мопассаном в его знаменитой повести "Пышка". Солженицын, однако, и здесь придерживается особой точки зрения. Вот что пишет он в своей книге: "Сперва о женщинах - как известно, теперь раскрепощенных... Но что это? - не худшую ли Кабаниху мы уготовили им, если свободное владение своим телом и личностью вменяем им в антипатриотизм и уголовное преступление? Да не вся ли мировая (досталинская) литература воспевала свободу любви от национальных ограничений, от воли генералов и дипломатов?... Прежде всего - кто они были по возрасту, когда сходились с противником не в бою, а в постелях? Уж, наверное, не старше 30 лет, а то и двадцати пяти. Значит от первых детских впечатлений они воспитаны после Октября, в советских школах и советской идеологии! Так мы рассердились на плоды своих рук? Одним девушкам запало, как мы пятнадцать лет не уставали кричать, что нет никакой родины, что отечество есть реакционная выдумка. Другим прискучила преснятина пуританских наших собраний, митингов, демонстраций, кинематографа без поцелуев, танцев без обнимки. Третьи были покорены любезностью, галантностью, теми мелочами внешнего вида мужчины и внешних признаков

218

ухаживания, которым никто не обучал парней наших пятилеток и комсостав фрунзенской армии. Четвертые же были просто голодны, да, примитивно голодны, т. е. им нечего было жевать. А пятые, может, не видели другого способа спасти себя или своих родственников, не расставаться с ними" (С. 13-14).

Странно, что все это мог написать русский человек, офицер, прошедший через войну, который в 1943-1945 гг., проходя через освобожденные русские города и села, должен был ясно видеть, что означали тогда "галантность" и "любезность" фашистских офицеров и солдат. Да ведь "от первых детских впечатлений воспитаны в советских школах и советской идеологии" были не только те женщины, которые спали с гитлеровцами в оккупированных местностях (и с лагерными чинами - в лагерях), но и те, которые умирали с голоду, но не продавались за плитку шоколада или пару чулок. И этих-то вторых! - было гораздо больше, их были миллионы. Конечно, никто из женщин, "сходившихся с противником не в бою, а в постелях", не заслужил тех многолетних сроков каторжных лагерей, которые многие из них получили. Но они вполне заслужили ту кличку "немецкие подстилки", которой окрестили их в годы оккупации их бывшие подруги и односельчане. Солженицын с этим решительно не согласен. Он пишет, правда, что-то невнятное о нравственном порицании, с оговоркой "может быть". Главными же виновниками он считает "всех нас, соотечественников и современников. Каковы же были мы, - пишет он, - если от нас наши женщины потянулись к оккупантам" (С. 14).

Опять о коммунистах в лагере

Через всю книгу Солженицына, и третий том не составляет здесь исключения, проходит неприязнь и озлобление не только в отношении коммунистов вообще, но и тех членов партии, которые по 10-18 лет провели в сталинских лагерях и прошли через испытания, несравненно более тяжкие, чем те, через которые прошел сам Солженицын. Называя большинство членов партии не иначе, как "ортодоксами", Солженицын утверждает, что после XX съезда эти ортодоксы вернулись на волю такими же точно, какими они были и до лагеря. Эти ортодоксы вообще не хотят вспоминать лагерь и тюрьмы и избегают лагерных знакомств. "Да и какие же они благо-намеренные, если им не быть, не простить, не вернуться в прежнее состояние? Ведь об этом же

219

и слали они четырежды в год челобитные: верните меня! верните меня! я был хороший и буду хороший. В чем для них возврат? Прежде всего в восстановлении партийной книжечки, формуляров, стажа, заслуг... С этим они и повалили в 1956 году: как из затхлого сундука, принесли воздух 30-х годов и хотели продолжить с того дня, когда их арестовали" (С. 479).

И тон, и содержание этой тирады вызывает решительное возражение. Хорошо ведь знает Солженицын, что не из "затхлого сундука" вернулись арестованные в 30-е годы коммунисты, а их тех же страшных каторжных лагерей со следами пыток и истязаний. И хотя большинство из них не изменило своим убеждениям, однако отношение к нашей действительности у них было уже иным (мы не имеем в виду "забывчивых" одиночек, которые были во всех категориях и потоках бывших эзков). И не "повалили" они из лагерей, а шли на волю редкой цепочкой, ибо большая часть арестованных в 30-е годы коммунистов была расстреляна или умерла в лагерях.

Неблагородство и тенденциозность Солженицына в данном случае никак не делает ему чести. О тех коммунистах, кто вел себя достойно упоминает он лишь мельком (в Комиссию, возглавившую Кенгирское восстание, свидетельствует Солженицын, "вошли и женщины". "Шахновская, экономист, партийная, уже седая"). Зато о трусах, предателях, о ловкачах, если они "партийные", он пишет куда подробнее. Но вот трудная для Солженицына фигура - Капитон Кузнецов, руководитель лагерного восстания, глава "сорокадневного правительства", председатель избранной заключенными Комиссии. Бывший полковник Красной Армии, выпускник Фрунзенской академии, уже немолодой. Командовал после войны полком в Германии и получил срок за то, что "кто-то у него бежал в западную зону".

К началу восстания сидел в лагерной тюрьме "за очернение лагерной действительности" в письмах, отправленных через "вольняшек". Надо полагать, что Кузнецов был членом партии, но Солженицын об этом ничего не говорит. Никаких фактов, компрометирующих Кузнецова, у Солженицына нет. Наоборот, мы узнаем из рассказа Солженицына, что все 40 дней восстания держится Кузнецов прекрасно. Он отказывается от освобождения, которое пришло ему в дни восстания, организует пролом стен и выламывание решеток, из которых выковывались пики. При переговорах с прилетевшими в лагерь "важными генералами" Кузнецов командой "Головные уборы - снять!" заставил и генералов МГБ снять

220

шапки перед трупами убитых эков. На угрозы генералов, по свидетельству самого Солженицына, - "встал Кузнецов. Он говорил складно и держался твердо. Если войдете в зону с оружием, - предупреждал он, - не забывайте, что здесь половина людей - бывших Берлин. Овладеют и вашим оружием" (С. 328). Казалось бы, какой упрек можно бросить такому человеку? Но вот как заканчивает рассказ о нем Солженицын: "Капитон Кузнецов! Будущий историк Кангирского мятежа разъяснит нам этого человека. Как понимал и переживал он свою посадку? В каком состоянии представлял свое судебное дело?.. Только ли профессионально-военной была его гордость, что в таком порядке он содержит мятежный лагерь? Встал ли он во главе движения, потому что оно его захватило? (Я это отвергаю.) Или, зная командные свои способности - для того, чтобы умерить его, ввести в берега и укрошенной волною положить под сапоги начальству? (Так думаю.)" (С. 328).

"Суд над верховодами, - пишет через 20 страниц Солженицын, - был осенью 1955 года, разумеется, закрытый и даже о нем-то мы толком ничего не знаем... Приговоры нам неизвестны. Вероятно Слеченкова, Михаила Келлера и Кнопкуса расстреляли..." (С. 347).

А как же Кузнецов, которого судили на том же суде? О нем автор "Архипелага" уже ничего не говорит.

Выходит, что Кузнецов был провокатором? Нет, так прямо Солженицын этого, конечно, не утверждает. Но намекает именно на это. Но можно ли так писать о человеке, который, скорее всего, героически погиб, к тому же не имея для своих подозрений никаких доказательств? Если он коммунист, то для Солженицына - можно. И это не единственный пример тенденциозной двусмысленности, с какой Солженицын говорит об отличившихся в лагерях коммунистах.

О "либеральности" русского самодержавия

Другой характерной чертой, которая проходит через весь третий том, как и через весь "Архипелаг", является тон постоянной насмешки насчет какой-то будто бы "жестокости" русских царей и, с другой стороны, тон насмешки над русскими революционерами и либералами, считавшими режим самодержавия в России "невыносимым". Мне уже приходилось писать, что ста

221

линский террор не идет ни в какое сравнение с жестокостями русских царей, исключая лишь Ивана Грозного. Но Солженицын говорит не только об этом. Постоянно касаясь этой темы, Солженицын как бы высказывает сожаление, что слишком уж "либеральными" были последние русские самодержцы. Так, например, Александр II и охранка не преследовали по-настоящему народовольцев. Их, конечно, иногда арестовывали и сажали в тюрьмы, но "ровно настолько, чтобы ознакомить их в тюрьмах, создать ореол вокруг их голов" (С. 87). "Либералом" был в сущности и Александр III. Хотя он и казнил с десятков народовольцев, но не преследовал ни родственников, ни друзей казненных, или наказывал их легко, "по-отечески", что видно, в частности, и на судьбе молодого В. И. Ульянова. А Николай II и вообще был "слабак", не смог расправиться по-настоящему с рабочими в январе 1905 года, да и в 1917 году позорно растерялся и потерял корону. У этого царя и "всех его правящих уже не было и решимости бороться за свою власть. Они уже не давили, а только придавливали и отпускали. Они все озирались и прислушивались, а что скажет общественное мнение. Мы... можем смело утверждать, что царское правительство не

преследовало, а бережно лелеяло революционеров себе на погибель" (С. 87).

Рассказывая, например, о преследованиях и судах над баптистами уже в 60-е годы нашего века, Солженицын не удерживается от восклицания: "Кстати 100 лет назад процесс народников был "193-х". Шума-то, Боже, переживаний! В учебники вошел" (С. 567).

Фальшь подобной позиции очевидна. От того, что масштабы несправедливостей и преступлений 20-50-х годов XX века превосходили все, что было известно по этой части в прежние века и десятилетия, от этого несправедливости прежних времен не становятся достоинствами, а борцы против этих несправедливостей не перестают быть героями в благодарной памяти человечества. Между тем весь том Солженицына, когда он касается этой темы сожалеющий о недостаточной жестокости царских расправ. Ах, как было бы хорошо, если бы их задушили в колыбели. Эта уверенность Солженицына, что десяти- или стократное увеличение репрессий спасло бы русский царизм от гибели, заставляет спросить - а почему он этого так хотел бы? Если бы миллионы гноили бы в тюрьмах и на каторге, а десятки тысяч расстреливали бы не при Сталине, а при Николае II или Александре III тогда что - их трупы пахли бы лучше?

222

Восток и Запад

Еще одним излюбленным мотивом автора "Архипелага", каким-то назойливым рефреном к его поистине страшным картинам преступлений недавнего прошлого является издевка над Западом, причем не только над ненавистными Солженицыну западными левыми и либералами, но и над правыми кругами, над Западом вообще. В третьем томе "ГУЛАГа" эта издевка над западными политиками выражена, пожалуй, наиболее выпукло.

Запад, по мнению Солженицына, не помог как следует России еще в Первую мировую войну и в роковой 1917 год, чем и довел ослабленную Романовскую монархию, а затем и Временное правительство до катастрофы. Запад позволил большевикам одержать верх в гражданской войне, а затем с неприязнью встретил миллионные массы первой русской эмиграции. Не заметил Запад ни голода миллионов крестьян в 1932-1933 гг., ни страшного размаха сталинского террора. Уступил Запад в конце войны 1939-1945 гг. почти всем требованиям Сталина.

Эти упреки исходят чаще всего из непонимания того, что и сам Запад уже с конца прошлого века раздирался множеством внешних и внутренних противоречий и не было у него тех сил и средств, чтобы выполнить эту задним числом нарисованную для него Солженицыным программу.

Но совсем уже поразительным представляется солженицынский упрек Западу, что после начала корейской войны Запад (и в первую очередь США) не начали против СССР и Китая новой мировой войны и не использовали в этой войне свою тогда еще существовавшую атомную монополию.

"Как поколение Ромена Роллана, - пишет Солженицын, - было в молодости угнетено постоянным ожиданием войны, так наше арестантское поколение угнетено было ее отсутствием, - и только это будет полной правдой о духе Особых политических лагерей. Вот как нас загнали. Мировая война могла нам принести либо ускоренную смерть (стрельба с вышек, отравы через хлеб с бациллами, как делали немцы), либо все же свободу. В обоих случаях избавление гораздо более близкое, чем конец срока в 1975 году" (С. 51).

И здесь опять свои настроения выдает Солженицын за настроения всех заключенных. Мне приходилось встречаться с сотнями бывших узников Особлагов самых разных политических

223

настроений, но ни от кого я не слышал, что жаждали они третьей мировой войны.

Солженицын, видимо, чувствует, что его слова могут шокировать его читателей, и в запальчивости восклицает: "Удивятся, что за циничное, что за отчаянное состояние умов? И вы не думали о бедствиях огромной воли? - Но воля-то нисколько не думала о нас! Так вы что ж: могли хотеть мировой войны? - А давая всем этим людям сроки в 1950-м до середины

1970-х, что же им оставили хотеть, кроме мировой войны?" (С. 50).

Солженицын, разумеется, неправ, что воля нисколько не думала о лагерях. Большинство родных и близких помнили о своих мужьях, братьях, друзьях, находившихся в заключении, ждали их, писали письма и собирали посылки. Между тем возвращаясь снова к этой же теме в конце книги, Солженицын пишет: "Никакому благополучному ни в западном, ни в восточном мире не понять, ни разделить, может быть, и не простить этого тогдашнего настроения за решетками... Какую же искалеченную жизнь надо устроить, чтобы тысячи тысяч в камерах, в воронках, в вагонах взмолились об истребительной атомной войне, как о единственном выходе?" (С. 418).

Да, простить это трудно. Да, Солженицын пережил страшные и трудные времена, когда калечились и ломались даже и очень сильные люди. И это показывает судьба самого Солженицына. Он жертва этого времени, которое воспитало в авторе "Архипелага" не только твердость и мужество, необычайную настойчивость и упорство. Это же время взлелеяло и развило в Солженицыне и такие черты, как непримиримую ожесточенность, граничащую с фанатизмом, приверженность к узкой идее и невозможность испытывать ничего, кроме вражды к людям иных взглядов и убеждений, неумение видеть жизнь и действительность во всей их многогранности, пренебрежение к средствам для достижения своих целей. И хотя теперь все усилия Солженицына концентрируются на борьбе против социализма и "Передового Учения", по своим приемам эта борьба слишком напоминает все то, что он сам так справедливо обличает в "Архипелаге".

В третьем томе "Архипелага" Солженицын рассказывает о комбриге И. С. Карпуниче-Бравене, который в годы гражданской войны сам подписал немало смертных приговоров, даже не читая списки, приносимые ему из Особого отдела. После 20 лет Колымы этот комбриг поселился на дальнем сельском хуторе и отказался подать заявление о реабилитации. Он работал на ого

224

роде, а в свободное время записывал из книг различные афоризмы, например: "Мало любить человечество, надо уметь переносить людей". "А перед смертью, свидетельствует Солженицын, - своими словами, да такими, что вздрогнешь - не мистика ли, не старик ли Толстой? - "Я жил и судил все по себе. Но теперь я другой человек и уже не сужу по себе".

К сожалению, Солженицын не научился еще переносить людей и продолжает жить и судить только по самому себе.

Июль 1976 года

Твардовский и Солженицын

(к выходу в свет книги А. И. Солженицына

"Бодался теленок с дубом")

Предварительные замечания

Новую книгу А. И. Солженицына я прочитал с тем вниманием, которого она безусловно заслуживает. Захватывают уже первые страницы книги. Неожиданный и быстрый успех писателя, художника, артиста, переход от полной неизвестности к ошеломляющему успеху и всемирной славе - этот сюжет недаром стал основой многих кинофильмов, продолжая, несмотря на свою примитивность, волновать воображение зрителей.

Но то, что для миллионов зрителей остается обычно красивой иллюзией, в судьбе Солженицына стало реальным фактом. И, главное, его успех был вполне заслуженным: уже первые из опубликованных им повестей и рассказов составили веху не только в развитии литературы, но и всей общественно-политической жизни в СССР.

Приковывает и великолепно написанный (уже за границей) последний раздел книги - "Пришло молодцу к концу", где автор рассказывает о самых драматических неделях своей жизни - от публикации первого тома "Архипелага" до высылки из СССР.

Однако совсем иные чувства испытывал я, читая основную часть книги Солженицына. Очень уж многие страницы вызывают здесь не только разочарование, но и досаду за великого писателя, невольно выдающего неблагородство и мелочность

многих своих побуждений, несправедливость и необъективность в оценке людей, столь много сделавших для успеха литературной карьеры Солженицына. Со странным пренебрежением пишет Солженицын об А. Д. Сахарове, которого в другом месте сам же называет великим сыном России и своим другом. Невозможно согласиться и с крайне субъективными и несправедливыми оценками, которые дает Солженицын творчеству Михаила Булгакова, писателя, неожиданный и блистательный (но - посмертный) успех которого во всем мире может лишь радовать всех людей, которым дороги судьбы русской литературы. Я уже не говорю о недостойных намеках Солженицына в адрес тех людей, которых он и вовсе не знает (например, в адрес В. Чалидзе) и которые продолжают вносить посильный вклад в дело борьбы за права человека в нашей стране.

В настоящей статье я буду говорить, однако, лишь о Твардовском. Не знаю, как воспримет книгу Солженицына читатель, лишь понаслышке знакомый с изображенными в ней людьми. Но для меня, хорошо знавшего и дружившего с Твардовским и большинством других редакторов "Нового мира", присутствовавшего иногда на заседаниях его редколлегии, многое в книге Солженицына не только неприемлемо, но и требует ответа.

Солженицын и Твардовский

При всем многообразии людей, которых мы встречаем в книге Солженицына, главными персонажами этой книги являются Твардовский и сам автор мемуаров. Первое знакомство, краткая дружба и затем все более противоречивые отношения великого русского поэта и редактора нашего лучшего литературного журнала А. Т. Твардовского с самым крупным русским прозаиком А. И. Солженицыным - эта тема всегда будет привлекать историков литературы.

А. Твардовский был не только замечательным поэтом и редактором, он был во всех отношениях очень крупным и сложным человеком. На меня он всегда производил впечатление огромного самородка, на котором все бури прошлого времени и удары судьбы оставили заметные следы, не нарушив, однако, цельности его незаурядной натуры.

Солженицын пытается как-то отобразить сложность личности Твардовского не только классика советской поэзии и выда

ющего редактора, но также члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета, секретаря Союза писателей, т. е. своеобразного "босса", чья любовь к русской литературе и безусловная личная честность нередко расходились со столь же искренней верой в идеалы партии и с чувством партийной дисциплины. Твардовский, в изображении Солженицына, это не только большой поэт, человек искренний и добрый, мучительно переживающий невзгоды своего народа и особенно мужика, которым он в сущности и сам оставался всю свою жизнь. Но Твардовский был также, если верить мемуарам Солженицына, и вельможным сановником, литературным "генералом", не только сознающим свою близость к "сильным мира сего", но и дорожащим этой принадлежностью к литературной "элите" и к "верхам" общества. Одной из очевидных задач книги Солженицына является изображение того, как система слепой партийной дисциплины и жестко догматизированной идеологии уродует и калечит даже такую самобытную и большую личность, как личность Твардовского, накладывая отпечаток и на его творчество, и на его поведение. И хотя Солженицын явно преувеличивает трагические противоречия личности Твардовского, для которого советский патриотизм и социалистические убеждения были не чем-то чуждым, но очень важным стимулом его творчества, однако, в этой части своих мемуаров Солженицын порой находится не так уж далеко от истины.

Но чем дальше вчитываешься в мемуары Солженицына, тем больше видишь, что у этой книги есть и другая, куда менее благородная сверхзадача доказать, что он не так уж многим обязан или вовсе ничем не обязан ни "Новому миру", ни Твардовскому. Солженицын признается, что выбор "Нового мира" для него был случаен, ибо этот журнал "для меня мало отличался от остальных журналов. Те контрасты, которые между собой усматривали

журналы, были для меня ничтожны, а тем более для исторической точки зрения - спереди ли, сзади. Все эти журналы пользовались одной и той же главной терминологией, одной и той же бомбой, одними и теми же заклинаниями - и всего этого я даже чайной ложкой не мог принять" (С. 22).

Но может быть после нескольких лет общения с журналом это мнение о нем изменилось у Солженицына? Отнюдь нет. В 1966 году решил Солженицын предложить несколько своих новых рассказов не "Новому миру", а редакциям других журналов (не только "Москве", но даже "Огоньку" и "Литературной России"). Оправдывая этот поступок, который Твардовский считал

227

чуть ли не "предательством", Солженицын пишет: "Я же не видел и не вижу здесь никакой измены по той причине, что отчаянное сопротивление "Нового мира" - "Октябрю" и всему "консервативному крылу" представляется мне лишь силами общего поверхностного натяжения, создающими как бы общую прочную пленку, сквозь которую не могут выпрыгнуть глубинные бойкие молекулы... Да и чем главный редактор ("Нового мира") отличается от своих "заклятых врагов" Кочетова, Алексеева и Софронова? Здесь уравнил действие красных книжек! А уж члены их редакций, так, право, неотличимы...". "Меня остановят, - продолжает Солженицын, - чтобы я не кощунствовал, чтоб и сравнивать дальше не смел. Мне скажут, что "Новый мир" долгие годы был для читающей русской публики окошком к чистому свету. Да, был. Да, окошком. Но окошком кривым, прорубленным в гнилом срубе, и забранным не только цензурной решеткой, но еще собственным добровольным идеологическим намордником - вроде бутырского армированного мутного стекла" (С. 137). О несправедливости и ошибочности подобных оценок я еще буду писать ниже, да и сам Солженицын то там, то здесь нередко говорит нечто прямо противоположное. Но он титится вместе с тем все время доказывать, что это "Новый мир" и Твардовский должны быть в первую очередь благодарны и обязаны Солженицыну, что он, повинувшись персту Божьему, остановил в ноябре 1961 года свой выбор именно на журнале "Новый мир".

От передачи повести "Щ-854" (первоначальное название "Одного дня Ивана Денисовича") в редакцию "Нового мира" до ее публикации прошло одиннадцать месяцев. Солженицын пытается уверить читателей, что это был слишком долгий срок, и что в затяжке публикации был "виноват" главным образом Твардовский, который не торопился знакомить с повестью свое партийное руководство и вообще "недопустимо тянул", искал "сложные обходные пути, собирал какие-то отзывы (Маршака, К. Чуковского и др.), старался расположить в свою пользу влиятельного помощника Хрущева В. С. Лебедева, хотя доступна была ему трубка того телефона, по которому можно было позвонить и прямо Никите Сергеевичу. "Можно допустить, - замечает Солженицын, что он и повести боялся повредить слишком прямым и неподготовленным обращением к Хрущеву. Но думаю, что больше здесь была привычная неторопливость того номенклатурного круга, в котором так долго он обращался, они лениво живут и не привыкли ковать ускользающую историю...

228

А еще была у Твардовского на несколько месяцев и некая насыщенность своим открытием, повесть довела ему и ненапечатанная..." (С. 40). И в результате - "упустил Твардовский золотую пору, упустил приливную волну, которая перекинула бы наш бочонок куда-то дальше за гряды сталинских скал и только тем бы раскрыла содержимое, напечатай мы тогда, в 2-3 месяца после съезда еще и главы о Сталине (т. е. не только "Ивана Денисовича", но и главы из "Круга первого", да еще в "Правде" с ее пятимиллионным тиражом) насколько бы непоправимей мы его обнажили, насколько бы затруднили позднейшую подрубку. Литература могла ускорить историю. Но не ускорила" (С. 39-40). Слишком поздней публикацией "Новый мир", по мнению Солженицына, не выиграл, а проиграл.

Все эти обвинения совершенно беспочвенны, несправедливы и опровергаются на

других страницах книги самим же Солженицыным. Публикация "Ивана Денисовича" была не проигрышем, а большим выигрышем, - она ускорила историю и была важным событием в политической жизни страны. По тем условиям повесть Солженицына проходила "через инстанции" с исключительной быстротой. Но и препятствия к ее публикации были настолько велики, что их преодоление стало возможным только благодаря огромной настойчивости Твардовского, действующего фактически в обход цензуры и Секретариата Союза писателей. Уже один этот факт показывает всю необычность и сложность подобной публикации. Понимая все это, Твардовский проявлял не медлительность, а разумную осторожность, ибо при ином поведении можно было потерять не только повесть, и даже не весь архив писателя (как это было с Вас. Гроссманом), но и самого автора, пока еще скромного рязанского учителя.

Если верить Солженицыну, то именно Твардовский помешал публикации нескольких уже ранее написанных солженицынских произведений в других журналах, не дав ему таким образом "захватить плацдармы для будущей борьбы". Солженицын уверен, что многое из "Круга первого" можно было тогда напечатать, чему препятствием было лишь "ложное чувство обязанности по отношению к "Новому миру" и Твардовскому" (С. 60). (Подчеркнуто мной. - Р. М.).

Но в данном случае Солженицын явно вводит в заблуждение своих читателей. Даже после XXII съезда КПСС в нашей стране никогда не было такой атмосферы, при которой была бы возможна публикация "Круга первого", а также глав о Сталине

229

из этого романа в 5-миллионной "Правде". И если оказалось возможным такое чудо как публикация в "Новом мире" нескольких повестей и рассказов Солженицына (один из которых - "Случай на станции Кречетовка" был напечатан в "Правде"), то главная роль в этом принадлежала именно Твардовскому. И потому обидно читать у Солженицына, что "новомирские оковы были вторичны, а все ж заметно тянули и они" (С. 60).

Между прочим, Солженицын в своих письмах к Твардовскому, с некоторыми из которых я имел возможность ознакомиться, писал в 1963-1965 гг. нечто прямо противоположное тому, что мы читаем сейчас в его мемуарах.

Из своих бесед с Твардовским я вынес впечатление, что он не только с риском для себя и "Нового мира" защищал Солженицына перед всеми "инстанциями", но что он любил Солженицына, болезненно переживая и несправедливую критику в его адрес, и неправильные, как считал Твардовский, поступки самого Солженицына. Солженицын знал об этой любви и часто пользовался ею, хотя он и пишет сегодня, что его чаще не радовала, а тяготила "туповатая опека" Твардовского. "Твардовский, - пишет Солженицын, от чистого сердца любил меня бескорыстно, но тиранически, как любит скульптор свое изделие, а то и как сюзерен своего лучшего вассала" (С. 63, 64).

В своих письмах Твардовскому Солженицын неоднократно заявлял, что главное - это сохранить "Новый мир". "Теперь меня будут повсюду ругать, предполагал Солженицын после своего знаменитого письма IV съезду писателей. - Будут связывать мое имя с журналом "Новый мир" и с Вашим именем". Поэтому в своих письмах Солженицын просил Твардовского всячески отмежевываться от своего недавнего автора (этим советам Твардовский никогда не следовал). Читая же нынешние мемуары Солженицына, мы видим, что его крайне раздражало, что столь внимательный и любящий его Твардовский на первое место все-таки ставил интересы своего журнала и представленного им литературного направления, из которого кстати и вышли практически все те писатели, которых в одном из интервью в 1973 году сам Солженицын назвал "ядром современной русской прозы".

Между тем сегодня Солженицын пытается доказать (и в этом состоит еще одна сверхзадача его мемуаров), что редакторам "Нового мира" только казалось, что они стоят в центре происходящего в стране литературного процесса. Да, Александр Исаевич готов признать, что "Новый мир" был все же лучше других и вовсе ник

230

чемных "толстых" журналов. И все же главные пути русской литературы, если верить "Теленку...", проходили в 60-е годы мимо "Нового мира", они шли через Самиздат, и лучшими в этой бесцензурной литературе были, конечно, романы и рассказы самого Солженицына. Мы не будем оспаривать последнего утверждения, его подтверждает и авторитет Нобелевской премии по литературе за 1970 год. Немало было в Самиздате и других превосходных литературных произведений, которые позднее нашли своих издателей только за границей (можно назвать хотя бы рассказы и повести В. Шаламова, мемуары Евгении Гинзбург). И, тем не менее, почти каждый номер "Нового мира" был событием в нашей литературной жизни, его воздействие на интеллигенцию было несравнимо с воздействием любых произведений Самиздата, хотя бы потому, что это был легальный журнал, выходивший 150-тысячным тиражом и доступный в любой провинции, куда произведения Самиздата "прорывались" редко и нерегулярно.

Солженицын признается, впрочем, что он вообще редко читал "Новый мир", обижая тем самым Твардовского. Дабы наверстать упущенное, автор "Ивана Денисовича" прочитал или пролистал однажды подряд 20 номеров "Нового мира". Многие материалы журнала ему нравились, но в общей оценке журнала Солженицын весьма существенно разошелся с Твардовским. Как признается Солженицын: "Очень уж расходились наши представления о том, что надо сейчас в литературе и каким должен быть "Новый мир". Сам А. Т. считал его предельно смелым и прогрессивным - по большому успеху журнала у отечественной интеллигенции и по вниманию западной прессы... Однако существовал и другой масштаб: каким этот журнал должен был стать, чтобы в нем литература наша поднялась с колен. Для этого "Новый мир" по всем разделам должен был печатать материалы следующих классов смелости, чем он печатал. Для этого каждый номер его должен был формироваться независимо от сегодняшнего настроения верхов, от колебаний, страхов и слухов - не в пределах разрешенного вчера, а каждым номером, хоть где-то раздвигая пределы. Конечно, для этого частенько бы пришлось и лбом о стенку стучать с разгону... Мне возразят, - отмечает все же Солженицын, - что это бред и блажь, что такой журнал не просуществовал бы у нас и года. Мне укажут, что "Новый мир" и полабзаца не пропускал протащить, где это было возможно... Наверное, в этом возражении больше правды, чем у меня. Но я все равно не могу отойти от ощущения, что "Новый мир" далеко не делал высшего из возможного" (С. 66). "К тому

231

же, - как считает Солженицын, - свободолюбие нашего либерального журнала выросло год за годом не так из свободолюбия редакционной коллегии, как из подпора свободолюбивых рукописей, рвавшихся в единственный этот журнал" (С. 66).

Странно слышать сегодня эти упреки. Как легальный и подцензурный журнал "Новый мир" не мог формироваться "независимо от сегодняшнего настроения верхов", хотя он и никогда полностью под них не подлаживался, часто вызывая раздражение и гнев этих самых "верхов", "Новый мир" никогда не "стоял на коленях", а в крайне сложных и трудных условиях проводил свою линию. Да и Твардовский не только часто "бил голову об стену", но нередко и пробивал ее, как это было в случае с Солженицыным, в случае с Ф. Абрамовым (роман "Две зимы и три лета"), в случае с Б. Можаявым ("Жизнь Федора Кузькина"), с Г. Владимовым (роман "Три минуты молчания") и во множестве других случаев. Но у Твардовского были, конечно, не только литературные пристрастия, но и вполне определенные политические убеждения, которые далеко не всегда расходились и с мнением "верхов". И потому многое из того, что хотел бы видеть на страницах "Нового мира" Солженицын, Твардовский не стал бы печатать не из-за боязни цензурных придирок или иных неприятностей, но руководствуясь своими взглядами. Между тем Солженицын, как это видно из всего содержания его мемуаров, уважает и считает правильными, единственно правильными, только свои убеждения. Убеждения же Твардовского для Солженицына - это добровольно надетый "идеологический намордник". Трудно не удержаться, чтобы не сказать здесь о журнале "Континент", четыре номера которого были изданы в последний год за

границей. В создании этого нового журнала участвует большая группа профессиональных русских литераторов, включая и Солженицына, которые по разным причинам оказались за границей. Эти писатели "поднялись с колен". Но разве создали они журнал, хотя бы отдаленно сравнимый по художественному уровню и глубине с "Новым миром"? Нет, все четыре номера "Континента" не стоят еще одного рядового номера "Нового мира", не говоря уже о лучших его номерах. К тому же, оказавшись за границей, редакция "Континента" действительно надела себе на лицо "идеологический намордник", провозгласив своим кредо "безусловную религиозность" и антимарксизм (говоря "антитоталитаризм" редакция "Континента" имеет в виду "антикоммунизм" - еще одну разновидность добровольного идеологического намордника.).

232

Да, Твардовский был членом партии, но он был иным членом партии, чем Кочетов или Софронов. Следует помнить, что в 60-е годы главная линия политической и идейной борьбы проходила у нас между различными направлениями социалистической мысли и между различными течениями внутри самой партии, грубо говоря, между сталинистами и антисталинистами. В первой половине 60-х годов иных течений практически не было, они стали появляться и заявлять о себе только к концу 60-х годов. Это понимал и Солженицын, который вовсе не следовал тогда своему призыву "жить не по лжи", и умышленно скрывал от Твардовского свои взгляды, предлагая ему лишь "облегченные" варианты своих произведений. Солженицын не только был огорчен отклонением своей кандидатуры на Ленинскую премию, но даже и в частных разговорах с некоторыми влиятельными тогда писателями отзывался с похвалой о Ленине, Октябре и Советской власти, по крайней мере в ее ранних формах. И не только своим огромным талантом, но также и этой "тактической" позицией обеспечил Солженицын успех своим первым литературным и политическим выступлениям. И, напротив, отказавшись сегодня от своей мимикрии, начав открыто и громко выступать с подчеркнуто антисоветских позиций, Солженицын оттолкнул от себя большинство своих недавних приверженцев, хотя и приобрел взамен покойного Твардовского таких сомнительных друзей как Генри Джексон или Джордж Мини.

Несколько слов о Твардовском

Солженицын немало пишет о доброте, искренности, природном уме, благородстве и прирожденном такте Твардовского. Многие страницы разбираемой книги проникнуты не только уважением, но и любовью к Твардовскому. Не скрывает автор "Теленка" и некоторых недостатков Твардовского. Но странным образом Солженицын во многих случаях уделяет главное внимание именно недостаткам Твардовского, порой не только смакуя их, но и выдумывая такие пороки, которых у автора "Теркина" никогда не было.

Да, Твардовский иногда запивал и, бывало, надолго. Это был его недуг, его беда, осложнявшая и без того трудное положение "Нового мира", не говоря уже о семье поэта. Трудно обойти в мемуарах это обстоятельство. Но оно право же не заслуживает того

233

внимания, какое уделяет ему Солженицын. Рассказывая о приезде Твардовского в Рязань, Солженицын с понятной досадой пишет, что чтение "Круга" уже на второй день стало переходить в "начало обычного запоя Твардовского". Но для чего понадобилось автору столь натуралистически описывать картину этого запоя, в том числе и сцену ночного буйства Твардовского, который будто бы вскочил раздетым среди ночи с постели и стал выкрикивать всякие лагерные команды, вставать по стойке "смирно" и т. п. Сам Твардовский утром ничего об этом не помнил, и следуя приему Солженицына, я мог бы в скобках заметить: "А была ли вообще эта ночная сцена", также как и описанная далее безобразная сцена на Рязанском вокзале при проводах Твардовского.

Описывая свой визит на дачу к Твардовскому, Солженицын снова говорит о начавшемся очередном запое: "...тяжелыми шагами спустился он со второго этажа в нижней сорочке с мутными глазами" (С. 113). И такие же сцены повторяются в мемуарах едва ли не через каждые 20-30 страниц. "На две, на три недели, а в этот раз на два месяца мог выйти он

по немыслимой алкогольной оси координат в мир, не существующий для сотрудников и служащих, а для него вполне реальный" (С. 104).

Но если в данном случае речь идет о действительном недуге Твардовского, то многие другие изображенные в "Теленке" недостатки - лишь плод воображения необъективного мемуариста. Твардовский, например, не любил шумных автомобильных потоков, особенно в сложной системе перекрестков вокруг здания "Нового мира". Поэтому с некоторой осторожностью переходил он здесь улицы, предложив однажды В. Некрасову и Солженицыну отобедать в ресторане на улице Горького. Но Солженицын замечает иное: "Да ведь он отвык передвигаться по улицам иначе, чем в автомобиле" (С. 79). Когда в Рязани Твардовский с трудом садился в небольшой "Москвич", Солженицын подумал: "Да ведь он по положению своему привык ездить не ниже "Волги" (С. 84). Тогда, 13 лет назад, Солженицын и мог так подумать. Но для чего сегодня оставлять в книге эти пустые и несправедливые домыслы. Первой машиной, которую приобрела семья Твардовских, был именно "Москвич", но слишком крупным мужчиной оказался Александр Трифонович, для этого небольшого автомобиля. Если приходилось возвращаться Твардовскому к себе домой на служебной "Волге" почти всегда платил он шоферу - не мог принять даже такой небольшой бесплатной привилегии. Твардовский принципиально не пользовался большинством полагаемых ему "но

234

менклатурных благ", он никогда не получал, например, полагавшегося ему продовольственного пайка для "ответработников" (с набором дефицитных продуктов). Все это крайне раздражало других секретарей ССП и главных редакторов журналов. Любил Твардовский и пешие прогулки, продолжавшиеся часто по несколько часов. Подолгу работал он в своем саду и на огороде. Нелепо и непорядочно поэтому изображать его каким-то вельможей, хотя и вышедшем из мужиков, но видевшим теперь мир только через стекло номенклатурного автомобиля.

И уж совсем оскорбительным для памяти умершего поэта является неоднократно ведомый Солженицыным разговор о "трусости" Твардовского. Описывая, например, совместную с Лакшиным поездку к Твардовскому (к концу месячного запоя последнего), Солженицын отмечает, что хозяин встретил их встревоженным вопросом: "Что случилось?" и что "руки его тряслись не только от слабости, но и от страха" (С. 212). (Подчеркнуто мною. - Р. М.). Но почему же "от страха"? Ведь сам Солженицын далее пишет, что, уже узнав, что ничего не случилось, успокоившись и поужинав с гостями, Твардовский не смог сделать дарственную надпись на своей только что вышедшей книге все из-за тех же трясущихся рук. "Не могу, - сказал он, - как-нибудь в другой раз".

Приведя несколько таких же неправдоподобных примеров "трусости" Твардовского, Солженицын делает общий вывод: "И обречен был Твардовский падать духом и запивать от неласкового телефонного звонка второстепенного цекистского инструктора и расцветать от кривой улыбки заведующего отделом культуры" (С. 76). Этот вывод столь же ложен, как и замечание Солженицына о том, что "Новый мир" велся "непостоянными и периодически слабеющими руками" (С. 90).

Нет. Твардовский вел свой журнал уверенно и твердо. Конечно, и ему приходилось идти порой на компромиссы и выслушивать несправедливые замечания. Но никто другой из главных редакторов наших журналов не держался во всех директивных инстанциях с таким достоинством и не позволял помыкать собой, как Твардовский. Уступая в мелочах, Твардовский был упрям и тверд в отстаивании главного. Был случай, когда на одном из совещаний Твардовский закричал на заведующего отделом культуры ЦК Поликарпова в ответ на бестактное замечание последнего, и тот, опешив, не смог продолжить свою речь. Грубо оборвал однажды Твардовский и секретаря ЦК КПСС П. Н. Демичева, пытавшегося прочесть публично письмо, адресованное Твардовско

235

му, но оказавшееся почему-то в сейфе секретаря ЦК. В знак протеста Твардовский

демонстративно ушел и с этого совещания редакторов. Не раз был резок и даже груб Твардовский и с предшественником Демичева Л. Ильичевым. И часто именно эта смелость и резкость Твардовского выручала журнал и его авторов.

Несправедлив упрек Солженицына и в том, что Твардовский "всегда проявлял безразличие и недоверие к Самиздату". Лично я познакомился с Александром Трифоновичем именно благодаря Самиздату, через который поступила в его кабинет моя рукопись "К суду истории", отнюдь не предназначенная к публикации в журнале. Позднее я нередко привозил Твардовскому для чтения рукописи, ходившие в Самиздате, многие из которых он не только читал с интересом, но просил порой подарить для своего личного архива. Однако в отношении к Самиздату Твардовский проявлял разумную осторожность, не всякие материалы вызывали у него интерес, да и брал он их не от всякого. Также и показывал он эти "самиздатовские" вещи только самым близким друзьям и единомышленникам. Кроме того, он следил за тем, чтобы официально поступившие в редакцию рукописи не стали достоянием Самиздата, что могло в те годы доставить серьезные неприятности не только журналу, но и его авторам.

На людей, не знакомых с работой "Нового мира", рассчитано и ложное свидетельство Солженицына, что только в день отставки заходил Твардовский прощаться в "нижние этажи редакции, где и не бывал никогда" (С. 303). А между тем, как намекает Солженицын, именно здесь, в нижних этажах проводилась основная работа по созданию журнала.

Мы видим, таким образом, что Солженицын - свидетель слишком уж необъективный. Я уверен поэтому, что та безобразная сцена, когда Твардовский якобы отказался принять от Солженицына один из уцелевших при обыске экземпляров романа "В круге первом", или выдумана автором мемуаров, или существенно искажена. И в таком изложении она никак не может "быть достойной войти в историю литературы", чего хотел бы Солженицын.

Несколько слов о Солженицыне

Солженицын пытается решить в своей книге сразу несколько задач. И все же в первую очередь он остается и здесь художником, и потому, видимо, не всегда впечатление от его рассказа

236

совпадает с его отчетливо прослеживаемыми намерениями. Солженицын пытается, как справедливо отмечает в своем Открытом письме В. А. Твардовская, показать несостоятельность Твардовского и как поэта, и как редактора, не сумевшего подняться до Солженицына, который один лишь знал истину, которого Бог сберег от опасностей и соблазнов и который сам называет себя избранником Божиим. Но вот книга прочитана, и вопреки всем самовосхвалениям, переходящим в самолюбование, автор этой книги представляется нам и мужественным, и талантливым, но тем не менее как личность гораздо более мелким, чем Твардовский, со всеми его недостатками и сомнениями. Именно Твардовский, который мучительно ищет истину в бесконечно сложных переплетениях нашей жизни и который нередко при этом спотыкается и падает, оказывается несравненно более привлекательной фигурой, чем Солженицын с его комплексом пророка, призванного спасти если не все человечество, то Россию.

К тому же сквозь поток самовосхвалений то и дело пробиваются в книге Солженицына и признания, которые вряд ли могут вызвать симпатии читателей. Солженицын признается, например, что он все время скрывал от Твардовского свои подлинные намерения, взгляды и многие действия, что и мешало их дружбе, ибо "по скрытности моей работы и моих целей он особенно не мог меня понять" (С. 77). Все же и взгляды, и цели Солженицына постепенно открывались, и это приводило ко все большему охлаждению отношений между ним и Твардовским, которые к началу 1970 года были близки к полному разрыву. Этот разрыв наступил фактически в феврале 1970 года одновременно с разгоном редакционной коллегии "Нового мира". Солженицын не слишком далек от истины, заявляя, что журнал Твардовского умирал практически без сопротивления; все его главные авторы приходили в редакцию как на поминки, а не для протеста. Но они приходили все же, чтобы выразить свое сожаление и

сочувствие, а не осуждение поведению Твардовского и других членов разогнанной редколлегии, как это сделал Солженицын. "Я не скрывал, - пишет Солженицын, - что осуждаю всю их линию в кризисе и крахе "Нового мира". Так и передано было Твардовскому, но безо всех этих мотивировок. И снова, в который раз, наша утлая дружба с Трифоновым утонула в темной пучине" (С. 308). Впрочем, Солженицын, скорее, был не огорчен, а рад этому разрыву. "И не стал я слаб вне Союза, - пишет он, - и не ослабел без журнала, напротив, только независимей и сильнее, уже никому те

237

перь не отчитываясь, никакими побочными соображениями не связанный... Без слабых союзников свободнее руки одинокого" (С. 308). Неблагодарство мемуариста лишь оттеняется в данном случае приводимой через страницу телеграммой Солженицына к 60-летию Твардовского и ответом последнего.

Солженицын с нескрываемым удовлетворением пишет, как много получил он писем и телеграмм в декабре 1968 года в дни его пятидесятилетия, "...телеграфные разноски приносили разом по 50, по 70 штук - и на дню-то несколько раз... Скажу, не ломаясь, в ту неделю ходил я гордый" (С. 246). Но не скрывает Солженицын, что исключение его из Союза, хотя и широко оповестили о нем все зарубежные радиостанции, прошло почти без протестов, лишь немногие выступили открыто и прямо.

И чем дальше раскрывал он в своих выступлениях свои взгляды и намерения (для условий нашей страны совершенно утопические и реакционные), тем более одиноким становится Солженицын, тем более теряет он своих прежних друзей. Расходится он и с А. Д. Сахаровым (и, видимо, сводя с ним счеты, обнародует в книге многие частные разговоры с Сахаровым и его женой, отнюдь не предназначенные к публикации). К осени 1973 года, которую он почему-то называет "победной", мы видим рядом с Солженицыным лишь И. Шафаревича и нескольких религиозно настроенных молодых или не слишком молодых людей.

Однако в этом одиночестве Солженицын менее всего склонен обвинить самого себя. В первую очередь он бросает упреки всей нашей интеллигенции, обвиняя ее в трусости, приспособленчестве и бездуховности (не слишком удачным объектом для своих нападок Солженицын избирает самого крупного композитора нашей страны - Шостаковича). По мнению Солженицына, наша интеллигенция слишком склонна ко всякого рода иллюзиям и ложным концепциям. Конечно, у нашей интеллигенции много недостатков. Но ей нельзя отказать все же в трезвом понимании некоторых реальностей, которых уже нельзя изменить. И потому она отвергает религиозно-авторитарные утопии Солженицына и Шафаревича. У нас в стране имеются миллионы ученых, инженеров, учителей, врачей, и даже деятелей культуры, аполитичность которых очевидна. Главной причиной такой политической индифферентности является даже не страх перед репрессиями, а неинформированность или прямая дезинформация. Но у нас нет и уже никогда не будет тех 300 тысяч священников или горячих проповедников православной церкви, о ко

238

торых мечтают (в другой книге - "Из под глыб") Солженицын и Шафаревич.

Самолюбование Солженицына нередко может вызвать только улыбку. В своих мемуарах он пишет, например, что его очередное заявление не просто было передано среди последних известий "Голоса Америки", но что "мой утренний ответ уже по миру громыхал" (С. 429). О своей полемике с властями в 1973 году автор пишет как о "сражении шлемоблещущем и мечезвнящем" (С. 406). Конечно, одинокая борьба Солженицына с громадной государственной и партийной машиной власти заслуживает уважения, его мужество бесспорно, и публикация "Архипелага" была очень сильным ударом по всем сталинистам. Но нельзя и, потеряв всякое чувство меры, думать и писать, что эта публикация "будет смертельна для их строя" и что после "Архипелага" "не выстоит их держава". Но главное, конечно, не в том как пишет Солженицын о своих многочисленных сражениях с властями. Можно было бы и не говорить о самолюбовании Солженицына, если бы оно не

оборачивалось в книге все чаще и чаще саморазоблачениями, бросающими совсем иной отблеск на всю его борьбу. Отнюдь не только в защиту религиозной ортодоксии выступает в последние годы Солженицын. Ополчаясь на Ленина, как главного виновника всех бед России, а также на всю идеологию марксизма и социализма, Солженицын о Сталине пишет неожиданно как о ... "ягненке". Нашли, мол, ягненка, чтобы свалить на него все преступления коммунизма. (Себя самого Солженицын называет "теленком", что, конечно, также совсем не подходит к его образу).

Рассказывая о трудном для себя 1965 годе, Солженицын замечает мимоходом, что одним из немногих радостных событий этого года была для него неудача государственного переворота в Индонезии (С. 127). Для человека, называющего себя христианином, понять эту радость трудно. Авантюра верхушки ИКП и убийство нескольких генералов и членов их семей группой коммунистически настроенных террористов была осуждена большинством коммунистических партий во всем мире. Но как не сказать при этом о развернувшейся в Индонезии массовой резне сотен тысяч коммунистов и сочувствующих им крестьян. Мстительный антикоммунистический террор охватил на долгие месяцы всю страну, причем оргия убийств на местах проводилась часто вне всяких политических соображений, когда должники, например, убивали своих кредиторов. Только на острове Бали из 2-х миллионного на

239

селения было убито более 100 тысяч человек, и трупы их долго колыхались еще в морском прибое. И эта страшная трагедия, равной которой не было в последние 20 лет, вызвала радость у Солженицына! Право же я могу здесь только повторить совет столь ненавистного Солженицыну А. Дементьева: "Нельзя ли автору отнестись к людям и к жизни подороже" (С. 96).

Некоторые выводы

В предисловии к "Теленку" автор пишет, что, кроме художественной литературы в собственном смысле слова есть и вторичная литература, т. е. литература о литературе. К этому нужно добавить, что и вторичная литература бывает разных видов. Наряду с серьезными и глубокими исследованиями и мемуарами, дающими яркое представление об эпохе и ее людях (классический пример - "Былое и думы" А. Герцена), есть книги, повествующие главным образом о личной жизни литераторов, об их слабостях, о разного рода литературных скандалах и сплетнях. Такая литература пользуется обычно даже большим спросом у невзыскательной публики. К сожалению, значительная часть разделов книги Солженицына "Бодался теленок с дубом" написана именно на таком низком уровне.

Как известно, публикация первых произведений Солженицына вызвала много критических статей, некоторые из которых сами по себе были заметным вкладом в нашу общественную жизнь и вызвали оживленную дискуссию и нападки справа. Отмечу здесь лишь статьи В. Лакшина и Ю. Карякина (в "Новом мире" и в журнале "Проблемы мира и социализма"). В свое время Солженицын внимательно следил за этой полемикой, чему есть много свидетельств, хотя бы в виде писем автора "Ивана Денисовича" указанным критикам. Но в своих мемуарах Солженицын полностью опустил эти важные эпизоды нашей общественной жизни. Он лишь мимоходом замечает о потоке "непрощенных" и даже "холопски-рекламных" рецензий, большинство которых он даже не читал, хорошо понимая их "тараканьи силенки". Но вместе с тем Солженицын находит время и место, чтобы весьма подробно описать, как на Рязанском вокзале Твардовский "с поспешностью рванулся по лестнице в ресторан, выпил поллитра, почти не закусывая и уже в блаженном состоянии ожидая поезда, только повторял часто: "Не думайте обо мне плохо"

240

(С. 90). В сущности, в этой части своих мемуаров "критика" Солженицына разительно схожа с теми нападками на Твардовского и "Новый мир", которые постоянно велись на всякого рода закрытых и полужакрытых совещаниях пропагандистов и агитаторов. Именно здесь работники идеологического отдела ЦК КПС говорили, что "Новый мир" ведется

неуверенными и "периодически слабеющими" руками склонного к запоям Твардовского, попавшего к тому же под пагубное влияние более молодых литераторов и критиков. О таком сходстве можно только пожалеть.

Р. А. Медведев. 1-10 мая 1975 года. 1-5 сентября 1975 года

Пути разрядки

(О некоторых выступлениях

А. Солженицына и А. Сахарова)

Еще несколько лет назад о политических взглядах и симпатиях Солженицына мы могли судить главным образом по косвенным данным, разбирая и анализируя его художественные произведения, высказывания его героев и пытаясь понять какой именно персонаж выражает в большей или меньшей мере мысли и идеи самого автора. Теперь эта задача упрощается, ибо в прошедшем 1975 году А. И. Солженицын выступал главным образом не как литератор и писатель; он выступал или пытался выступать как политик. В своих обширных интервью Солженицын затрагивал главным образом политические вопросы, политическая тематика преобладала в его статьях, наибольший резонанс в этом же отношении имели его большие речи программного характера, произнесенные в Нью-Йорке и Вашингтоне в июне и июле прошлого года. В этих выступлениях Солженицын затронул слишком большое количество вопросов и проблем, чтобы можно было обсудить их в одной небольшой статье. Однако мы считаем необходимым и важным сделать хотя бы ряд предварительных критических замечаний.

Полемика с Солженицыным неизбежна хотя бы потому, что он взял за правило в своих последних выступлениях говорить или от имени всего русского народа, или от имени всех людей труда, или, во всяком случае, от имени всех бывших заключенных. Не

241

сомненно, какой-то важной частью своего художественного творчества А. И. Солженицын отразил страшные потрясения и трагедии послереволюционной истории России, да и сам художественный гений Солженицына повлиял на развитие нашего общественного сознания. Однако это вовсе не означает, что развитие общественного сознания в нашей стране происходит в том же направлении, в каком происходит идейная эволюция Солженицына. Солженицын глубоко заблуждается в этом отношении, ибо ни большинство людей труда, ни большинство интеллигенции, ни большинство оставшихся в живых узников ГУЛАГа, ни большинство так называемых "диссидентов" не разделяет основной части нынешних идей и высказываний Солженицына.

Один из посетивших Солженицына корреспондентов норвежской газеты "Афтенпостен" писал в большой статье о жизни писателя в Цюрихе, что Солженицын по-прежнему искренне считает себя пророком современной России. Но по меткому замечанию французского социолога Лебона, - "интеллигентность, сознающая связь всех вещей, помогающая их объяснению и пониманию порождает податливость и значительно уменьшает силу и мощь в убежденности, которая необходима пророку. Большие пророки всех времен были людьми ограниченными и односторонними и потому имели большое влияние. Речи знаменитейших из них поражают сегодня своей несвязностью". Но такой именно несвязностью удивляют и последние речи Солженицына, хотя, по свидетельству западной печати, они произвели большое впечатление на массовую американскую аудиторию.

Односторонность и ограниченность Солженицына ярко проявляется уже в той главной мысли, которая красной нитью проходит через все его последние выступления и которая состоит в том, что все или почти все ЗЛО современного мира сосредоточено только на Востоке, и потому Запад должен объединиться против этого зла и заставить его отступить. Но уже этот главный тезис не выдерживает критики.

Мы вовсе не хотим отрицать, что в нашей жизни существовало в прошлом и продолжает существовать поныне немало зла, хотя понимание добра и зла у многих вещей еще очень различно. Однако Восток и, в частности, Советский Союз вовсе не имеют

монополии на зло в любом его толковании. К сожалению, зло в различных его формах распределено в мире довольно равномерно, и Запад, конечно же, не является образцом справедливости и добродетели. Ведь именно "благополучное" западное общество

242

еще 40 лет назад держало под своей властью большую часть Азии, Африки и Латинской Америки, и насилие оставалось тогда главным средством поддержания этой власти. Отнюдь не по собственной воле Запад ушел из стран "третьего мира". Разве не демократическая Франция, уже потерпев поражение в Индокитае, долго вела еще кровопролитную войну в Алжире, во время которой весь Алжир был покрыт концлагерями, а пытки и истязания стали обычным явлением? Лишь в этой войне погибло больше миллиона алжирцев из 9-миллионного населения страны. Разве не Западная Европа стала источником двух мировых войн, первая из которых и была главным условием победы Октябрьской революции, которую Солженицын совершенно напрасно считает сегодня первопричиной всех несчастий русского народа. Что касается Второй мировой войны, то и она принесла миру не только десятки миллионов убитых, но и множество новых революций и революционных войн.

Противоречия и несправедливость продолжают и сегодня пронизывать западный мир, и именно это обстоятельство продолжает питать здесь все левые движения, итальянские и французские коммунисты не приехали в свои страны из СССР.

В резких нападках на коммунистов и всех левых Запада Солженицын удивительно пристрастен. Он с немалой злобой говорит, например, о коммунистах Португалии, попутно издеваясь над лидером португальских социалистов М. Суарешом и Революционным Военным советом Португалии. Но он не сказал ни слова осуждения в адрес 45-летней фашистской диктатуры Салазара и Каэтано и той 15-летней колониальной войны, которую вела эта диктатура в Африке и которая явилась главной причиной португальской революции.

Напоминая об истории возникновения советской системы, Солженицын пишет, что эта система пришла к власти путем вооруженного переворота, что она ввела ЧК, применяла расстрел без суда, подавляла крестьянские восстания и т. п. Этой системе он противопоставляет "широкий и устойчивый американский быт".

Но разве американская демократия не возникла также путем революции и насилия? Разве самому рождению США не предшествовала долгая и тяжелая война с Англией, закончившаяся не только победой американских колоний, но и насильственным выдворением сотен тысяч лишенных гражданских прав "лоялистов", вынужденных эмигрировать в Канаду, Вест-Индию и в Англию? Разве не было и до, и после образования США

243

множества малых войн с индейцами, которых здесь не только пытали, но сжигали и убивали сотнями, "расчищая" американскую территорию для заселения ее белыми иммигрантами из Европы и черными рабами из Африки? Разве формальная отмена рабства в США (кстати лишь через несколько лет после отмены крепостного права в России) не потребовала четырехлетней гражданской войны, в которой южные штаты поставили под ружье более миллиона человек, а северные штаты более 2,5 миллионов человек? А разве дух и тема насилия не пронизывает и сегодня американскую массовую культуру? Разве можно одобрить те методы, которые применялись ФБР и ЦРУ для подавления и разложения оппозиционных движений в США в последние 20 лет? Или в борьбе с "левыми" все средства хороши?

Предсказывая, что после ухода американской армии из Южного Вьетнама здесь будут расстреляны и заключены в концлагеря миллионы человек (эти предсказания, к счастью, не сбылись и, можно надеяться, не сбудутся), Солженицын ни слова не говорит о тех миллионах простых вьетнамцев, которые были убиты и ранены в результате американских бомбардировок? Как бы ни были велики недостатки коммунистического режима во Вьетнаме, на сегодняшний день именно коммунисты сумели возглавить национально-

освободительную и антиколониальную войну вьетнамского народа, что и обеспечило им победу в войне, как 200 лет назад многие сходные идеи борьбы за независимость обеспечили победу американских колоний над британской метрополией.

Осуждая, и не без оснований, печально известную "берлинскую стену", Солженицын призывает одновременно создать и со стороны Запада громадную и непроходимую стену вокруг Советского Союза и других социалистических стран, настаивая на прекращении с этими странами торгового, экономического, технического и культурного обмена и сотрудничества. "Без вашей помощи они умрут, они не продержатся долго, она им нужна как воздух, - внушает Солженицын своим западным слушателям. - Так прекратите же оказывать им эту помощь, не продлевайте их существование, не усиливайте их власть". На целую страну Солженицын готов надеть балдахин прокаженного с бубенчиками, чтобы никто и близко не подходил, не приближался, чтобы несчастный умирал не только от своей болезни, но и от недостатка еды и воздуха под грязным мешком. Но это губительный и для самого западного общества совет. Советское общество является

244

во многих отношениях действительно больным обществом. Но эти болезни отнюдь не смертельны. И потому даже тотальная изоляция западных стран от СССР не приведет к гибели столь ненавистного Солженицыну советского режима, она лишь укрепит здесь наиболее реакционные круги, настроения и институты. Но ведь и Запад может серьезно пострадать от возрождения такой ожесточенной конфронтации и изоляции. А между тем западное общество отнюдь не является таким уж здоровым и крепким, как думает Солженицын; во многих отношениях его болезни являются куда более застарелыми и опасными. И не приведет ли эта тотальная конфронтация между Западом и Востоком к резкому и опасному обострению также и всех "западных" недугов и болезней?

Станным образом, еще недавно заклиная советских лидеров любыми средствами избегать идеологической войны с Китаем, Солженицын сегодня призывает Запад вновь начать самую ожесточенную идеологическую войну с Советским Союзом, которая из холодной так легко может перейти в настоящую "горячую" войну. А как же быть с теми десятками миллионов русских парней, ядром и корнем нации, о которых так печалился Солженицын, рисуя апокалипсические картины войны с Китаем? Или для уничтожения коммунистической идеологии можно решиться на эту жертву. Недаром же он и в "Теленке" заявил, что готов пожертвовать детьми - своими. Не так уж далеко смогло бы уйти человечество за таким пророком!

Фальсификация как метод полемики

Выступая перед американскими слушателями, Солженицын изложил не только собственные взгляды и убеждения. К сожалению, в ряде случаев он прибег и к сознательной фальсификации. Между прочим, это типичная черта пропагандистов старой советской выучки - о политическом противнике можно говорить все, что угодно.

"Соединенные Штаты, - заявляет Солженицын, - давно проявили себя как самая великодушная и самая щедрая страна в мире... По всем штатам в годы войны собирали помощь советским людям: теплые вещи, продукты, подарки. А мы не только не видели их, мы не только их не получали - их распределили где-то в привилегированных кругах, но нам никто никогда об

245

этом не говорил". Это - прямая неправда. Я допускаю, конечно, что какая-то часть американских подарков осела "где-то в привилегированных кругах". Но большая часть этой помощи шла на заводы и в учреждения, работавшие на войну. На военном заводе в Тбилиси, где я работал большую часть войны, было немало рабочих и служащих, получивших американские подарки. Позднее и в Москве, и в Ленинграде я встречал людей, отнюдь не из "привилегированных кругов", которые донашивали полученную ими когда-то американскую одежду.

Упоминая несколько раз о переизданной им в "Континенте" брошюре 1918 года,

Солженицын решительно уверяет, что в этой брошюре, едва ли не самой ценной в его библиотеке, содержится запись собрания всех представителей заводов и фабрик Петрограда, что через 4 месяца после Октября все представители петроградских рабочих и служащих проклинали коммунистов. Но Солженицын не может не знать, что имеющаяся в его библиотеке брошюра является записью собрания не всех представителей петроградских рабочих, а только тех, кто продолжал сочувствовать меньшевикам и эсерам. Это собрание проводилось в марте 1918 года в клубе меньшевиков. Председательствовал на собрании правый эсер Е. С. Берг, среди выступавших были не только активисты, но и члены ЦК меньшевистской партии. Кстати, такое же "Чрезвычайное собрание" проходило в конце марта и в Москве: из присутствовавших на нем 59 человек было 44 меньшевика и эсера.

Я вовсе не хочу в данном случае сказать, что весной 1918 года у рабочих России не было поводов быть недовольными своим положением. Однако непреложным историческим фактом является то, что в эти решающие месяцы после революции только незначительная часть петроградского и московского рабочего класса поддерживала меньшевиков и эсеров. Несмотря на многие ошибки и просчеты большевиков, за ними по-прежнему шла подавляющая часть пролетариата в основных промышленных центрах страны. Из рабочих как раз формировались в эти месяцы первые отряды Красной Гвардии, Красной Армии, первые эшелоны продовольственных отрядов. И именно эта поддержка рабочего класса помогла большевикам удержаться у власти в самые трудные месяцы 1918 года, когда против них выступило большинство крестьян, казачества и мелких городских собственников. Власть большевиков в 1918-1920 гг. была, безусловно, властью меньшинства, и Ленин не скрывал этого. Однако ра

246

бочий класс составлял тогда для большевиков достаточно прочную социальную опору.

Нетрудно было бы опровергнуть и утверждение Солженицына о том, что крупнейшие стройки первой пятилетки были созданы исключительно при помощи американской технологии и американских материалов, и что Сталин сам признавал, что 2/3 всего необходимого было получено с Запада. Конечно, значение западной техники и кредитов в годы первой пятилетки было очень велико. Но и тогда это было отнюдь не благотворительностью, а формой экономического сотрудничества, из которой и Запад извлекал для себя немалые выгоды. А ведь для Запада это были годы самого тяжелого в истории экономического и финансового кризиса.

Напоминая о жестокости гражданской войны в России, Солженицын говорит лишь об ужасах "красного" террора. Но разве нельзя составить еще более длинный перечень жестокостей белых армий и интервентов, в том числе англичан, американцев, французов и японцев, которые привели свои армии в Россию отнюдь не для того, чтобы кормить здесь голодающих рабочих и крестьян.

Речи Солженицына полны, впрочем, и множества противоречий и неувязок. Вполне по Лебону, эти речи поражают порой своей несвязностью. Достается от него, например, и алчущих прибылей капиталистам, едва ли не столько же, сколько и коммунистам. Так, в речи 30 июня 1975 г. на огромном собрании в Вашингтон-Хилтоне Солженицын обрушился на ту "сжигающую капиталистов жажду наживы, которая теряет всякие границы разума, всякие границы самоограничения, всякую совесть, только бы получить деньги". Но ведь то же самое говорил и Карл Маркс. Солженицын, однако, напоминает нам о своекорыстии капиталистов не для того, чтобы объяснить этой жадой наживы захват колоний или бесчисленные войны XIX и XX веков. Нет, именно сжигающей западных капиталистов жадой наживы хочет объяснить Солженицын политику торговли, сотрудничества и разрядки с СССР, которую поддерживает, как известно, и значительная часть деловых кругов Запада. В своем негодовании против этой разрядки Солженицын вспоминает даже лозунг: - "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", он обращается к американцам как к "братьям по труду", призывая их выступить и против советских коммунистов, и против американских капиталистов, якобы вступивших в союз с коммунистическими вождями.

Осуждая антифашистский союз западных демократий с СССР в 1941 году, Солженицын дает этому союзу такое объяснение: - Запад хотел столкнуть два тоталитарных режима друг с другом, но из-за присущего капитализму своекорыстия не смог предвидеть результата своих действий и потому попал впросак. Такое объяснение политики Запада не слишком оригинально, его можно найти и у Сталина. Важно здесь не то, что Солженицын говорит, а то, что недоговаривает - было бы лучше, если бы Западные демократии помогли Германии разгромить СССР.

Главный враг А. И. Солженицына - коммунизм

Солженицын осуждает своекорыстие и жажду наживы капиталистов, забывая при этом отметить, что капиталисты не последние люди в западных странах, что именно эта жажда наживы породила те несправедливости и пороки капиталистического общества, из реакции на которые и возникли в свою очередь все основные социалистические и коммунистические движения XIX и XX веков.

Нет, главный пафос своих выступлений Солженицын направляет как раз против социализма и коммунизма.

Трудно оспаривать многие из критических высказываний А. И. Солженицына в адрес реально существующих социалистических государств. Это верно, что в нашей стране нет ни настоящих выборов, ни независимой прессы, ни свободной политической, научной или литературно-творческой деятельности. Это верно, что у нас нет независимых судебных органов или свободных от партийной опеки профессиональных союзов. Однако Солженицын не собирается анализировать различия между предпринимавшимися до сих пор конкретными попытками построить социалистическое общество и идеалами социализма, которые порождены извечным стремлением людей построить справедливый общественный строй, в котором все люди будут по-своему счастливы. Солженицын не хочет видеть, что коммунизм в XX веке победил в первую очередь в таких странах, как Россия и Китай именно потому, что здесь страдания десятков и сотен миллионов людей были особенно сильны и потому, что здесь был сильнее порыв угнетенных людей к созданию лучшего общественного устройства. Для Солженицына нет вообще никакой разницы между идеями социализма и их реальным воплоще

нием. Нет, во всех своих формах и проявлениях социализм и коммунизм есть абсолютное зло. "Надо отдать себе отчет: - заявляет он, - вот концентрируется Мировое Зло, огромной ненависти и силы".

"Коммунизм, - продолжает Солженицын, - есть грубая попытка объяснить общество и человека". Да, современный коммунизм содержит в себе еще очень много грубого и приблизительного. Пока еще в нем не нашли своего осуществления даже многие идеи Маркса и Энгельса. Впрочем, и сам марксизм отнюдь не является конечным продуктом человеческого разума, он лишь исходный пункт в попытках научного объяснения человеческого общества, и в нем неизбежно сохраняется еще много утопического, случайного, ненаучного. Но какое учение дает более тонкое и точное объяснение современного общества? Может быть, христианство? Но ведь оно еще менее точно, приблизительно, ненаучно; его приемлет лишь меньшая часть человечества и у него сейчас даже меньше последователей, чем у марксизма. К тому же и современная общественная, политическая и нравственная жизнь Запада еще дальше отошла от заповедей Христа, чем нынешняя советская общественная жизнь от заповедей Маркса, Энгельса, Ленина и Программы КПСС!

"Марксизм, - восклицает Солженицын, - всегда был против свободы". Этот вздорный тезис он пытается обосновать с помощью уже разработанного И. Шафаревичем (в сборнике "Из под глыб") метода фальсификации. Солженицын выхватывает из контекста и таким образом искажает несколько фраз Ф. Энгельса, причем из статьи, написанной за год до первой встречи Энгельса с Марксом, т. е. тогда, когда никакого марксизма еще не

существовало. При этом критику Энгельсом буржуазных политических свобод (пусть критику слишком резкую, увлекающуюся и одностороннюю) Солженицын пытается представить как критику всяких политических свобод, а критику буржуазной демократии в тогдашней Англии (критику также не вполне справедливую и тенденциозную), как критику всякой демократии. Как возмущался в 1967 году А. И. Солженицын, когда в Союзе писателей его старую "давно покинутую" пьесу "Пир победителей" пытались выдать за выражение его "самоновейших взглядов". "Пьеса эта, заявлял Солженицын на заседании Секретариата ССП, - не имеет никакого отношения к моему сегодняшнему творчеству. Я так же мало отвечаю сейчас за эту пьесу, как и многие литераторы не захотели бы повторить сейчас иных речей и книг, напи

249

санных в 1949 году". Однако же теперь тот же самый негодный прием Солженицын пытается использовать против Маркса и Энгельса. Да, действительно, в борьбе с социализмом или марксизмом для Солженицына сегодня все средства хороши.

Как издевался в первом томе "Архипелага ГУЛАГа" А. И. Солженицын над формулой В. И. Ленина о том, что "нравственность - это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов". Что и говорить, эта формула Ленина явно неудачна, она никак не может быть положена в основу подлинно коммунистической морали. Такой релятивизм, в соответствии с которым нравственно все то, что полезно для "дела пролетариата" (а кто определит эту полезность?), может в конечном счете лишь повредить социализму и коммунизму.

Но вот Солженицын выступает в США, и мы слышим в его речи: "То, что против коммунизма - вот это и есть простая человечность?". Но ведь это та же самая формула Ленина, но еще ухудшенная и вывернутая наоборот! Тут к "простой человечности" можно отнести и "тигровые клетки" в Южном Вьетнаме, и бомбардировки мирного населения "по квадратам", и белый террор в годы гражданской войны, и подземные тюрьмы португальской охраны, и гитлеровские концлагеря. Ведь все это было придумано для борьбы "против коммунизма".

"Коммунизм един... - вещает Солженицын. - Солнце Коминтерна не закатилось. Его энергия стугулилась в электричество и ушла в подземные провода... Видимые отличия коммунистических партий мнимые... Есть единый массив коммунизма". Насмехается Солженицын над словами шведского социал-демократического лидера У. Пальме: - "Единственно как может коммунизм выжить - это стать на демократические позиции". Коммунизм, по мнению Солженицына, вообще несовместим с демократией. С коммунизмом вообще нельзя заключать никаких соглашений, единственным ответом на вызов коммунистического мира может быть лишь объединение Запада и наращивание его военного потенциала. Коммунизм можно сокрушить только силой, и сделать это Солженицын призывает как можно скорее, пока США и другие страны Запада обладают еще экономическим и военным превосходством. Говорить о моральности такой позиции или о христианстве такого пророка вообще не приходится. Отметим лишь, что даже самым искренним, но умным

250

апологетам капитализма должно быть ясно, что опоздал со своими призывами А. И. Солженицын на много десятилетий.

О книге А. Д. Сахарова "О стране и мире"

Политические взгляды академика А. Д. Сахарова претерпели в последние 7-8 лет существенные изменения, что и побудило его недавно вновь обратиться к политической публицистике. Мы имеем в виду брошюру А. Д. Сахарова "О стране и мире", которая была издана в 1975 году на Западе. Эта небольшая книга не является исследованием и не претендует на то, чтобы дать научный анализ социальных и политических проблем современности. Напротив, А. Д. Сахаров несколько раз подчеркивает свою "недостаточную

компетентность в сложных вопросах общественных отношений" (С. 7) и свою неинформированность. В отличие от Солженицына А. Д. Сахаров вовсе не выступает как пророк, которому будто бы известны решения всех проблем современного мира. Он заранее согласен признать и возможные заблуждения. Поэтому книга Сахарова лишена той ожесточенности и иступленной резкости, которые столь характерны для всех последних выступлений Солженицына. Книга "О стране и мире" написана скорее в тоне увещания, чем требования, в ее авторе мы видим человека в высшей степени доброжелательного и мягкого, но именно поэтому и непримиримого ко всем видам зла, как он его понимает.

Человек, который специально занимается проблемами международных отношений или изучением советского общества, найдет в книге Сахарова не только ряд смелых суждений, интересных предложений, справедливую критику. Он найдет здесь и множество односторонних, тенденциозных и явно ошибочных положений; взгляд автора на некоторые трудные проблемы поразит его своей наивностью, полным отсутствием того, что принято называть "трезвым реализмом". Но ведь порой ошибаются и самые реалистические политики и оказываются правы неисправимые идеалисты.

Если бы книга "О стране и мире" была издана анонимно или под псевдонимом, то, вероятнее всего, она не привлекла бы большого внимания. Ни в этой книге, ни в своих прежних статьях и "меморандумах" А. Д. Сахаров не создал никаких оригинальных политических концепций, многое из того, что он пишет, можно

251

найти (при гораздо большей систематичности и последовательности изложения) в работах других, главным образом западных авторов. Сам Сахаров ссылается во введении на работы "благородных и проницательных мыслителей - физиков и математиков, экономистов, юристов, общественных деятелей, философов", таких как А. Эйнштейн, Б. Рассел, Н. Бор, Р. Кассен. В Нобелевской лекции Сахаров приводит пример А. Швейцера, немецкого врача, гуманиста и философа. К этим же именам можно было бы прибавить имя крупнейшего американо-русского социолога Питирима Сорокина или американского математика А. Раппопорта. В конце концов, А. Д. Сахаров не является и не претендует на роль политического мыслителя. Но разве только политики-специалисты имеют право излагать свои взгляды и участвовать в политических дискуссиях современности?

Главное в деятельности А. Д. Сахарова - это его мужественная и неустанная борьба за свободу человека, за уважение элементарных демократических прав советских людей, защита политических заключенных. Являясь одним из наиболее выдающихся физиков современности, человеком, который внес огромный вклад в развитие советской науки, и не только в создание советского водородного оружия, но и в различные области мирного применения термоядерной энергии, А. Д. Сахаров пренебрег своим положением и привилегиями ради борьбы за права человека и в СССР, и в других странах. Эта деятельность, сочетаемая с неустанной борьбой за мир и сближение народов, была в конце 1975 года справедливо увенчана Нобелевской премией мира. Но именно потому, что голос А. Д. Сахарова, как Нобелевского лауреата, будет звучать еще громче и слышнее для всех - и в нашей стране, и за ее пределами, - мы считаем важным критически рассмотреть то политическое кредо, которое было изложено Сахаровым в брошюре "О стране и мире".

В чем А. Д. Сахаров прав?

Я не могу согласиться со многими предложениями и высказываниями А. Д. Сахарова, о чем будет идти речь ниже. Но всякая объективная оценка разбираемой книги А. Д. Сахарова должна начинаться не с критики, а с перечисления тех положений, по которым нельзя не согласиться с ее автором. Разве можно, например, оспаривать высказывания Сахарова о преступле

252

ниях сталинских времен и ужасах террористического режима, установленного в нашей стране в годы сталинского правления? Разве можно оспаривать утверждения Сахарова, что многие пережитки этого режима сохраняются до сегодняшнего дня, что советское общество

во многих отношениях остается закрытым и недемократическим? Разве можно всерьез оспаривать критику А. Д. Сахарова в адрес советской системы выборов, в адрес тупой и жесткой цензуры политических, научных и художественных произведений? Разве можно не согласиться с Сахаровым, когда он пишет и говорит о чрезмерной жестокости советской пенитенциарной системы, о систематическом нарушении многих элементарных гражданских и политических прав и свобод, в том числе свободы слова и печати, свободы политических ассоциаций, свободы получать и распространять информацию?

Невозможно оспаривать высказывания А. Д. Сахарова о тяжелой судьбе крымских татар, немцев Поволжья, месхов, о дискриминации евреев, о пренебрежении важными аспектами национальной жизни некоторых других народностей СССР. Сахаров справедливо выступает за устранение всех искусственно воздвигаемых препятствий на путях свободного обмена информацией и идеями и свободного передвижения людей. Нетрудно убедиться, что Сахаров никогда не выступал против разрядки, основанной на росте доверия между всеми странами и народами, на сближении всех частей современного расколотого мира. Ни в своей книге "О стране и мире", ни в Нобелевской лекции А. Д. Сахаров не выступает против основных идей и предложений Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Наша печать явно обманывает своих читателей, когда представляет А. Сахарова противником Общеввропейского Совещания в Хельсинки. "Заключительный акт совещания в Хельсинки, - заявил в своей Нобелевской лекции А. Д. Сахаров, - в особенности привлекает наше внимание тем, что в нем впервые официально отражен тот комплексный подход к решению проблем международной безопасности, который представляется единственно возможным; в акте содержатся глубокие формулировки о связи международной безопасности с защитой прав человека, свободы информации и свободы передвижения, и важные обязательства стран-участников, гарантирующих эти права. Очевидно, конечно, что речь идет не о гарантированном результате, а именно о новых возможностях, которые могут быть реализованы лишь в результате длительной планомерной работы с единой и последо-

253

вательной позицией всех стран-участников...". Где же здесь можно усмотреть отрицание важности Хельсинкского совещания? Где здесь можно усмотреть сходство с позицией А. И. Солженицына, яростно атаковавшего летом 1975 года саму идею Общеввропейского совещания и объявившего "предательством" поездку президента США Д. Форда в Хельсинки?

Невозможно оспаривать мысли А. Д. Сахарова по поводу взаимного и сбалансированного сокращения вооружений, особенно ракетного и ядерного оружия, к тому же Сахаров высказывается здесь по проблемам, которые знакомы ему отнюдь не из чтения газетных и журнальных статей. Сахаров нигде не издевается, подобно Солженицыну, над западной либеральной и лево-радикальной интеллигенцией. Критикуя ошибки этой интеллигенции (как он их понимает), Сахаров одновременно подчеркивает разумность, внутреннюю честность и альтруизм основных кругов западной интеллигенции. Призыв А. Д. Сахарова к демилитаризации, к сокращению поставок оружия в слаборазвитые страны, к интернационализму и национальному альтруизму, к увеличению экономической и культурной помощи "третьему миру", - такой призыв можно только приветствовать.

Хотя А. Д. Сахаров в ряде случаев рисует слишком уж безрадостную картину советской провинции, - не так уж много у нас деревень и поселков, где рабочий день начинается с многочасовых очередей за хлебом, и где "вся округа" сбегается к магазину, если там "дают" мороженую треску: - он несомненно прав, когда пишет об очень плохом снабжении продовольственными товарами и товарами широкого потребления провинциальных городов и деревни. Итальянскому корреспонденту газеты "Джорно", который в открытом письме своему главному редактору ("За рубежом", № 45, 1975) восторгается московским молоком и маслом, следовало бы поговорить на этот счет хотя бы с жителями Калинина, Калуги, Курска и других не слишком далеких от Москвы областных центров, которые очень часто приезжают в Москву только за тем, чтобы наполнить свои

рюкзаки и сумки колбасой, мясом, сгущенным молоком и даже макаронами высших сортов, которых они не могут купить в своих продовольственных магазинах.

Сахаров безусловно прав, когда пишет о перенапряженности советского хозяйства, об отсутствии резервов, о многих примерах хищнического отношения к природе, о плохих больницах или о росте алкоголизма.

254

Сахаров вполне справедливо критикует чрезмерную государственную централизацию советской экономической жизни, недостаток самостоятельности даже у самых крупных промышленных предприятий, у колхозов и совхозов. Он справедливо протестует против различных форм преследования инакомыслящих, о репрессиях по политическим мотивам, которые хотя и заметно сократились по своим масштабам, но продолжают тяжелым грузом давить на общественную жизнь. Человек нерелигиозный, он не без основания сетует по поводу униженного положения в нашей стране всех религий, церквей и сект.

В заключительной части книги Сахаров пытается предложить позитивную программу демократических реформ. Хотя по некоторым из 12 пунктов его программы можно было бы спорить, в целом его предложения являются правильными. Я, например, считаю, что при нынешней централизации и огромных масштабах советского производства требование о полной свободе забастовок отнюдь не является первоочередным условием демократизации. Гораздо важнее на первом этапе обеспечить рабочим и служащим полную свободу собраний и демонстраций, подачи петиций и манифестаций. Во всяком случае, изложенная А. Д. Сахаровым программа вызывает у меня и моих единомышленников больше сочувствия, чем поводов для спора и возражений.

Однако есть в книге Сахарова немало рассуждений и предложений, которые являются или тенденциозными, или явно ошибочными. Они-то и дают в основном повод для резких нападок на него и в советской, и в западной коммунистической печати.

Недостаток объективности, тенденциозность и пристрастность в оценках

Заканчивая свой обзор современного советского общества, А. Д. Сахаров сам замечает: - "Эта глава получилась-таки, по обычным нашим стандартам, довольно "злопахательской". В мучительные часы после работы я время от времени невольно ощущаю чувство неловкости, почти стыда. Делом ли я занят?" (С. 36).

Я думаю, что Сахаров занят важным и полезным делом. Для нормального функционирования нашего социалистического общества нужна критика, и притом критика решительная, критика, не останавливающаяся перед бесчисленными "табу", критика,

255

охватывающая все стороны нашей действительности и все уровни нашего государственного руководства. Я сознательно не добавляю здесь слов об "ответственной", "объективной" или "справедливой" критике. Во-первых, за долгие годы сталинского террора, да и хрущевского "субъективизма" наше общество привыкло молчать и соглашаться, а наши руководители, заботливо огражденные от всякого контроля и критики "снизу", отвыкли спокойно выслушивать слова критики и разумно реагировать на нее. Поэтому даже и самую справедливую и спокойную критику они склонны рассматривать как "злопахательство". Во-вторых, за эти же годы многие люди разучились критиковать. И теперь, когда некоторые из них, нарушив обет молчания, начинают осуждать недостатки нашей действительности, их критика оказывается часто слишком пристрастной, тенденциозной и субъективной. Поэтому такую критику оказывается еще легче огульно отвергнуть, как якобы "клевету" и "очернительство". Это происходит чаще всего и с критическими высказываниями А. Д. Сахарова.

Дело не в том, что Сахаров сознательно фиксирует свое внимание на отрицательных сторонах советской действительности, на недостатках и пороках нашей жизни и всего в двух-трех фразах говорит о некоторых несомненных достижениях режима. Всякая критика фиксирует свое внимание в первую очередь на недостатках. Дело скорее в тех акцентах, которые А. Д. Сахаров расставляет внутри своих критических рассуждений. И хотя Сахаров

в большинстве случаев вовсе не грешит против истины, у многих зарубежных читателей его книги может сложиться не только односторонняя, но и неправильная картина нашей жизни. В данном случае А. Д. Сахаров невольно использует те же приемы, которые столь характерны для советской пропаганды, когда она пишет о странах Запада. Эти приемы очень просты. Возьмем для примера область, в которой успехи Советского Союза слишком очевидны. Мы имеем в виду жилищное строительство. О достигнутом в этой области прогрессе можно написать по-разному. Можно указать, например, что за 20 лет, с 1956 по 1976 гг., в СССР введено в действие жилых домов с общей полезной площадью в 2 с лишним миллиарда квадратных метров, что число построенных в эти годы квартир превысило 50 миллионов, что свыше 85% городских жителей улучшили свои жилищные условия, и что не менее 60% семей располагает сегодня отдельными квартирами. Можно также написать, что качество квартир и всего жилищного строительства в эти два десятилетия заметно улучшилось, стала более удобной

256

планировка жилых кварталов, система обслуживания, лучше стал работать общественный транспорт и т. д., и т. п. Тут же нужно, конечно, отметить, что качество жилищ в СССР все еще отстает от западных стандартов, что в СССР на одного человека приходится меньше жилой площади, чем в США или в Западной Европе, что у нас плохо обстоит дело с телефонизацией, что в системе распределения квартир много злоупотреблений, что архитектура большинства новых домов слишком убога и невыразительна, и что в жилищном строительстве сохраняется пока еще очень много проблем, которые необходимо решать. А. Д. Сахаров, говоря о жилищном строительстве в СССР, начинает сразу же с перечисления недостатков. Он констатирует, что еще не все семьи в стране имеют отдельную квартиру, что получение отдельной квартиры является все еще счастьем, которого многие семьи ждут всю жизнь. Он отмечает, что и в отдельных квартирах не каждый член семьи имеет отдельную комнату. Он замечает, что жилые дома даже хуже по своим стандартам обслуживания, чем "дома для бедных семей" в США (тезис не слишком убедительный в устах человека, никогда не видевшего эти "дома для бедных"). И лишь мимоходом А. Д. Сахаров замечает, что в наших городах "ведется большое жилое строительство". О действительном положении дел в жилищном строительстве СССР судить по книге А. Д. Сахарова оказывается довольно рискованным делом. К тому же, увлекшись критикой, автор книги допускает и явные неточности и ошибки. Он пишет, например, - "Это неправда, что у нас самые дешевые жилища в мире. Оплата одного квадратного метра, выраженная в единицах средней зарплаты, не ниже, чем в большинстве развитых стран" (С. 15). Никаких доказательств и расчетов в подтверждение этого сомнительного тезиса Сахаров не приводит. Во-первых, неверно говорить лишь о "единицах средней зарплаты", не упоминая размеров квартирной платы в абсолютных цифрах. Даже кооперативные квартиры в СССР обычно в 2-3 раза дешевле аналогичных квартир в западных странах. Что касается государственных квартир, то в бюджете любой почти семьи расходы на квартирную плату редко превышают 10-12%. Эта плата и наполовину не покрывает общих расходов государства на строительство и обслуживание жилого фонда. Квартирная плата в СССР действительно ниже, чем на Западе и в абсолютных, и в относительных цифрах, то же самое можно сказать и о большинстве коммунальных услуг (газ, отопление, освещение), о тарифах за проезд во всех видах общественного транспорта, о почтовых тарифах и многом другом.

257

Отрицание этих фактов никак не украшает брошюру А. Сахарова. Неточны и весьма примитивные подсчеты автора насчет средней зарплаты в СССР и США. Всем известно, что американский рабочий зарабатывает значительно больше советского рабочего аналогичной специальности. Но хотя бы ради объективности нужно при этом указать на высокий уровень федеральных и местных налогов в США, высокие налоги на недвижимость, большие вычеты по социальному страхованию, большую, чем в СССР, инфляцию, огромную квартплату, дорогой и плохо функционирующий общественный транспорт, что превращает личный

автомобиль из предмета роскоши в дорогостоящий элемент прожиточного минимума и т. п.

А. Д. Сахаров явно неправ, когда он утверждает, что ни образование, ни медицинское обслуживание в СССР не являются бесплатными, поскольку за них расплачивается все общество. Но ведь ни школы, ни больницы, ни фонды для оплаты труда врачей и учителей не могут возникнуть из ничего, и это прекрасно понимали все те социалисты, которые боролись еще в прошлом веке за отмену платы за обучение и лечение трудящихся. Требование бесплатности как раз и предполагало в данном случае, что все расходы на образование и медицинское обслуживание возьмет на себя общество в целом. Ни больницы, ни школы не будут посылать счета своим клиентам, и это откроет возможность для малоимущих или многодетных семей получать необходимую им медицинскую помощь или обучать своих детей за счет всего общества. Но это именно и осуществлено в социалистических странах, хотя качество образования и качество медицинского обслуживания оставляют желать много лучшего, как об этом и пишет А. Д. Сахаров. Столь же тенденциозно и субъективно подходит автор книги "О стране и мире" и к оценке состояния советской науки и многих других сторон советской общественной жизни.

Беспомощность теоретических рассуждений

А. Д. Сахаров вряд одобрил бы усилия человека, который, не имея никаких познаний в области современной теоретической физики, смело стал бы рассуждать о природе элементарных частиц, магнитных полей или квантов. Однако сам автор брошюры "О стране и мире" считает возможным пускаться в рассуждения по таким теоретическим проблемам социальной жизни, о при

258

роде которых он не имеет даже самого приблизительного представления. Некритически воспринимая высказывания ряда западных идеологов, Сахаров, например, заявляет, что "современное советское общество наиболее кратко следует охарактеризовать как "общество государственного капитализма". Он утверждает, что "номенклатура" в СССР "фактически неотчуждаема" и "в последнее время становится наследственной" (С. 19). Однако в дальнейшем Сахаров пишет о социалистических странах и социалистическом обществе, не помещая слово социалистический в кавычки. Более того, на вопрос - "Что такое социализм?". Сахаров в конце своей брошюры честно отвечает: "Не знаю". Но знает ли он, что такое государственный капитализм? Очевидно, что не знает. Не утруждает он себя и какими-либо доказательствами по поводу неотчуждаемости или наследственного характера нашей номенклатуры. Я не собираюсь здесь вести полемику с А. Д. Сахаровым с марксистских позиций, поскольку он сейчас отвергает марксизм. Сошлюсь лишь на статью друга А. Д. Сахарова физика Ю. Орлова, который также не считает себя марксистом. В статье Ю. Орлова "Возможен ли социализм не тоталитарного типа?" имеется немало весьма спорных положений. Однако Ю. Орлов справедливо отмечает, что "особый характер так называемой общегосударственной собственности состоит, в частности, в том, что прибыль, нажива не являются стимулами деятельности руководителей". Ю. Орлов пишет, что управление общественным производством в СССР и "монополизация инициативы" не являются наследственными, и потому верхушка государственного аппарата остается лишь временным владельцем государственной собственности. При этом доля прибыли, идущая в личное пользование этого коллективного владельца, - относительно мала. Наше общество, по мнению Орлова, это не "общество государственного капитализма", а "общество тоталитарного социализма". При этом переход от нынешней формы "тоталитарного социализма" к гуманному, демократическому социализму, хотя и труден, но возможен. Эти построения и схемы Ю. Орлова все же ближе к истине, чем маловразумительные теоретические рассуждения А. Д. Сахарова.

Еще ближе подходят к истине те, кто говорят о нашем общественном строе как об обществе "государственного социализма" или "государственно-бюрократического социализма". Как известно, большинство социалистов прошлого века считало, что социалистическое общество будет обществом без государства, оно

не будет нуждаться ни в каком политическом принуждении. Эту точку зрения разделяли и марксисты, они признавали важность социалистического государства или диктатуры пролетариата лишь для исторически краткого переходного периода, в течение которого будут параллельно происходить процессы возникновения социалистических отношений и отмирания государства. "Пролетариату нужно лишь отмирающее государство, - писал В. И. Ленин всего за несколько месяцев до Октябрьской революции, - т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать". В действительности Октябрьская революция создала государство, которое не только не начало "немедленно отмирать", но которое продолжало на протяжении многих десятилетий непрерывно усложняться и усиливаться. Естественно, что природа социалистического общества в СССР оказалась во многом искаженной наличием мощного и всеильного государства с весьма значительными бюрократическими извращениями, а также сильной военной машины и полицейской системы. Преодолению этих искажений никак не способствует наличие одной лишь политической партии, верхушка которой срослась с верхушкой государственного аппарата. Такой "государственный социализм" неизбежно сочетает в себе черты как подлинного социализма, так и лжесоциализма. В некоторых отношениях он может иметь сходство и с государственным капитализмом, но это, скорее, внешнее сходство, чем внутреннее тождество. К сожалению, А. Д. Сахаров и его единомышленники видят лишь эту чисто внешнюю сторону рассматриваемых ими явлений.

Идеализация Запада и западных демократий

В третьей главе своей книги ("Проблемы разоружения") А. Д. Сахаров справедливо подчеркивает особую важность создания разнообразных систем контроля за выполнением соглашений о разоружении или об ограничении вооружений. Однако Сахаров не устает повторять, что даже после создания какой-то системы контроля Запад не может доверять Советскому Союзу, пока в нашей стране не создано "открытое" и демократическое общество. "Соглашения Никсона и Брежнева, Форда и Брежнева, - пишет Сахаров, - очень важны. Но я в первую очередь хочу подчеркнуть то, что в них кажется мне несовершенным, даже опасным. Если говорить в общем плане - это недостаточное внимание к пробле

260

мам контроля, недооценка особенностей нашего тоталитарного государства, возможных особенно-стей его стратегической доктрины и закрытости. Советская сторона во всех переговорах о разоружении всегда занимала очень жесткую позицию в вопросах контроля... Этой жесткой (и, в конечном счете, неразумной) позиции необходимо противопоставить большую твердость Запада, основанную на реальной силе и доброй воле" (С. 45-46).

Я не хочу оспаривать здесь важности контроля за выполнением уже заключенных и возможных новых соглашений о разоружении. Позиция советских представителей в этом вопросе и мне казалась нередко слишком жесткой и неразумной. Ибо если стремление к разоружению является искренним, то к чему выдвигать столько искусственных препятствий к установлению эффективного контроля? И если этот контроль является взаимным, то где основания выдвигать против него соображения государственного престижа или опасаться возможного шпионажа? Однако совершенно очевидно, что вопрос об эффективном и всестороннем контроле актуален не только по причине "закрытости" советского общества. Нелепо полагать, что такая, на первый взгляд, "открытая" страна, как США, не может производить множества секретных разработок и акций, о которых ни общественность США, ни международная общественность не будут иметь (во всяком случае очень долгое время) никакого представления. Недавние разоблачения ряда секретных акций ЦРУ и ФБР лишь подтверждают это. Для тех, кто видит в подобных разоблачениях силу американской демократии, не должно укрыться и то, что многие из выявившихся только сегодня постыдных акций ЦРУ и ФБР имели место 10 или даже 15 лет тому назад. Разумеется, свобода печати в США облегчила Д. Элсбергу и "Нью-Йорк таймс" опубликовать множество

секретных материалов Пентагона. Ясно также, что подобные публикации невозможны и немыслимы в СССР. Но и в Соединенных Штатах разоблачения, сделанные Элсбергом, показывают не только силу, но и слабость независимой общественности и независимой прессы. Эти разоблачения показывают, сколь много важнейших для судеб нации решений и действий могут столь долго сохраняться в секрете и от американской общественности, и от американского Конгресса. Надо полагать к тому же, что и Пентагон, и Белый Дом, и ЦРУ, и ФБР сделали из всех этих "неприятных" для них публикаций свои выводы и будут теперь более тщательно охранять свои секреты. Нельзя преувеличивать "открытость" американского и вообще

261

западного общества, в ряде случаев мы имеем здесь дело с обычным пропагандистским мифом. В последние десятилетия в западном мире все большую силу приобретают громадные монополии, в том числе и наднациональные корпорации, деятельность и решения которых особенно тщательно скрыта завесой секретности. А ведь некоторые из этих корпораций имеют бюджет, превышающий бюджет Бельгии или Голландии. Эти корпорации подчас проводят собственную "внешнюю политику", организуя не только те или иные политические кампании, но и государственные перевороты. Они расходуют десятки миллионов долларов на подкуп и отдельных политиков, и целых политических партий, и они могут втайне от общества, а иногда и от государственных органов производить многие исследовательские и опытные разработки. В еще большей тайне протекает на Западе деятельность большинства крупнейших частных банков и финансовых объединений, возможности которых и в сфере экономики также нельзя недооценивать. Я думаю, что во многих отношениях нынешнее западное общество является не менее "закрытым", чем нынешнее советское общество. Поэтому идеализация А. Д. Сахаровым "доброй воли" и "открытости" Запада представляется не только странной, но и опасной иллюзией.

И на Западе, к сожалению, решены далеко не все проблемы политических, гражданских, экономических и социальных прав и свобод. Поэтому вопрос о контроле за разоружением, за тщательным соблюдением уже заключенных соглашений и возможных новых соглашений одинаково актуален и для Запада, и для Востока. И для Запада, и для Востока нужно приложить еще немало усилий, чтобы сделать свои общественные системы более "открытыми" и более демократическими.

Несколько слов о "несчастном" Гессе

Меня нередко спрашивают мои собеседники - неужели в книге А. Д. Сахарова имеется та фраза о страданиях "несчастливого" Гессе, по поводу которой так много говорилось в советской прессе? К сожалению эта фраза есть, и она в книге "О стране и мире" не является случайной оговоркой. Рассказывая своим читателям о судьбе литовского учителя-националиста Петра Паулайтиса, который еще во время войны был арестован гитлеровцами за спасение группы евреев и помещен в лагерь уничтоже

262

ния, который позднее за издание "националистической" газеты был осужден в СССР на 25-летнее а затем еще на 10-летнее заключение, А. Д. Сахаров восклицает, что судьба таких людей, "напоминающая о судьбе узников средневековых тюрем, а в наши дни - несчастного Гессе - не может не потрясать" (С. 32). И чтобы не было никаких сомнений насчет случайности такого сравнения, Сахаров добавляет, что он "пишет о Гессе, зная о его соучастии в создании преступной системы нацизма, но пожизненное заключение почти эквивалентно смертной казни, которую я отрицаю принципиально, безотносительно к тяжести совершенных преступлений" (С. 32).

Я не знаю, что содержится в обвинительном заключении по делу Петра Паулайтиса или другого литовца - Людвиг Симутиса, срок заключения которого заканчивается только в 1980 году. Но если верно то, что это люди, глубоко уважаемые их друзьями за честность и принципиальность, как свидетельствует Сахаров, то сравнение их судьбы с судьбой Гессе является, на мой взгляд, совершенно безответственным (я едва не сказал кошунственным).

Вопрос о людях, страдающих за убеждения, которых А. Д. Сахаров называет "узниками совести", никак нельзя смешивать с вопросом о людях, помещенных в тюрьму или лагерь за свои тяжелейшие уголовные и военные преступления. Смертная казнь и пожизненное заключение вовсе не одно и то же, и слова о том, что эти наказания "почти эквивалентны" не делают чести ни логическому, ни правовому мышлению автора разбираемой брошюры. Как известно, в большинстве западных стран, где давно отменена смертная казнь, сохраняется пожизненное заключение или заключение на такие сроки, как 40, 50 или 99 лет. Несколько лет назад я вместе с А. Д. Сахаровым и другими учеными подписал обращение в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о законодательной отмене в СССР смертной казни. Однако сколько я помню, в этом обращении делалась ссылка на условия сегодняшнего мирного времени, ибо есть в жизни народов такие периоды, когда смертная казнь за особо тяжкие преступления кажется вполне заслуженной карой. Неужели надо порицать израильтян за казнь Эйхмана, а Хрущева и Булганина за казнь Берия или Абакумова? Неужели приговоры Нюрнбергского суда были слишком суровыми? Если следовать А. Д. Сахарову, то и Гитлер, Гиммлер и Геббельс могли бы сегодня спокойно жить среди нас, не приди им в голову мысль покончить жизнь самоубийством!

263

Еще раз о свободе эмиграции

В своей новой книге А. Д. Сахаров выражает еще раз свою солидарность с такими политическими деятелями США, как Генри Джексон и Джордж Мини, он опять выражает солидарность с Сенатом США, поставившим вопрос о торговле с СССР в прямую связь со свободой эмиграции из СССР. Более того, А. Д. Сахаров призывает Конгресс США не идти в этом вопросе ни на какие компромиссы, заранее объявляя их недопустимой "капитуляцией". Он пугает американцев, заявляя, что если они примут точку зрения своего президента Д. Форда или государственного секретаря Г. Киссинджера, склоняющихся к компромиссу, то "в любых других аспектах разрядки после позорной капитуляции уже нельзя будет противостоять советскому шантажу, долгосрочные последствия которого могут быть ужасающими" (С. 41). А. Д. Сахаров решительно осуждает европейские страны и Японию за то, что они не поддержали в вопросе об эмиграции американский Конгресс и предоставили СССР те кредиты, которые Советский Союз поначалу просил у США. Сахаров призывает все западные страны поддержать давление на СССР в вопросе об эмиграции, даже если для этого потребуется пойти на временные ограничения, "очень незначительные по нашим стандартам" (С. 42). Точка зрения А. Д. Сахарова, развиваемая в этом разделе его книги, странным образом противоречит его же собственным принципам. В конце своей работы А. Д. Сахаров подчеркивает, что он является "убежденным эволюционистом и реформистом". Не раз и в прошлом Сахаров заявлял, что в СССР, да и во всем мире возможны и желательны лишь постепенные изменения, являющиеся результатом не революций, а реформ. Но как же может реформист и эволюционист выступать против всякого компромисса, да еще при решении столь сложной во всех отношениях проблемы, как свободный выбор страны проживания? Как может он в этом вопросе требовать от США и западных стран проведения политики, выражаемой словами: - "или все, или ничего"?

Даже введение полной свободы передвижения внутри СССР требует времени и постепенности. Тем более это следует сказать о свободе передвижения в масштабах всего мира. Для начала нужно разделить хотя бы вопрос о праве на политическое убежище и вопрос о выборе места жительства по другим, не политическим причинам. Ибо между различными странами и кон

264

тинентами в настоящее время разница в уровне жизни столь велика, что ее преодоление возможно лишь на протяжении жизни нескольких поколений. Даже в пределах Западной Европы нынешняя относительная свобода передвижения и выбора места жительства складывалась в течение десятилетий и даже столетий, однако и сегодня эти миграции населения из одной европейской страны в другую рождают немало проблем. А как же быть в

масштабах всего мира? Демографы предсказывают, например, удвоение и утроение населения в ближайшие 30 лет как раз в самых бедных странах Азии и Латинской Америки. Не приведет ли в этих условиях полная свобода выбора местожительства для всех людей к фактической ликвидации многих национальных государств с более развитой экономикой? Ведь А. Д. Сахаров специально подчеркивает, что он выступает за введение свободы эмиграции не только для евреев, а для людей всех национальностей и из всех "тоталитарных" государств. Совершенно очевидно, что и в этом вопросе А. Д. Сахаров занимает совершенно нереалистическую позицию.

Самая большая ошибка А. Д. Сахарова

Самой большой ошибкой А. Д. Сахарова (и самой непростительной для него, как лауреата Нобелевской премии мира) является занятая им позиция по вопросу о войне в Юго-Восточной Азии.

Во "Введении" к своей новой книге А. Д. Сахаров вспоминает об известной статье "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", которую он написал и опубликовал в 1968 году. При этом Сахаров замечает, что он и сегодня "в основном не отошел от сформулированной тогда позиции" (С. 6). Однако это далеко не так. Как раз по многим коренным вопросам современной действительности А. Д. Сахаров формулирует сегодня взгляды и предложения, прямо противоположные тем, которые он защищал 7-8 лет тому назад. Вот, например, что писал в 1968 году А. Д. Сахаров о Вьетнаме: "Во Вьетнаме силы реакции не надеются на желательный для них исход народного волеизъявления, применяют силу военного давления, нарушают все правовые и моральные нормы, совершают вопиющие преступления против человечности. Целый народ приносится в жертву предполагаемой задаче останковки "комму

265

нистического потопа". От американского народа пытаются скрыть роль соображений личного и партийного престижа, цинизм и жестокость, бесперспективность и неэффективность антикоммунистических задач американской политики во Вьетнаме, вред этой войны для истинных целей американского народа, которые совпадают с общечеловеческими задачами укрепления мирного сосуществования. Прекращение войны во Вьетнаме - это, в первую очередь, дело спасения гибнущих там людей. Но это также дело спасения мира во всем мире. Ничто так не подрывает возможности мирного сосуществования, как продолжение войны во Вьетнаме" ("А. Сахаров в борьбе за мир", Франкфурт на Майне, 1974. С. 17-18).

А вот что пишет А. Д. Сахаров о ситуации во Вьетнаме сегодня, после того, как война здесь, наконец, закончилась, и американские войска выведены со всего Индо-Китайского полуострова: - "Я считаю, что при большей решительности и последовательности в американских действиях в военной, и особенно в политических областях можно было бы предупредить трагическое развитие событий. Политическое давление на СССР с целью не допустить поставок оружия Северному Вьетнаму, своевременная посылка мощного экспедиционного корпуса, привлечение ООН, более эффективная экономическая помощь, привлечение других азиатских и европейских стран, - все это могло повлиять на ход событий, тем самым предупредить войну со всеми ее обоюдными ужасами... Но даже тогда, когда война зашла в тупик, сочетание дипломатических и решительных военных усилий, разъясненных народу США и всему миру, могло бы привести к стабилизации ситуации..." (С. 54-55). Этому, однако, помешала "целая армия гораздо более шумных и безответственных критиков, фактических дезертиров и саботажников, и политиканов, использовавших великую трагедию для своих узко-политических целей. Особенно возмутительна позиция многих европейцев, которые не ударили палец о палец для реальной помощи, но часто демагогически искажали сложное реальное положение и историческую перспективу" (С. 55). Прямо скажем, этот язык - не язык, который приличествует в данном случае лауреату премии мира. Что значит - предпринять в зашедшей в тупик войне решительные военные усилия? Как может А. Д. Сахаров, хотя бы и задним числом, рекомендовать странам

Западной Европы, Японии и даже странам "третьего мира" оказать Соединенным Штатам помощь "в трудной, почти безнадежной попытке проти

266

востоять тоталитарной угрозе в Юго-Восточной Азии?". Да ведь он сам пишет в своей книге "О стране и мире", что "Южно-вьетнамское общество, формально демократическое, на деле в значительной степени являлось коррумпированным обществом военной и полицейской бюрократии, мало отвечающим задачам момента" (С. 54). Ведь он сам пишет, что война во Вьетнаме сопровождалась не только гибелью американских и вьетнамских солдат, но также страшными бомбардировками и "убийством мирных жителей напалмом, фосфорными и шариковыми бомбами и прочими адскими выдумками современной войны" (С. 54). И понимая все это, А. Д. Сахаров рекомендует предпринять более решительные военные усилия и даже вовлечь в войну всех западных и восточных союзников США!

Надо прямо сказать, что здесь А. Д. Сахаров предлагает такую программу "умиротворения" Вьетнама, которой не предлагали даже самые решительные американские "ультра". Хорошо известно, что и президент Джонсон, и президент Никсон никак не хотели победы коммунистов во Вьетнаме, они немало потрудились, чтобы решить вьетнамскую проблему военными средствами и действовали в этом отношении весьма решительно. Но постепенно выяснилось, что война в джунглях Вьетнама, в стране, вдвое более далекой от США, чем Корея, с огромными по протяженности линиями фронта и с обширными партизанскими зонами, требует гораздо больших усилий, чем предполагал Макнамара в своем Пентагоне. Можно, конечно, предположить, что если бы США послали во Вьетнам не 500-тысячный, а 1500-тысячный экспедиционный корпус, поддержанный 500-600 тысячами европейских и японских солдат, если бы США перебросили в Юго-Восточную Азию еще несколько крупных военно-морских и военно-воздушных соединений, а также ассигновали на "помощь" Южному Вьетнаму еще несколько десятков миллиардов долларов, то здесь можно было бы "стабилизировать ситуацию" и создать устойчивую линию обороны, как это произошло в Корее. Но даже большинство американских "ультра" скоро поняли, что все это слишком большая цена за "победу над коммунизмом" в Юго-Восточной Азии. Сосредоточив в Индокитае едва ли не половину своей наземной армии, а также военно-воздушных и военно-морских сил, расходуя на войну со сравнительно небольшой азиатской страной половину своего военного бюджета и больше половины своих фондов помощи, Америка прочно и надолго связала бы себе руки в

267

Юго-Восточной Азии и лишилась бы свободы маневра во всех других частях земного шара. Военные обязательства США в Европе, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в других частях Азии оказались бы необеспеченными. Но ведь этим обстоятельством также мог бы воспользоваться мировой коммунизм. Является фактом, что еще в середине 60-х годов Куба, предпринимая попытки развязать партизанскую войну в некоторых странах Латинской Америки, открыто делала ставку на ослабление позиций США ввиду их вовлеченности в войну во Вьетнаме. "Надо устроить США второй Вьетнам в Латинской Америке", - говорили некоторые из латиноамериканских коммунистов. Тоже самое я слышал и на одной из лекций в Москве. И это были не только слова, "Американские критики вьетнамской войны, - пишет А. Д. Сахаров, - ясно видели, что победа не приближается, и ошибочно, с моей точки зрения, считали, что она возможна лишь при условиях таких решительных действий, которые поставят под угрозу современный мировой порядок" (С. 54). Нет, американские критики вьетнамской войны на этот счет несколько не ошибались. Ошибается сегодня сам А. Д. Сахаров. И именно он предлагает задним числом такую программу действий в Юго-Восточной Азии, которая действительно могла бы поставить под угрозу весь современный мировой порядок. Такая эволюция взглядов А. Д. Сахарова не может не вызвать огорчения и тревоги у всех тех, кто относился к нему до сих пор с глубоким уважением.

Достоевский однажды сказал или написал: - "Если надо выбирать между Христом и

истиной, я выбираю Христа". Однако мне кажется гораздо более правильным руководствоваться древней поговоркой: - "Платон мне друг, но истина дороже". Именно этим правилом я и старался руководствоваться в настоящей статье.

20 января - 20 февраля 1976 г.

Москва

